

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

С.В. Векленко,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Варданян,
Омская академия МВД России

ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕДОПУЩЕНИЯ, ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ УСТРАНЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

AGGRAVATING CIRCUMSTANCES PREVENTING, RESTRICTING OR ELIMINATING COMPETITION

Статья посвящена уголовно-правовой регламентации отягчающих обстоятельств недопущения, ограничения или устранения конкуренции. На основе анализа гражданского и уголовного законодательства отмечены причины, негативно влияющие на квалификацию преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 178 УК РФ, предложен ряд конкретных мер по их устранению.

Article deals with criminal-legal regulation of aggravating circumstances to prevent, restrict or eliminate competition. In it, based on the analysis of civil and criminal law, the authors noted the reasons affecting the qualification of a crime under Part 2 of Art. 178 of the Criminal Code, proposed a number of specific measures to address these causes.

Федеральным законом от 29 июля 2009 г. [1] представлена новая редакция ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Была проведена частичная пенализация ч. 2 ст. 178 УК РФ: увеличены размеры некоторых уголовных наказаний, например штрафа и лишения свободы на фиксированный срок, предусмотрен новый для этой нормы вид наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это изменило категоризацию преступлений: деяния, преду-

смотренные ч. 2 ст. 178 УК РФ, теперь относятся к тяжким преступлениям, т.е. произошло ужесточение уголовной ответственности. Отметим, что в п. 3 примечания к рассматриваемой норме закреплено: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления, возместило причиненный ущерб или перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате действий, предусмотренных настоящей статьей, и

если в его действиях не содержится иного состава преступления»[1]. Безусловно, для раскрытия экономических преступлений это важный и значимый момент, так как дает шанс виновному реабилитироваться посредством возмещения причиненного ущерба, что экономически выгодно и государству, и потерпевшим.

Согласно пунктам «а», «б» и «в» ч. 2 указанной нормы отягчающими обстоятельствами недопущения, ограничения или устранения конкуренции признаются следующие деяния:

- совершенные лицом с использованием своего служебного положения;
- сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства;
- причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере.

Попытаемся проанализировать некоторые из них, имеющие, на наш взгляд, ряд недостатков.

Такой квалифицирующий признак, как использование лицом своего служебного положения при недопущении, ограничении или устранении конкуренции, следует из специфики субъекта данного преступления.

Законодателем четко не выделены признаки специального субъекта, однако диспозиция нормы предполагает, что субъектом преступления может быть лицо, имеющее признаки, указывающие на его должностное положение, характер выполняемой работы или принадлежность к той или иной профессии. Поскольку основным документом, регулирующим экономические отношения в сфере конкуренции, является Федеральный закон «О защите конкуренции»[2], то для выяснения круга субъектов рассматриваемого преступления обратимся к нему.

Так, согласно п. 1 ст. 10 названного Закона, «запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции», а также установлен запрет на «ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия хозяйствующих субъектов»[2] (ст. 11). Во избежание возможных трудностей при установлении «хозяйствующего субъекта» в п. 5 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» дается определение данного понятия. Это индивидуальный предприниматель, коммерческая, а также некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую доход. Характеристики коммерческих и некоммерческих организаций изложены в п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее — ГК РФ)[3]. Согласно этой норме «юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации), либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации)». Понятие юридического лица раскрывается в ст. 48 ГК РФ.

Отметим, что к хозяйствующим следует отнести как субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке, так и не имеющих такого статуса. Во втором случае указанные субъекты совершают правонарушение по соглашению между собой или с органами власти и управления. Сказанное относится и к иностранным хозяйствующим субъектам, осуществляющим свою деятельность на территории Российской Федерации. Однако ответственное уголовное законодательство (в силу ст. 19 УК РФ) не предусматривает уголовной ответственности для юридических лиц: наказанию подлежит только физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом. Следовательно, если недопущение, ограничение или устранение конкуренции — результат неправомерной деятельности хозяйствующего субъекта (коммерческой или некоммерческой организации), то субъектом преступления следует признавать лицо, выполняющее управленческие функции в соответствующей организации. Признаки такого субъекта отражены в п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ: «лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях».

Полагаем, что к субъекту преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, наряду с лицом, выполняющим управленческие функции, следует отнести и лиц, уполномоченных представлять интересы отдельной организации, равно как и совершать от ее имени различные действия по доверенности.

Если в случаях недопущения, ограничения или устранения конкуренции виновен индивидуальный предприниматель (гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации (ст. 23 ГК РФ)), то он и будет субъектом преступления.

В главе 3 ФЗ «О защите конкуренции» установлен запрет на ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие), соглашения, согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местно-

го самоуправления, иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также государственных внебюджетных фондов, Центрального Банка Российской Федерации. По аналогии с юридическими лицами субъектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, следует признать должностных лиц указанных органов и организаций. Согласно п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Таким образом, субъектами рассматриваемого преступления являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих, а также некоммерческих организациях, осуществляющих деятельность, приносящую им доход, равно как и индивидуальные предприниматели, должностные лица органов власти и управления (в том числе государственных внебюджетных фондов и ЦБ РФ).

Среди ученых-правоведов нет единого мнения относительно вопроса о содержании понятия «использование служебного положения». В доктрине уголовного права по этой проблеме были высказаны две противоположенные точки зрения. Одни авторы считают, что в это понятие включаются не только действия, непосредственно связанные с выполнением должностным лицом и лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, обязанностей по службе, но еще и действия, совершенные вне службы, если они были обусловлены должностным влиянием лица либо авторитетом[4, 5, 6]. Другие полагают, что под использованием служебного положения следует понимать только действия (бездействие), совершаемые в пределах компетенции лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также должностного лица (в рамках обязанностей и прав, которыми они наделены), а потому исключается наличие данного понятия при совершении этими лицами действия, не связанного со служебными обязанностями[7, 8, 9].

Позволим себе не согласиться с первой из изложенных позиций. Попробуем смоделировать ситуацию. Если человек, наделенный должностными полномочиями, используя авторитет своего служебного положения, просит кого-либо совершить в его пользу должностное злоупотребление, то он сам в данном случае непосредственно по службе действий не совершает и не нарушает нормативных правовых актов, регламентирующих его

деятельность. Это следует расценивать как подстрекательство к преступлению. К тому же, как правильно заметил А. Я. Аснис, такие понятия, как «служебный авторитет» и «служебное влияние» юридически не могут быть определены с достаточной точностью[10].

Нам более близки взгляды второй группы ученых, поскольку ими предлагается четкий критерий для отграничения служебных злоупотреблений от других составов преступлений. Иначе говоря, в случае недопущения, ограничения или устранения конкуренции лицом с использованием своего служебного положения под последним необходимо понимать совершение должностным лицом и лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, действий или бездействия в пределах своей компетенции, т.е. в рамках прав и обязанностей.

Отметим, что при недопущении, ограничении или устранении конкуренции, совершенном лицом с использованием своего служебного положения, из круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, выпадают индивидуальные предприниматели, так как они не занимают служебного положения. При этом любые действия, направленные на достижение указанных целей должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации в пределах своей компетенции, будут автоматически квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ. Это означает, что субъектом по ч. 1 ст. 178 УК РФ может являться только индивидуальный предприниматель. Тогда насколько обусловлено признаниеотягчающим обстоятельством использования своего служебного положения?

Согласно ч. 3 ст. 23 ГК к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила этого Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. Получается, законодатель юридически уравнил деятельность индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Как уже отмечалось ранее, если недопущение, ограничение или устранение конкуренции — результат неправомерной деятельности хозяйствующего субъекта (коммерческой или некоммерческой организации), то субъектом преступления следует признавать лицо, выполняющее управленческие функции в соответствующей организации. Таким образом, законодатель, в ст. 178 УК РФ, дифференцировал уголовную ответственность двух равных по правоспособности лиц. Данная позиция, на наш взгляд, является неприемлемой. Это противоречит принципам дифференциации уго-

ловной ответственности, справедливости и равенства всех перед законом.

В отличие от лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, должностными лицами в пределах своей компетенции, вполне справедливо следует признать отягчающим обстоятельством. Ведь подобное деяние со стороны должностного лица не только причиняет ущерб хозяйствующим субъектам, гражданам, обществу или государству, но и дискредитирует власть, подрывает ее авторитет, порождает недоверие населения. Кроме того, общественная опасность данного преступления заключается в том, что оно совершается теми, на кого возложена обязанность соблюдать, а не нарушать законы.

В целях эффективного применения рассматриваемой нормы и во избежание противоречий с принципами уголовного закона предлагаем следующую редакцию п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ: «... совершенные *должностным* лицом с использованием своего служебного положения».

Опасность уничтожения и повреждения имущества заключается не только в том, что подобными действиями причиняется значительный ущерб собственности граждан, она выражается и в иных последствиях, которые могут наступить: гибель людей, причинение вреда здоровью и др.

Уничтожение имущества как признак объективной стороны преступления характеризуется следующими свойствами:

- лишение имущества экономической, хозяйственной ценности, определяющей его целевое назначение;
- полная невозможность восстановления его потребительских качеств и использования имущества по целевому назначению;
- исключение имущества из гражданского оборота.

Повреждение выражается в частичном лишении имущества его экономической, хозяйственной ценности (при этом вещь может быть пригодной к использованию по своему назначению).

Согласно таким трактовкам упомянутых признаков, недопущение, ограничение или устранение конкуренции, сопряженное с уничтожением имущества, предполагает противоправное виновное причинение вреда имуществу, приводящее к его полной непригодности для использования по целевому назначению и к лишению его экономической и хозяйственной ценности. Те же деяния, сопряженные с повреждением имущества, предполагают причинение такого вреда, который может быть устранен путем вложения дополнительных затрат, при этом вещь может быть частично пригодной к использованию.

Самостоятельным отягчающим обстоятельством недопущения, ограничения или устранения конкуренции является угроза уничтожения или повреждения имущества. Согласно нормам современного русского языка слово «угроза» толкуется как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло» [11]. В доктрине уголовного права также предлагается множество разнообразных по форме, но близких по содержанию определений угрозы. Например, А.И. Бойцов отмечает, что угроза заключается в «информационном воздействии на психическую подструктуру другого человека» [12], а А.И. Коробеев принимает угрозу за одну из форм психического насилия, представляющую объективированное волеизъявление лица причинить вред другому человеку, уstrasшить его [13]. На основе изложенного складывается и наше понимание угрозы как способа преступного воздействия на личность в процессе недопущения, ограничения или устранения конкуренции.

Угроза уничтожения или повреждения чужого имущества имеет место тогда, когда лицо при совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, выражает намерение причинить вред чужому имуществу, приводящий не только к его полной непригодности для использования по целевому назначению, но к лишению его экономической, хозяйственной ценности либо к его частичной непригодности.

В теории уголовного права важным и необходимым свойством угрозы признается ее реальность, т.е. наличие оснований опасаться ее исполнения [14, 15]. Реальность определяется двумя группами факторов:

- объективные: возможность лица реализовать угрозу;
- субъективные: восприятие потерпевшим реальности таких действий.

Только реальная возможность наступления угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества имеет уголовно-правовое значение.

Отметим, что для квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ по признакам уничтожения или повреждения чужого имущества либо угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества нужно установить отсутствие признаков вымогательства. Для этого необходимо знать определенно, какие ситуации или нарушения общественных отношений следует считать вымогательством. Под последним понимается требование передачи имущества (права на имущество) или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой уничтожения или повреждения имущества потерпевшего.

Следовательно, недопущение, ограничение или устранение конкуренции, сопряженные с уничто-

жением или повреждением чужого имущества либо с угрозой совершения аналогичных действий, не должны быть связаны с требованием передать имущество (право на него) или совершить какие-либо действия имущественного характера.

В новой редакции в рамках п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ законодатель указывает на признак сопряженности. Имеет ли место при подобной конструкции совокупность недопущения, ограничения или устранения конкуренции и преступления, с которым оно сопряжено, либо оно не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ?

Ранее юристы придерживались единой позиции, согласно которой уничтожение или повреждение чужого имущества полностью охватывалось ч. 3 ст. 178 УК РФ и дополнительная квалификация по ст. 167 УК РФ не требовалась [16, 17] (отметим, что в предыдущей редакции законодатель не указывал на признак сопряженности). Это не противоречило требованиям ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Однако подобная законодательная формулировка не снимает вопрос о квалифицированном составе преступления, сопряженного с другими противоправными деяниями, поскольку он основан на разъяснениях, содержащихся в различных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в постановлениях от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [18] и от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ» [19], судам предлагается квалифицировать убийство, сопряженное с соответствующими преступлениями, по совокупности. Однако некоторые специалисты, ссылаясь на положения ч. 1 ст. 17 УК РФ, полагают, что в ситуации убийства, сопряженного с иным преступлением, речь идет о составном преступлении, которое должно квалифицироваться только по ч. 2 ст. 105 УК РФ [20, 21].

По поводу существования такой коллизии абсолютно верно заметила Н.Ф. Кузнецова: «Ввиду законодательных квалификационных ошибок правоприменительная практика пренебрегла нормативными формулировками сопряженности убийства с различными по объекту и, следовательно, характеру общественной опасности преступлениями и, как правило, квалифицировала названные в соответствующих пунктах ч. 2 ст. 105 преступления по совокупности с убийством. При этом с неизбежностью нарушался важный принцип запрета двойной ответственности (ч. 2 ст. 6 УК РФ): Никто не может нести уголовную ответственность

дважды за одно и то же преступление» [22]. Для выхода из подобных ситуаций автор предлагает пользоваться правилами квалификации не только сложных составных преступлений, но и совокупности преступлений. Квалифицироваться как единое составное преступление должно такое деяние, которое имеет общий родовый объект, а слагающие его преступления по категории тяжести должны быть ниже его [22]. Отметим, что в настоящее время нет единого подхода к решению названной проблемы, однако предложенная Н.Ф. Кузнецовой схема квалификации сопряженных преступлений, на наш взгляд, вполне приемлема. Поскольку п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ полностью соответствует этим правилам, полагаем, что недопущение, ограничение или устранение конкуренции, сопряженное с уничтожением или повреждением чужого имущества, не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ.

Итак, анализ отягчающих обстоятельств недопущения, ограничения или устранения конкуренции позволяет нам сделать следующие выводы:

1) в новой редакции ч. 2 рассматриваемой нормы законодатель провел частичную пенализацию, переведя ее из категории преступлений средней тяжести в категорию тяжких преступлений;

2) для соответствия принципам уголовного закона текст п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ необходимо изменить, используя формулировку «совершенные должностным лицом с использованием своего служебного положения»;

3) изменение редакции п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ еще раз подтверждает, что непродуманные действия законодателя лишь усугубляют несовершенство практики применения уголовного закона, которое обусловлено проблемами, связанными с характеристикой «сопряженности».

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в ст. 178 УК РФ: Федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ // Российская газета. — 2009. — 31 июля.
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета. — 2006. — 27 июля.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: (часть первая) (по состоянию на 28.12. 2009 г.), с изм. и доп. — М., 2009. — С. 20.
4. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. — М., 1948. — С. 327—328.
5. Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. — М., 1956. — С. 60.
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. — М., 2001. — С. 597.

7. Кириченко В. Ф. Некоторые вопросы ответственности за злоупотребление властью или служебным положением // Советская юстиция. — 1965. — № 4. — С. 12.
8. Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. — Казань, 1972. — С. 107—113.
9. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. — М., 1997. — С. 348.
10. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления. — М., 2004. — С. 310.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1986. — С. 716.
12. Бойцов А.И. Преступления против собственности. — СПб., 2002. — С. 438.
13. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. / под ред. А. И. Коробеева. — Владивосток, 2000. — Т. 3. — С. 237.
14. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. — Омск, 1978. — С. 36.
15. Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 6.
16. Лопашенко Н.А. Комментарий к ст. 178 УК РФ // СПС «Консультант Плюс».
17. Бойцов А.Н., Образижев К.В. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции. — Ставрополь, 2006. — С.126.
18. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2.
19. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.07.2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 8.
20. Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве»: критический взгляд // Уголовное право. — 2000. — № 2. — С. 7.
21. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений. — М., 2006. — С. 131.
22. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». — М., 2007. — С. 286.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Векленко Сергей Владимирович. Заместитель начальника Воронежского института МВД России по научной работе. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: VeklenkoSV@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 312-651.

Варданян Тигран Мелоевич. Аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Омская академия МВД России.

E-mail: tigran8407@mail.ru

Россия, 644092, Омск, проспект Комарова, 7. Тел. 8-904-328-80-85.

Veklenko Sergei Vladimirovich. Deputy head of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia's scientific work. Doctor of juridical sciences, professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 312-651.

Vardanyan Tigran Meloevich. Post-graduate student.

Faculty of training of scientific-pedagogical staff.

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 644092, Omsk, Prospect Komarova, 7. Tel. 8-904-328-80-85.

Ключевые слова к статье: конкуренция; служебное положение; уничтожение имущества; угроза; сопряженное.

Key words: competition; employment status; property destruction; the threat; conjugate.

УДК 343.2

В.Н. Верютин,
начальник Управления ФСБ
по Липецкой области

МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ: СТРУКТУРА И КОМПЕТЕНЦИЯ

INTERDEPARTMENTAL COMMISSION OF THE STATE SECRETS PROTECTION: STRUCTURE AND COMPETENCE

Рассматриваются некоторые особенности построения отечественной системы защиты государственной тайны. Особое внимание в исследовании обращается на путь становления, структуру, компетенцию и перспективу развития Межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

The article discusses some design features of the domestic system of the state secrets protection. The main attention draws to the research of formation way, structure, competence and the development prospects of the Interdepartmental commission of the state secrets protection.

В советский период основным субъектом, осуществляющим нормативное регулирование в сфере защиты государственной тайны, а также надзорную деятельность в этой сфере, являлся КГБ СССР. Однако формирование общей политики в области защиты государственной тайны выведено из компетенции органов государственной безопасности еще в самом начале создания российской суверенной государственности.

Возникшая необходимость определения государственного органа, ответственного за реализацию данной государственной функции, привела к возникновению Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Как следовало из положений ст. 20 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года №5485-1, Межведомственная комиссия является коллегиальным органом, координирующим деятельность органов государственной власти по защите государственной тайны в интересах разработки и выполнения государственных программ, нормативных и методи-

ческих документов, обеспечивающих реализацию законодательства о государственной тайне [3].

Первое положение о Межведомственной комиссии по защите государственной тайны в виде отдельного акта появилось только в 1996 году [4]. Функциональные задачи этого органа в данном акте были сформулированы в виде комплекса правомочий, что достаточно редко встречается в юридико-техническом оформлении статусных нормативных правовых актов. Основными функциональными задачами в общем комплексе правомочий являлись:

- формирование перечня должностных лиц органов государственной власти, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне;
- формирование перечня сведений, отнесенных к государственной тайне;
- рассмотрение и представление в установленном порядке Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации

предложений по правовому регулированию вопросов защиты государственной тайны и совершенствованию системы защиты государственной тайны в Российской Федерации;

- подготовка предложений по организации разработки и выполнения государственных программ, нормативных и методических документов, обеспечивающих реализацию федерального законодательства о государственной тайне, и представление их в установленном порядке в Правительство Российской Федерации.

Данные функциональные задачи нельзя рассматривать в отрыве от персонального состава органа, так как он устанавливает перечень основных административных ведомств, определяющих формирование государственной политики в сфере государственной тайны. После стабилизации правового статуса Межведомственной комиссии определился и первый стабильный ее персональный состав по должностям [5], анализ которого показывает, что, во-первых, в комиссии представлены исключительно федеральные органы исполнительной власти; во-вторых, все представленные федеральные органы исполнительной власти можно поделить на следующие группы: блок спецслужб, военный блок, блок военной промышленности; в-третьих, персональный состав Межведомственной комиссии практически полностью совпадает с перечнем ведомств, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне.

В настоящее время персональный состав Межведомственной комиссии в определенной мере претерпел изменения — в нем существенно усилился «блок» представителей главы государства, что свидетельствует о большем внимании со стороны руководства страны к вопросам обеспечения государственной тайны. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2009 года № 228 «Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны» [6] состав данного органа определен следующим образом:

- руководитель Администрации Президента Российской Федерации (председатель Межведомственной комиссии);
- заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации (заместитель председателя Межведомственной комиссии);
- директор ФСТЭК России (заместитель председателя Межведомственной комиссии);
- заместитель директора ФСТЭК России (ответственный секретарь Межведомственной комиссии);
- заместители Министра юстиции Российской Федерации, Министра промышленности и

- торговли Российской Федерации, Министра иностранных дел Российской Федерации, Министра экономического развития Российской Федерации, Министра внутренних дел Российской Федерации, Министра образования и науки Российской Федерации, Министра финансов Российской Федерации;

- заместители директора СВР России, директора ФСТЭК России, директора ФСО России;

- заместитель начальника Государственно-правового управления Президента Российской Федерации;

- начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;

- заместитель начальника Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации;

- заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации;

- заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации;

- заместитель генерального директора Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»;

- заместитель начальника Управления информационного и документационного обеспечения Президента Российской Федерации;

- руководитель Службы экономической безопасности ФСБ России.

В настоящее время состав рассматриваемого государственного органа преимущественно состоит из ответственных работников Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Правительства Российской Федерации, Совета Безопасности Российской Федерации, а также основных административных ведомств, в деятельности которых образуется наибольшее число сведений, составляющих государственную тайну. Это во многом объясняется тем, что начиная с 2004 г. [7] общее руководство деятельностью Межведомственной комиссии осуществляет непосредственно Президент Российской Федерации.

Полномочия Межведомственной комиссии можно подразделить на координационные, нормотворческие и экспертные. К числу координационных относятся:

- координация деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций по вопросам реализации законодательства в области государственной тайны;

- координация работ по техническому регулированию в отношении продукции (работ, услуг), сведения о которых составляют государственную тайну, а также работ по организации сертификации средств защиты информации;

- координация работ по лицензированию деятельности организаций, связанной с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите информации;

- координация деятельности в области подготовки, переподготовки и (или) повышения квалификации специалистов по вопросам защиты государственной тайны.

К числу нормотворческих полномочий (под которыми понимается не принятие, а подготовка проектов нормативных правовых актов и изменений в действующие нормативные правовые акты) относятся:

- рассмотрение и представление в установленном порядке Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации предложений по правовому регулированию вопросов защиты государственной тайны и совершенствованию системы защиты государственной тайны в Российской Федерации, а также предложений по организации разработки и выполнения государственных программ, нормативных правовых актов и методических документов, обеспечивающих реализацию федерального законодательства о государственной тайне;

- формирование перечня должностных лиц органов государственной власти, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне;

- формирование перечня сведений, отнесенных к государственной тайне;

- формирование перечня особорежимных объектов Российской Федерации и представление его в Правительство Российской Федерации;

- организация разработки и представления в Правительство Российской Федерации предложений о порядке определения размеров ущерба, который может быть нанесен безопасности Российской Федерации вследствие несанкционированного распространения сведений, составляющих государственную тайну, а также ущерба, наносимого организациям и гражданам в связи с засекречиванием информации, находящейся в их собственности;

- организация разработки и представление в Правительство Российской Федерации предложений по правилам отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности;

- осуществление разработки методических рекомендаций по организации и проведению государственной аттестации руководителей организаций, ответственных за защиту сведений, составляющих государственную тайну;

- определение перечня учебных заведений, свидетельство об окончании которых дает право на освобождение руководителей организаций от государственной аттестации.

К числу экспертных полномочий относятся:

- осуществление рассекречивания и продления сроков засекречивания документов КПСС, Правительства СССР и других архивных документов в случае отсутствия организации-фондообразователя и ее правопреемника;

- рассмотрение запросов органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан о рассекречивании сведений, отнесенных к государственной тайне;

- рассмотрение вопросов о возможности передачи сведений, составляющих государственную тайну, другим государствам и международным организациям и предоставление в установленном порядке в Правительство Российской Федерации соответствующих экспертных заключений;

- рассмотрение по поручениям Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации экспертных заключений в целях определения возможного ущерба, который может быть нанесен безопасности Российской Федерации вследствие несанкционированного распространения сведений, составляющих государственную тайну, а также ущерба, нанесенного организациям и гражданам в связи с засекречиванием информации, находящейся в их собственности;

- рассмотрение по поручениям Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации проектов международных договоров Российской Федерации о совместном использовании и защите сведений, составляющих государственную тайну, организация разработки соответствующих предложений и экспертных заключений;

- дача заключений на решения руководителей органов государственной власти, связанные с изменением действующих в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях перечней сведений, подлежащих засекречиванию, которые могут привести к изменению перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, приостановление или опротестование их решения;

- решение вопросов о продлении 30-летнего срока засекречивания сведений, составляющих государственную тайну;

- дача по запросу Межведомственной комиссии, образуемой для рассмотрения обращений граждан Российской Федерации в связи с ограничениями их права на выезд из Российской Федерации, заключения о том, что сведения особой

важности или совершенно секретные сведения, о которых гражданин был осведомлен на день подачи заявления о выезде из Российской Федерации, сохраняют либо утратили соответствующую степень секретности.

Совокупное рассмотрение состава Межведомственной комиссии и перечня полномочий позволяет сделать ряд выводов об особенностях ее правового статуса.

Во-первых, это коллегиальный орган, который в полном смысле слова к числу органов государственной власти отнести невозможно, так как его нормотворческая и исполнительно-распорядительная деятельность существенно ограничены. У комиссии также отсутствуют какие-либо контрольные полномочия. Следовательно, по сложившейся в настоящее время доктринальной классификации ее можно отнести к категории иных государственных органов.

Во-вторых, весьма важным является вопрос о целесообразности столь широкой коллегиальности в принятии решений по проблемам, возникающим в сфере государственной тайны. Исходя из состава Межведомственной комиссии, она может собираться для решения вопросов достаточно редко, поэтому основная нагрузка на подготовку решений падает на аппарат комиссии, осуществляющий предварительную работу и разработку проектов документов. Весьма примечательным является наличие своеобразного права «вето», когда при голосовании решение не может быть принято в случае несогласия с ним члена Межведомственной комиссии, представляющего федеральный орган исполнительной власти, иной государственный орган, к чьей компетенции в соответствии с федеральным законодательством отнесен рассматриваемый вопрос. Данной нормой подчеркивается важность отношений в сфере государственной тайны, однако в Положении отсутствует правовой механизм преодоления данного права «вето» конкретным вышестоящим органом государственной власти (в данном случае неясно, кто и каким образом будет докладывать материалы Президенту Российской Федерации, осуществляющему общее руководство деятельностью Межведомственной комиссии).

В целом можно сказать, что коллегиальность в принятии решений по вопросам засекречивания, рассекречивания сведений, возможности их передачи иностранным государствам и международным организациям, продления 30-летнего срока засекречивания (а именно эти вопросы являются наиболее существенными с точки зрения сохранения государственной тайны) является более предпочтительной, чем единоличное

принятие таких решений, так как позволяет учесть интересы всех ключевых административных ведомств, в деятельности которых образуется такая информация.

В-третьих, в Положении нечетко просматривается роль Межведомственной комиссии как координатора органов публичной власти по вопросам реализации законодательства о государственной тайне, так как нигде не определено, что ее решения в качестве государственного органа имеют нормативную силу, либо «октроируются» нормативным правовым актом какого-то органа государственной власти либо должностного лица.

В-четвертых, в связи с тем, что состав Межведомственной комиссии периодически менялся, влияние решений данного органа является также достаточно переменной величиной. Например, в тот период времени, когда в Межведомственной комиссии были представлены только федеральные органы исполнительной власти, ее решения было трудно распространить на иные ветви власти, а также на органы прокуратуры. По мнению автора, данный аспект статуса Межведомственной комиссии, то есть то, какое должностное лицо должно ее возглавлять, целесообразно закрепить законодательно путем внесения дополнения в ст. 20 Закона о государственной тайне.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий обобщенный вывод. Межведомственная комиссия по защите государственной тайны является коллегиальным государственным органом, формируемым на основе представительства от органов государственной власти, которое определяет Президент Российской Федерации. Данному органу предоставлены достаточно широкие координационные, экспертные, а также ограниченные нормотворческие полномочия. Юридическая сила решений Межведомственной комиссии во многом определяется тем, какие именно должностные лица входят в ее состав. В настоящее время, в связи с тем, что ее возглавляет руководитель Администрации Президента Российской Федерации, влияние ее решений на всю систему государственной власти следует признать достаточным. Коллегиальность в решении вопросов в сфере государственной тайны, исходя из существующей системы органов государственной власти, представляется наиболее приемлемой формой для достижения должного результата, так как позволяет солидаризовать мнения и учесть нюансы оборота данной категории информации ограниченного доступа в различных ведомствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. О федеральных органах государственной безопасности: Закон Российской Федерации от 8 июля 1992 г. №3246/1-1 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 25.04.2010).

2. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. №40-ФЗ // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 25.04.2010).

3. О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. №5485-1 // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 25.04.2010).

4. Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны: Указ Президента

Российской Федерации от 20 января 1996 г. № 71 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 23.04.2010).

5. О персональном составе Межведомственной комиссии по защите государственной тайны: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1996 г. № 203 (утратило силу) // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 22.04.2010).

6. Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны: Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2009 г. № 228 // СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 22.04.2010).

7. Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны: Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2004 г. № 1286// СПС «Консультант Плюс», 2010 (дата обращения: 22.04.2010).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Верютин Владимир Николаевич. Начальник Управления Федеральной службы безопасности по Липецкой области.

Россия, 398000, г. Липецк, ул. Советская, д.13а.

Verutin Vladimir Nikolaevich. The chief of the Federal Security Service Department on the Lipetsk region.

Work address: Russia, 398000, Lipetsk, Sovietskaya str., 13a.

Ключевые слова к статье: информационное право; конфиденциальная информация; государственная тайна; национальная безопасность; Межведомственная комиссия по защите государственной тайны.

Key words: information law; confidential information; state secret; national security; Interdepartmental commission of the state secrets protection.

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Всероссийская научно-практическая конференция «Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних в России: проблемы теории и практики»: сборник материалов. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — 118 с.

В сборнике содержатся материалы докладов курсантов, слушателей, студентов и адъюнктов на Международной научно-практической конференции, прошедшей в Воронежском институте МВД России 21 мая 2009 г. совместно с Белгородским юридическим институтом МВД России.

В.П. Богомолов,
*председатель Воронежского областного
суда*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS WITH PARTICIPATION OF MINORS

Представлены некоторые выводы по результатам проведенного анкетного опроса федеральных судей Воронежской области. Вопросы анкеты направлены на изучение практики рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних.

Some conclusions by results of the spent questionnaire of federal judges of the Voronezh region are presented. Questionnaire questions are directed on studying of practice of consideration of criminal cases with participation of minors.

Существенные преобразования, происходящие в Российской Федерации, связанные с интеграцией международных правовых институтов, предопределили необходимость усовершенствования национального законодательства в сфере защиты прав и обеспечения гарантий при отправлении правосудия по делам несовершеннолетних.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствуют нормативные и правовые акты, которые бы регулировали институт ювенальной юстиции. В связи с этим внедрение ювенальных технологий осуществляется по инициативе самих субъектов Российской Федерации с использованием кадровых, финансовых и правовых возможностей. Такие изменения затронули суды уже более 30 субъектов Российской Федерации, в связи с чем они не могли остаться без внимания и со стороны других судов, в число которых входит и Воронежский областной суд. Правосудие по делам несовершеннолетних в Воронежской области осуществляется в рамках сложившейся судебной практики, но рассмотрение дел этой категории на уровне районных судов пору-

чается в основном специально закрепленным судьям, т.е. в отдельных судах введена специализация судей по рассмотрению таких дел, что соответствует требованиям Верховного Суда РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 14 февраля 2000 года №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [1] рекомендовал рассмотрение дел данной категории наиболее опытными судьями, при обеспечении их профессиональной компетентности путем обучения и повышения квалификации не только по вопросам права, но и педагогики, социологии, психологии. В Воронежском областном суде уже давно ведется соответствующая работа, в связи с чем 26 февраля 2010 года в здании Воронежского областного суда была проведена очередная учеба мировых судей и районных судов, а среди рассматриваемых вопросов были и те, которые касаются проблем применения законодательства при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних [2].

Для определения адресной помощи судьям Воронежской области было намечено несколько мероприятий, первоначальными из которых стали анкетирование судей и изучение судебной практики по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Анкетированию подверглись 200 федеральных судей г. Воронежа и области, из них 48,7% имеют стаж работы в должности судьи 6—10 лет; 7,5% — 11—15 лет; 10% — 16—20 лет; 18,8% — более 20 лет. Возраст большинства опрошенных (59%) составил 45–49 лет и старше, при этом все без исключения опрошенные рассматривали уголовные дела с участием несовершеннолетних, а 1,3% — на постоянной основе. Вопросы анкетирования касались как в целом ювенальной юстиции и внедрения ювенальных технологий, так и правоприменительной практики по изучаемой категории уголовных дел.

Анализ проведенного анкетирования показывает, что более половины судей выступают за введение ювенальной юстиции и внедрение ювенальных технологий, из них 10% за то, чтобы процесс введения ювенальной юстиции в РФ шел ускоренными темпами. Однако 8,8% высказались против таких нововведений, причем 5% полагают вообще нецелесообразным создание ювенальной юстиции в РФ, а 38,8% считают, что достаточно специализации судей по рассмотрению таких дел, но при этом подобная специализация должна быть не только в суде, а и в подразделениях следствия, дознания, уголовного розыска, что позволит улучшить качество расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних. Думается, что приведенные цифры примерно отражают и отношение к ювенальной юстиции, которое сложилось в российском обществе, а помимо этого и то, что назрела необходимость в переосмыслении отношения судей к уголовным делам с участием несовершеннолетних. Для этого требуется продолжение работы по введению специализации судей по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних в федеральных судах, а также проведение переподготовки и повышение квалификации таких судей. Обобщение результатов анкетирования подтвердило актуальность работы по обучению судей, которая должна строиться на изучении как общих вопросов, касающихся уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних, так и специальных, основанных на сочетании знаний и правильного толкования уголовно-процессуальных норм с тактическими особенностями работы с несовершеннолетними, где прослеживалась бы неразрывная взаимосвязь с социальными, психологическими, педагогическими и другими аспектами.

Вывод о том, что бесполезно разьяснить судьям даже наиболее общие вопросы, касающиеся уголовного судопроизводства с участием несовер-

шеннолетних, основан на следующих результатах, полученных в ходе анкетирования. Так, на вопрос анкеты: «Кто, по Вашему мнению, включается в понятие «малолетний» в уголовном судопроизводстве?» — 78,8% ответили, что дети в возрасте до 14 лет, остальные же ответы выглядят следующим образом: дети в возрасте до 10 лет — 10%; дети в возрасте до 12 лет — 8,8%; дети в возрасте до 16 лет — 1,3%; дети в возрасте до 18 лет — 1,3%. На схожий вопрос анкеты о том, кто включается в понятие «несовершеннолетний» в уголовном судопроизводстве, только 47,5% судей ответили, что дети в возрасте от 14 до 18 лет; 2,5% — дети в возрасте до 14 лет; 7,5% — дети в возрасте до 16 лет; 42,5% — дети в возрасте до 18 лет. Ошибки в определении возрастных периодов ребенка, а также в установлении его возраста, что входит в число обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по рассматриваемой категории дел, могут привести к существенным нарушениям норм закона. В частности, могут повлечь за собой неправильное толкование норм Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), например понимания «беспомощного состояния человека», одним из вариантов которого может быть малолетний возраст; неправильное применение норм главы 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), которые распространяются на несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и т.д.

Специфика рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних показывает, что для судьи недостаточно глубоких знаний в области права, ему требуются жизненный опыт, знания в социальной и психолого-педагогической сферах. Выбор того или иного решения, связанного с несовершеннолетним, обязывает судью всесторонне оценить имеющееся положение дел, тем более что на это неоднократно обращал внимание Верховный Суд Российской Федерации и этого же требуют международные акты. Данное положение ведет к неоднозначности применения отдельных норм, установленных УПК РФ. Так, неоднозначна правоприменительная практика в отношении такой меры пресечения, как просмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [3], в пункте 13 предписывают, что содержание несовершеннолетнего под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени. Содержание под стражей до суда по возможности должно заменяться другими альтернативными мерами, одной из которых в Российской Федерации является просмотр за несовершеннолетним подозре-

ваемым или обвиняемым. Как показывают результаты анкетирования, судьи стараются придерживаться установленных требований, но применение присмотра за несовершеннолетним обязывает изучить еще и отношение к этой мере пресечения со стороны тех лиц, которые будут ее реализовывать. Так, по мнению опрошенных судей, только 65% родителей, опекунов, попечителей и других заслуживающих доверие лиц готовы взять несовершеннолетних под присмотр, другая же часть таких лиц отказывается от данной меры в связи с тем, что ее нарушение влечет денежное взыскание с родителей (22,5%), либо потому, что считают ребенка неконтролируемым (2,5%), в 3,8% случаев родители безразличны к своим детям, и только 5% опрошенных судей не применяли такой меры пресечения, так как не имеют необходимого опыта ее избрания и незнакомы с соответствующей судебной практикой.

Небезынтересными остаются вопросы использования информационных технологий в деятельности судей при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних. Ответы на вопросы, заданные судьям, показывают, что в судебской практике слабо или практически никак не используются глобальные сети, например Интернет, информационные базы данных и т.д. Так, только 10% опрошенных ответили, что они используют сеть Интернет для работы с несовершеннолетними, 77,5% не используют глобальные сети, в том числе и Интернет, в своей практике с несовершеннолетними, а 1,3% посетовали на то, что у них нет сети Интернет.

Достаточно слабо используются в судебной практике и базы данных. Исходя из проведенного анкетирования, никакими базами данных не пользуются 41,3% опрошенных судей, при этом значительная часть (53%) пользуются справочной правовой системой «КонсультантПлюс», только 2,5% — «Гарант» или ГАС «Правосудие» и 3,8% — базами данных МВД РФ.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что судьи в недостаточной мере осведомлены о значительном информационном массиве, накопленном в сети Интернет, который можно успешно использовать в своей практической деятельности при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних. Активное использование сети Интернет позволило бы более оперативно обмениваться соответствующей практикой, недостаток которой испытывают около 10% опрошенных. Можно предположить, что отсутствие интереса к сети Интернет со стороны отдельных судей не позволяет им в полной мере обладать той информацией, которую получают там несовершеннолетние, как одни из наиболее активных пользователей. Вне всякого сомнения, использование информацион-

ных ресурсов и возможностей сети Интернет позволяет более полно и всесторонне рассматривать уголовные дела, в том числе и с участием несовершеннолетних. Информационный вакуум, в котором находятся некоторые судьи, не дает им возможности владеть актуальной и необходимой информацией по рассматриваемым вопросам. Так, сравнительно недавно в ГУВД по Воронежской области в подразделениях по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) появились школьные инспектора. ГУВД по Воронежской области поддержало данное новаторство других субъектов Российской Федерации и достаточно успешно реализует в работе с несовершеннолетними, число правонарушений которых в первом квартале 2010 года сократилось более чем на 25%. Данные цифры были приведены 15 апреля 2010 года на расширенном заседании коллегии ГУВД по Воронежской области [4].

Помимо школьных инспекторов ПДН в стране активно внедряется институт медиаторства, когда специально подготовленные лица занимаются примирением сторон и другими примирительными процедурами. Особенно это актуально по уголовным делам с участием несовершеннолетних. В настоящее время проект закона «О примирительной процедуре с участием медиатора-посредника» находится на рассмотрении в Государственной Думе. В конце января 2009 года Президент Российской Федерации Д.А. Медведев лично распорядился в самое ближайшее время подготовить и внести изменения в соответствующие законодательные акты, имеющие отношение к развитию судебной системы в России. Речь идет о «разработке и внедрении досудебных процедур рассмотрения споров (включая медиацию)». Соответствующее поручение дано главой государства по итогам VII Всероссийского съезда судей, состоявшегося 2 декабря 2008 года в Москве. Ряд судов, в том числе и Липецкий областной суд, 17 и 18 декабря 2009 года провели семинары на тему: «Службы примирения в работе с конфликтами и правонарушениями с участием несовершеннолетних».

Исходя из сказанного, все более актуальным становится вопрос о том, насколько положительно влияют или могут повлиять на практику уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних появляющиеся новые правовые и общественные институты, в частности, школьные инспектора ПДН, лица, занимающиеся примирением сторон (медиаторы). Однако в ходе проведенного анкетирования 5% судей ответили, что вообще не знают о появлении школьных инспекторов ПДН, возможностях медиаторов и ждут, когда появится судебная практика. При этом 35% опрошенных судей ответили, что появление школьных инспекторов ПДН и лиц, занимающихся примирением сторон (медиаторов),

положительно влияет на уменьшение числа преступлений с участием несовершеннолетних.

При всей проводимой в судах области информатизации удивляет то, что почти половина опрошенных не пользуются базами данных, ресурсы которых существенно облегчают работу. Проблема состоит и в том, что суды не имеют автоматизированного доступа к базам данных, накопленных на несовершеннолетних, например, в МВД РФ и других ведомствах, а такая информация оказала бы существенную помощь в работе судей. Особенно это становится актуальным в связи с развитием ГАС «Правосудие» [5].

Резюмируя сказанное, отметим, что в данной статье приведена только часть результатов проведенного анкетирования, но и они показывают акту-

альность и значимость проблем, связанных с рассмотрением уголовных дел с участием несовершеннолетних. В Воронежском областном суде будет продолжена работа по совершенствованию мер, направленных на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2000. — № 4.
2. <http://oblsud.vrn.sudrf.ru/>
3. <http://www.pravoteka.ru/pst/52/25732.html>
4. <http://www.guvd.vrn.ru/>
5. <http://www.sudrf.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Богомолов Виталий Петрович. Председатель Воронежского областного суда.
1 квалификационный класс.

Россия, 394006, г. Воронеж, улица Орджоникидзе, 41. Тел. 8(4732) 22-65-02.

Bogomolov Vitaly Petrovich. The chairman of the Voronezh Regional Court.
1 qualifying class.

Work address: 394006, Voronezh, Ordzhonikidze str., 41. Tel. 8 (4732) 22-65-02.

Ключевые слова: несовершеннолетние; юстиция; информационные технологии; присмотр за несовершеннолетним.

Key words: minors; justice; an information technology; supervision for the minor.

ББК 67.410.2

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Кораблев С.Е. Психология в деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних: учебное пособие / С.Е. Кораблев. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — 200 с.

В пособии рассматривается психологическая сущность проблем, характеризующих деятельность сотрудников подразделений органов внутренних дел, занимающихся предупреждением преступности среди несовершеннолетних. Учебные материалы подобраны с учетом психологических характеристик лиц, вовлеченных в сферу деятельности сотрудников ПДН.

Издание предназначено для сотрудников органов внутренних дел, а также для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России.

Е.Б. Кургузкина,
доктор юридических наук,
ВНИИ МВД России по Черноземью

Р.В. Полянский,
Воронежский государственный аграрный
университет им. К.Д. Глинки

НЕКОТОРЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ФОРМЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ И НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

SOME OBJECTIVE INDICATIONS OF THE TAX CRIMES, COMMITTING IN FORM OF VALUE-ADDED TAX AND PROFIT TAX AVOIDANCE

Предметом настоящего исследования являются налоговые преступления, совершаемые в форме уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организации. Особое внимание уделяется таким объективным признакам данных преступных посягательств, как общественная опасность и объект преступления.

The subject of the paper under review is the tax crimes, committing in form of value-added tax and profit tax avoidance. Special attention is given to such objective indications of these criminal offences as the social danger and the target of the crime.

Согласно наиболее распространенной в настоящее время точке зрения, к собственно налоговым преступлениям относятся лишь те деяния, которые непосредственно посягают на отношения, возникающие в связи с уплатой налогов и сборов в бюджет и государственные внебюджетные фонды. Такие преступления выражаются в неисполнении налогоплательщиками своих обязанностей по исчислению, уплате или перечислению налогов и сборов в бюджетную систему РФ [11].

Кроме того, как справедливо указывает А.П.Зрелов, преступный характер деяния в налоговой сфере должен быть признан уголовным

законодательством территории, к юрисдикции которого оно отнесено [9].

Таким образом, признаками налогового преступления являются:

- вина субъекта преступления, то есть лица, совершившего деяние;
- общественная опасность деяния;
- нарушение норм законодательства о налогах и сборах;
- наличие запрета уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение деяния.

Следуя данной правовой доктрине, к непосредственно налоговым преступлениям принято относить противоправные деяния, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации [1]:

- ст. 198 («Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица»);
- ст. 199 («Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации»);
- ст. 199.1 («Неисполнение обязанностей налогового агента»);
- ст. 199.2 («Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов»).

По мнению большинства исследователей, именно уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций является наиболее часто совершаемым преступным посягательством в сфере налогообложения. В частности, профессор Е.П.Ищенко отмечает, что правоотношения, связанные с исчислением и уплатой указанных налогов, выступают в качестве объекта противоправных деяний, ответственность за которые предусмотрена статьями 198, 199, 199.1 УК РФ, в 71% случаев от всех совершенных налоговых преступлений [10].

Все вышесказанное подтверждает необходимость проведения комплексного правового анализа положений уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, выявление его пробелов и недостатков, а также разработки практических рекомендаций, направленных на предупреждение указанной группы налоговых преступлений.

Следует отметить, что подавляющее большинство научных исследований, посвященных налоговой преступности, носит общий характер. В свою очередь, системное рассмотрение проблем совершения преступлений, связанных именно с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость, дает реальную возможность для выработки необходимой совокупности мер, на основе которой возможно применение приемов и методов борьбы с данным негативным явлением.

Надлежащая уголовно-правовая оценка изучаемых нами преступных деяний и их правильная квалификация невозможны без анализа их объективных признаков.

Учитывая ограниченный объем настоящей статьи, мы остановимся на таких важных элементах преступлений, совершаемых в форме уклонения от уплаты налогов, как общественная опасность и объект преступного посягательства.

В настоящей работе мы не будем давать уголовно-правовую характеристику положениям статей 199.1, 199.2 УК РФ. Связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что объективная сторона преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьей 199.2, характеризуется именно «сокрытием» денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, под которым, согласно сложившейся правоприменительной практике, следует понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере, что не полностью укладывается в концепцию проводимого нами исследования.

В свою очередь статья 199.1 УК РФ предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей в налоговой сфере в отношении налоговых агентов, а не налогоплательщиков, чем принципиально ограничивает предусмотренный ею состав от нормативных конструкций, предусматривающих ответственность за неуплату налогов налогоплательщиками.

Общим признаком как налоговых преступлений в целом, так и преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость в частности, является их повышенная общественная опасность, отличающая указанные деяния от иных противоправных посягательств в налоговой сфере.

В теории права общественная опасность преступления — это способность деяния причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, объективное свойство, позволяющее определить поведение лица с позиции определенной социальной группы [9].

Позволяя отграничить налоговое преступление в виде уклонения от уплаты налогов и сборов от сходных по составу и конструкции объективной стороны налоговых правонарушений, степень общественной опасности в данном случае позволяет определить место конкретного преступления среди иных уголовно-наказуемых деяний.

Некоторые авторы выражают мнение, что общественная опасность налоговых преступлений определяется высокой значимостью налогов в хозяйственной деятельности общества [12].

Другие исследователи, например Л.Д. Гаухман, отмечают, что общественная опасность налоговых преступлений заключается в причинении вреда бюджету государства в части его формирования от сбора налогов с юридических и физических лиц вследствие неуплаты налоговых платежей лицами, обязанными законодательством платить налоги с установленных объектов налогообложения [5].

В свою очередь И.Н. Соловьев, характеризуя степень общественной опасности уголовно-наказуемых деликтов в сфере налогообложения, делает вывод, что подобные преступления причиняют существенный ущерб налоговой, финансовой, экономической безопасности государства, препятствуют плановому поступлению налогов в бюджет, чем подрывают нормальное функционирование экономики, а недополучение налоговых платежей бюджетами различных уровней приводит к задержкам в выплате заработной платы, пенсий, дотаций, сворачиванию социальных программ, научных исследований [20].

С точки зрения В.М. Краснова, уклонение от уплаты налогов и сборов таит в себе серьезную опасность и по той причине, что в случае успешного осуществления преступного посягательства у виновного лица появляются денежные средства, имеющие фактически нелегальное происхождение. Соответственно, возникает потребность, во-первых, в сокрытии источника получения таких средств, а во-вторых, в использовании этих денежных средств в корыстных целях, в том числе в рамках предпринимательской деятельности [9].

Признавая справедливость вышеприведенных позиций, хотелось бы отметить следующее.

Общественная опасность деяния — материальная основа его противоправности. Общественная опасность — материальный признак преступления, характеризующий степень нарушения охраняемых УК правоотношений. Их перечень дан в ст. 2 УК: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации. В зависимости от количественных и качественных характеристик посягательств на эти правоотношения законодатель признает их общественно опасными и, следовательно, относит к числу преступлений. По признаку общественной опасности они разграничиваются с другими проступками: административными правонарушениями, нарушениями трудовой дисциплины, мелкими нарушениями финансового порядка и т.д. [17]

Таким образом, для признания соответствующего деликта преступлением недостаточно лишь запрещения его под угрозой наказания санкциями уголовного закона и виновности совершения. Необходимо получить однозначный ответ на вопрос, можно ли деяние охарактеризовать как общественно опасное.

При отрицательном ответе на последний вопрос деяние даже при наличии остальных необходимых элементов не может быть расценено как преступное [24].

Оценивая то или иное деяние как общественно опасное, необходимо учитывать социальную сущность указанной правовой категории, так как общественная опасность деяния напрямую зависит от общественных представлений о допустимости или недопустимости того или иного проступка, которые могут меняться в зависимости от общественных условий, определяющих правосознание общества [15].

Защищая определенные группы общественных отношений, представляющие ценность для общества на каком-либо этапе его исторического развития, последнее само определяет, каким образом оценивать действия или бездействие, на данные отношения направленные.

Эта правовая характеристика позволяет оценить степень вреда, который причинен или мог бы быть причинен интересам личности, общества или государства.

Согласно примечанию 1 к статье 198 УК РФ, крупным размером ущерба в настоящей статье признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более шестисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая один миллион восемьсот тысяч рублей, а особо крупным размером — сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более трех миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая девять миллионов рублей.

Применительно к статье 199 Уголовного кодекса Российской Федерации крупным размером ущерба признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более двух миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая шесть миллионов рублей, а особо крупным размером — сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более десяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая тридцать миллионов рублей.

Специальным случаем освобождения от уголовной ответственности, предусмотренной составом статей 198 и 199, 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, является наступление обстоятельств, при которых лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоя-

щей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, что, по нашему мнению, еще раз подтверждает прямую зависимость общественной опасности как налоговых преступлений в целом, так и преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, в частности, от суммы ущерба, причиненного государству.

Таким образом, общественная опасность преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, заключается:

- в причинении вреда общественным отношениям, связанным с исчислением указанных налогов и уплатой их в бюджет, что является качественной характеристикой общественной опасности рассматриваемых деяний;

- в причинении прямого материального ущерба интересам государства, определяющего количественную составляющую общественной опасности преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций.

Объект преступления является обязательным элементом его состава.

Противоправные деяния в сфере налогообложения, ответственность за которые предусмотрена нормами уголовного законодательства, относятся к экономическим преступлениям. Нормы, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты налогов, помещены законодателем в раздел VIII «Преступления в сфере экономики» главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Посредством обособления в общей совокупности охраняемых уголовным законом отношений, возникающих в процессе экономической деятельности, тех из них, которые имеют место непосредственно в сфере налогообложения, можно выделить непосредственный объект данных преступных посягательств.

Считаем необходимым отметить, что в юридической науке в настоящее время отсутствует единое мнение по поводу определения непосредственного объекта налоговых преступлений.

В частности, А.Э. Жалинский в качестве непосредственного объекта налоговых преступлений называет «установленный законом порядок уплаты налогов и сборов» [21], Б.В. Яценко — «общественные отношения, складывающиеся в сфере финансовой деятельности государства по поводу формирования бюджета и внебюджетных фондов» [22].

По мнению Б.В. Волженкина, объектом преступления в сфере налогообложения является «установленный порядок уплаты налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» [4].

В свою очередь, Н.Н. Полянский выражает сомнения в том, что отнесение налоговых преступлений к преступлениям в сфере экономической деятельности правомерно в принципе, поскольку налоговыми преступлениями «...нарушается деятельность различных органов управления и вносятся затруднения в различные отрасли их деятельности, а именно налоговые деликты касаются финансового ведомства и вносят затруднения в его деятельность по обложению граждан и взиманию с них налогов» [18].

Сторонником позиции, согласно которой объектом налоговых преступлений являются общественные отношения в сфере государственного управления, а не в сфере налогообложения, является П.С. Ефимичев. При этом аргументирует он свои утверждения следующим образом: «...Неуплата налогов лишает государство рычагов управления обществом. Это позволяет утверждать, что налоговые преступления являются государственными преступлениями. ...Лишение государства путем неуплаты налогов в государственные внебюджетные фонды возможности осуществления государством его главной функции — управления обществом — делает само существование государства беспредметным. Это и обуславливает отнесение уклонения от уплаты налогов к государственным преступлениям. Предметом преступления здесь будут удерживаемые денежные средства, которые налогоплательщик не уплатил в установленный законом срок в государственный бюджет или в государственные страховые внебюджетные фонды» [8].

А.И. Сотов обращает внимание на то, что «основные отличительные признаки данных отношений в том, что они, во-первых, складываются по поводу осуществления государственной власти, а во-вторых, одним из их участников является государственный орган. Принудительное изъятие части собственности граждан в пользу государства есть одна из сфер общественной жизни, где как раз осуществляется публичная власть, а в качестве государственного органа выступает аппарат госналогинспекций» [19].

Нетрадиционная точка зрения относительно определения объекта налогового преступления была высказана В.А. Григорьевым и А.В. Кузнецовым. По их мнению, «...общественные отношения, регулирующие порядок уплаты и взимания налогов и (или) сборов в бюджет и государственные внебюджетные фонды физическими

лицами и организациями, в данном случае выступают в качестве основного непосредственного объекта преступного посягательства, поскольку именно на этот объект, прежде всего, посягает лицо, совершающее налоговое преступление. Однако эти преступления... характеризуются еще и тем, что дополнительно посягают на отношения собственности, так как в результате их совершения субъект, который не платит налоги и страховые взносы, причиняет имущественный ущерб» [6].

По нашему мнению, как при определении общего объекта налоговых преступлений, так и при определении объектов преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость, следует в первую очередь учитывать экономическую составляющую налоговых правоотношений. Не случайно законодателем нормы, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты налогов, помещены в раздел VIII «Преступления в сфере экономики» главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Родовой объект посягательств лежит в основе выделения глав в разделе VIII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом все включенные в указанный раздел преступления посягают на те или иные экономические отношения, пусть и отличающиеся друг от друга по экономическому содержанию.

Причины объединения столь разных по характеру и содержанию преступных посягательств, как посягательства на собственность, преступления в сфере экономической деятельности и посягательства на интересы коммерческих и иных организаций, в один раздел уголовного законодательства, по мнению Н.А. Лопашенко, следующие [14]:

1) единая, но разнoвариантная экономическая мотивация практически всех преступлений, включенных в раздел VIII УК;

2) повышенная общественная опасность этих преступлений, проявляющаяся в том числе в наличии ярко негативных тенденций у современной экономической преступности;

3) наличие единого основания для криминализации этих деяний (общественно опасное поведение в сфере микро- или макроэкономики);

4) единые принципы криминализации и единые криминообразующие признаки.

Как справедливо в этой связи отмечает И.И. Кучеров, «...отнесение налоговых преступлений к преступлениям в сфере экономической деятельности свидетельствует о том, что законодатель в первую очередь принял во внимание их экономическую составляющую» [13].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что общим родовым объектом преступлений, составы которых содержатся в главе 22 УК РФ, следует признать систему общественных отношений, складывающихся в области экономической деятельности.

Мы согласны с утверждением А.Е. Бадаева, согласно которому «за признанием общего родового объекта следует понимание того, что именно он является системообразующим признаком для преступлений, включенных в эту главу. Поскольку финансовая система государства, на которую посягают налоговые преступления, является одним из важнейших экономических институтов, непосредственным объектом этих преступлений являются общественные отношения, возникающие в процессе функционирования налоговой системы» [3].

Следовательно, объект преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, ответственность за которые предусмотрена статьями 198, 199 УК РФ, можно определить как совокупность общественных отношений, непосредственно связанных с исчислением и уплатой налогов.

Учитывая вышесказанное, попытаемся определить непосредственный объект преступных посягательств, совершаемых в форме уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций.

На первый взгляд, объекты данных преступных посягательств абсолютно идентичны. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что и налог на добавленную стоимость и налог на прибыль организаций являются именно налоговыми платежами, причем одного вида, то есть федеральными налогами, которые, согласно положениям статьи 12 Налогового кодекса Российской Федерации [2], обязательны к уплате на всей территории Российской Федерации.

В то же время мы считаем, что общественные отношения, связанные с исчислением и уплатой налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость, имеют существенные отличия.

В юридической литературе принято определять общественные отношения как определенные виды и формы поведения индивидов и социальных групп, организаций, органов публичной власти в процессе производства, общения и познания. Составными элементами любого общественного отношения являются: 1) носители (субъекты) отношения; 2) предмет, по поводу которого существует отношение, т.е. факторы, опосредующие его возникновение и существование; 3) социальная связь как содержание отношения, представляющая собой общественно значимую деятельность субъектов [22].

По мнению А.И. Рарога, «...поскольку сами общественные отношения представляют собой вид социальной связи, они недоступны для непосредственного воздействия. Поэтому вред объекту преступления причиняется путем повреждения, уничтожения или искажения одного из его элементов...» [22].

Таким образом, все три вышеприведенных элемента, определяющие содержание общественного отношения, должны совпадать для преступных посягательств с одинаковым объектом.

В то же время нам представляется бесспорным то обстоятельство, что при определении такого юридического факта, как факт налогового преступления, необходимо четко представлять, каков механизм, экономическая суть того или иного налога.

Экономическое содержание налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций различно. Налог на прибыль является так называемым «прямым» налогом, тогда как налог на добавленную стоимость относится к налогам «косвенным».

В различных исследованиях выделяются три основных способа разграничения налогов на прямые и косвенные.

Согласно первому способу различие проводилось по признаку субъекта уплаты — фактическим либо юридическим плательщиком. Прямые налоги вносятся в казну действительными плательщиками, а косвенные — третьими лицами, и, таким образом, перелагаются на действительных плательщиков.

Второй способ основан на различии по внешнему признаку взимания налоговых платежей — прямые налоги взимаются по окладным листам (кадастрам), а косвенные — по тарифам.

Третий способ базируется на признаке экономического основания: прямые налоги взимаются с производства ценностей (с доходов и имущества), косвенные — с потребления ценностей (т.е. с расходов и пользования вещами) [16].

Сегодня классификация налогов на прямые и косвенные проводится по способу взимания этих платежей. Косвенные налоги включаются в цену товара и оплачиваются покупателем. В возникающем правоотношении участвуют и юридический налогоплательщик — субъект, реализующий товары (работы, услуги), включающие в свою стоимость косвенный налог, и фактический налогоплательщик — лицо, приобретающее данные товары (работы, услуги), т.е. уплата налога производится опосредованно, через цену товара [23].

Следовательно, количество участников правоотношений, связанных с исчислением и уплатой налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, неодинаково.

Это позволяет нам прийти к выводу о том, что, несмотря на наличие общего видового объекта для всех преступлений, совершаемых в форме уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, непосредственные объекты указанных преступлений отличаются друг от друга.

Объект преступлений, связанный с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость, следует определять как общественные отношения, возникающие по поводу его исчисления и уплаты, обязательными участниками которых являются государство, в лице уполномоченного органа, фактический налогоплательщик — лицо, приобретающее товары, работы или услуги, и юридический налогоплательщик, товары, работы и услуги реализующий.

Совершение преступления в форме уклонения от уплаты налога на прибыль организаций предполагает наличие объекта в виде общественных отношений только с двумя обязательными участниками — государством и фактическим налогоплательщиком, наделенным одновременно полноценным юридическим статусом.

В настоящем исследовании нами была дана уголовно-правовая характеристика некоторых объективных признаков преступных деликтов, связанных с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций, что, как мы надеемся, позволит добиться лучшего понимания содержания общественных отношений, являющихся объектом уголовно-правовой охраны от изучаемых нами преступных посягательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.06.2009) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.11.2008, с изм. от 28.12.2009) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
3. Бадаев А.Е. Налоговая преступность — слагаемое экономической преступности (по материалам регионов Российской Федерации) // Безопасность бизнеса. — 2008. — № 3. — С. 23.
4. Волженкин Б.В. Экономические преступления. - СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. — 222 с.
5. Гаухман Л.Д. Хозяйственные преступления: учебное пособие. — М., 1995. — 94 с.
6. Григорьев В.А., Кузнецов А.В. Проблемы квалификации налоговых преступлений по признакам объекта и объективной стороны // Справочная правовая система «Консультант Плюс», 2004.

7. Ефимичев П.С. Предмет и пределы доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. — 2001. — № 9. — С.11—15.
8. Ефимичев П.С. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения при привлечении в качестве обвиняемого по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. — 2002. — № 6. — С. 46—55.
9. Зрелов А.П., Краснов М.В. Налоговые преступления. — М.: Статус-Кво 97, 2004. — 192 с.
10. Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. — 746 с.
11. Кучеров И.И., Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за налоговые преступления. — М.: ЮрИнфоР, 2001. — 121 с.
12. Кучеров И.И. Налоговые преступления. — М.: ЮрИнфоР, 1997. — 127 с.
13. Кучеров И.И. Налоги и криминал: Историко-правовой анализ. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 350 с.
14. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 538с.
15. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. — М.: Юрист, 2002. — 656 с.
16. Майорова А.А. Акцизы: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 172 с.
17. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. — М.: НОРМА, 2005. — 928 с.
18. Полянский Н.Н. Фальшивая водка // Уголовное право. — 1998. — № 1. — С. 157.
19. Сотов А.И. Уголовная ответственность за нарушения налогового законодательства // Ваш налоговый адвокат. Советы юристов: сб. статей. Вып. 1. — М.: ФБК-Пресс, 1997. — С. 270 — 271.
20. Соловьев И.Н. Налоговые преступления: практика работы органов налоговой полиции и судов. — М.: ФБК-Пресс, 2002. — 320 с.
21. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. — М.: Эксмо, 2005. — 586 с.
22. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Велби; Проспект, 2004. — 454 с.
23. Финансовое право: учебник / О. Н. Горбунова, Е. Ю. Грачева и др.; отв. ред. Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко. — М.: Велби; Проспект, 2004. — 536 с.
24. Яни П.С., Пастухов И.Н. Квалификация налоговых преступлений // Законность. — 1998. — № 1. — С. 11—15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Кургузкина Елена Борисовна. Начальник филиала ВНИИ МВД России по Черноземью. Доктор юридических наук, доцент.

Филиал ВНИИ МВД России по Черноземью.

E-mail: torbagan1@mail.ru

Россия, 394002, Воронеж, ул. Обручева, 3. Тел. (4732) 47-54-67.

Полянский Роман Валентинович. Старший преподаватель кафедры налогов и права.

ФГОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки».

E-mail: polyanskaya83@mail.ru

Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1. Тел. (4732) 53-87-60.

Kurguzkina Elena Borisovna. The head of the branch of Russian Research Scientific Institute in Voronezh. Doctor of juridical sciences, assistant professor.

The branch of Russian Research Scientific Institute of the Ministry of the Interior of Russia in Voronezh.

Work address: Russia, 394002, Voronezh, Obruchev str., 3. Tel. (4732) 47-54-67.

Polyanskiy Roman Valentinovich. The senior lecturer of Tax and Law chair.

Voronezh State Agricultural University.

Work address: Russia, 394087, Voronezh, Michurin str., 1. Tel. (4732) 53-87-60.

Ключевые слова к статье: объект преступления; общественная опасность; объективные признаки; налоговые преступления.

Key words: target of a crime; social danger; objective indications; tax crimes.

Р.В. Колесников

А.Н. Ильяшенко,
доктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УГОНЫ И ХИЩЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

CRIMINOLOGY DESCRIPTION PERSONS, COMMITTING OVERTAKING AND STEALING VEHICLES

Рассматривается характеристика лиц, совершающих угоны и хищения транспортных средств. Анализируется понятие «личность преступника», раскрываются основные элементы структуры личности: «уголовно-правовые, социально-демографические и нравственно-психологические». Дается криминологический портрет лиц, совершающих угоны и хищения транспортных средств (в форме кражи, мошенничества, грабежа и разбоя). В зависимости от характера, степени общественной опасности и содержания мотивации выделяются условные типы преступников, совершающих угоны и хищения транспортных средств.

The description of persons committing overtaking and stealing vehicles is considered. The concept of «criminal person» is analyzed, the basic elements of person structure «legal criminal, social-demographical and moral-psychological» are opened. Criminological portrait of persons committing overtaking and stealing of vehicle are given (in the form of theft, fraud, robbery and plunder). Depending on character, degree of public danger and motivation contents conditions types of criminals committing overtaking and stealing vehicles are allocated.

Проблема личности преступника является одной из центральных в криминологии [1 — 3]. При всем многообразии определений достаточно исчерпывающим, на наш взгляд, является определение ее как личности человека, который совершил преступление вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам и выбора

общественно опасного пути для реализации своего замысла или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [4].

Так, П.С. Дагель [5] отмечает, что «личность преступника, как и всякого другого человека, характеризуется множеством самых различных обстоятельств. Это его социальные связи (поли-

тические, трудовые, бытовые, семейные и т.д.); его морально-политические качества (мировоззрения, убеждения, интересы); его психологические свойства и особенности (интеллект, волевые качества, эмоциональные особенности, темперамент); его демографические и физические данные (пол, возраст, состояние здоровья); наконец, это его биография, его жизненный опыт, образование, его заслуги и провинности перед обществом».

В связи с этим возникает важная как в научном, так и в практическом отношении задача выделения социально значимых особенностей, свойств или характерных признаков личности преступника. Для этой цели используют понятие структуры личности преступника, под которой понимается система взаимосвязанных качеств, иерархия и определенное взаимодействие различных элементов. Подход ученых в этом вопросе довольно разнообразен.

Например, профессор Н.Ф. Кузнецова [6], ведя речь о характеристике личности преступника, выделяет социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступников.

В.Н. Кудрявцев [7], в свою очередь, выделяет следующие основные элементы структуры личности правонарушителя: 1) социально-демографическая и правовая характеристика личности (социальное положение, пол, возраст, образование, семейное положение, профессия, характер совершенного правонарушения, прежняя судимость); 2) нравственно-психологическая характеристика (социальная и антисоциальная направленность личности, система ценностных ориентаций, основные потребности и интересы, отношение к нормам морали, уровень правосознания, основные психологические и психофизиологические особенности); 3) социальное поведение (отношения в социальной группе — производственном коллективе, семье, учебном заведении, в ближайшем окружении; общественная активность; связь с антиобщественными элементами; самооценка).

Мы полагаем наиболее правильным остановиться при рассмотрении особенностей личности на анализе социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических признаков, поскольку они предложены в качестве обязательных почти всеми авторами.

Одним из социально-демографических признаков, характеризующих личность, является пол. Проанализировав статистические данные о лицах, совершивших угоны и хищения транспортных средств, материалы уголовных дел, изученных в ходе исследования, мы пришли к следующим выводам. Так, соотношение женщин

и мужчин среди выявленных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 166 УК, составляет примерно 1:50 (из 26379 человек, совершивших преступление по ст. 166 УК по России в 2008 году, 525 женщин (1,99%). По данным нашего исследования, из 206 лиц, совершивших угоны, женщин только три, т.е. 1,9%. Таким образом, мужчины существенным образом доминируют среди преступников, совершающих угоны транспортных средств, хотя в целом в общесоциальной статистике соотношение женщин и мужчин 1:10. По нашим данным, в общем числе всех осужденных за хищения автомобилей на долю мужчин и женщин приходится соответственно 81,8 % и 18,2%. Причины количественного различия между преступниками обоих полов необходимо искать в тех социальных условиях, определяющих роли мужчин и женщин в обществе, и требованиях, которые предъявляются к ним обществом. Кроме того, следует отметить, что объективная сторона преступления в виде хищения легкового автомобиля предполагает совершение таких действий, которые весьма затруднительны для женщин, в частности это касается, прежде всего, знания технических вопросов, например, каким образом выключить охранную сигнализацию, вскрыть дверцу автомобиля, завести двигатель. Наконец, нужно владеть водительскими навыками, быть готовым к действиям в экстремальных ситуациях, например в случае преследования работниками правоохранительных органов при обнаружении покушения на хищение автомобиля. Во всех этих случаях, безусловно, психофизические качества мужчин несравненно сильнее, чем у женщин. Ситуацию в данном аспекте не меняет и то обстоятельство, что среди водителей легковых автомобилей доля женщин неуклонно растет [8 — 10]. Женщины в основном участвуют в совершении хищений транспортных средств путем мошенничества в соучастии с мужчинами.

Не менее важным социально-демографическим признаком является возраст преступника. Разумеется, сам возраст не может быть причиной преступлений, однако возрастные особенности определенных периодов жизни, например молодого возраста, на который выпадает, как правило, наибольшее количество сложных жизненных ситуаций и конфликтов, способствуют формированию негативных процессов в психике людей. Представляется, что поведение любого человека в общественных отношениях обусловлено его возрастом. В зависимости от возраста людям свойствен определенный тип поведения. В молодом возрасте люди обычно менее сдержанны, быстрее принимают решения, зачастую не задумываясь о последствиях, и более подвер-

жены максимализму. По-иному действуют лица среднего и старшего возраста. Их поведение строится на основе жизненного опыта и обдуманных решений [11].

Проведенное нами исследование свидетельствует об определенном «омоложении» преступных посягательств на транспортные средства. Это подтверждается и исследованиями, проведенными на основе материалов Центрально-Черноземного региона России в 2001 году В.А. Лелековым и А.Г. Мусеиловым [12]. Так, распределение числа выявленных лиц по ст. 166 УК по России в 2008 году по возрастным категориям происходит следующим образом: в возрасте 14-15 лет — 6,3%, 16-17 лет — 18,2%, 18-24 года — 47,3%, 25-29 лет — 14,8%, в возрасте 30-49 лет — 12,6%, в возрасте свыше 50 лет — 0,8%. Если рассматривать активность возрастных групп в совершении угонов транспортных средств, то можно сделать вывод, что наибольшее их число приходится на возрастную группу 16-17 лет (9,1% в расчете на один возрастной год), далее следуют 18-24-летние (7,9% в расчете на один год); затем 25-29-летние (3,8% на один год); в конце — 30-49-летние (0,6% на один возрастной год). К сожалению, 86,6 % угонов транспортных средств совершаются молодыми людьми в возрасте 14-29 лет. По данным, полученным в ходе нашего исследования, лица по возрастным группам распределяются следующим образом: 14-17 лет — 26,2%, 18-24 года — 44,2%, 25-29 лет — 17,0%, 30-49 лет — 12,6%, в возрасте свыше 50 лет — 0,0%. Распределение лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение хищений транспортных средств, в зависимости от возраста характеризуют следующие данные: до 14-17 лет — 4,6%; 18-24 года — 29,2%; 25-29 лет — 31,8%; 30-49 лет 29,9%; свыше 50 лет — 4,5%. Наибольшей криминальной активностью отличается возрастная группа 25-29 лет (6,36% на один возрастной год).

Одним из признаков, характеризующих личность, является уровень образования. Зависимость между уровнем образования людей и вероятностью их антиобщественного поведения носит сложный характер, поскольку знание может быть обращено не только на пользу, но и во вред. Однако, бесспорно, что уровень образования, стремление к знаниям обеспечивает расширение круга интересов, является неотъемлемой частью воспитания и служит цели предупреждения правонарушений и преступлений.

«Образование — важнейший социально значимый фактор и большая динамическая сила, «оказывающая благотворное влияние на становление личности, развитие ее идейных и нравственных устоев, формирование морально-

нравственного и научного мировоззрения, общего сознания, высокого культурного уровня человека» [13]. «Образование — это огромное и мощное профилактическое средство, позволяющее преодолевать возникновение и развитие неправомерного поведения молодежи» [14]. Совершенно справедливо исследователи [15 — 19], разрабатывающие вопросы профилактики преступности, рассматривают повышение образовательного уровня населения как мощный антикриминогенный фактор. Образование дает возможность человеку реализовать свои личностные качества — раскрыть способности в общественной работе, досуге, организовать с социально-нравственных позиций семейную жизнь, завоевывать доверие и уважение коллектива, утвердить себя в обществе, наконец, получить материальное обеспечение жизнедеятельности и т.п. Следует также отметить, что ученые, разрабатывающие проблемы этики, констатируют наличие прямой зависимости между повышением образования и утверждением норм социальной нравственности, расценивая знания как предпосылку моральности [20].

В процессе получения систематического образования формируются основные жизненные позиции личности, мировоззренческие установки, практически-действенное отношение к обществу, к нормам права, к доминирующим в обществе формам поведения. Само по себе образование не может дать рецепт нравственного поведения человека на каждый случай. Оно внедряет относительно устойчивый и в то же время гибкий способ поведения, закрепляет в сознании принципы адекватного реагирования на требования, существующие в обществе, что помогает человеку соизмерять поведение с собственными личными убеждениями и конкретной социальной ситуацией, выбирать приемлемую линию поведения.

По данным ГИАЦ МВД России [21] за 2008 год, распределение числа выявленных лиц по ст. 166 УК в зависимости от уровня образования выглядит следующим образом: высшее образование имели 1,3%; среднее специальное — 16,5%; начальное и основное общее — 44,1%; среднее (полное) общее — 35,3%; по результатам нашего исследования: имеющие высшее образование — 1,4%; среднее специальное — 18,0%; начальное и основное общее — 44,2%; среднее (полное) общее — 36,4%.

Обращаясь к результатам выборочного исследования уголовных дел, можно сделать вывод о том, что среди 7,2% осужденных за совершение хищений транспортных средств высшее образование имели 6,5%, среднее специальное образование —

33,8%, начальное и основное общее — 28,0%, среднее (полное) общее — 31,7%.

Существенную роль в поведении преступников играют факторы, связанные с влиянием семьи. Нельзя не учитывать и того, что семья, по общепризнанному мнению, является сдерживающим антикриминогенным фактором. Семья как социальный институт, первичная ячейка общества наделена многими функциями, из которых особо выделяются: репродуктивная (физическое деторождение); воспитательная; экономическая; социально-психологическая; социально-культурная; хозяйственно-бытовая; досуговая и др.

По нашим данным, в общем числе обследованных лиц, совершивших угоны транспортных средств, 93,2% составляли неженатые осужденные. Среди осужденных за хищения транспортных средств доля неженатых 72,7%. В этом отношении полученные данные близки с результатами ранее проведенных исследований по рассматриваемой тематике [22].

По данным нашего исследования, совершающие угоны и хищения транспортных средств в большинстве своем не проявляют интереса к трудовой деятельности. Следует указать, что, по нашим данным, доля лиц без определенных занятий, совершивших угоны транспортных средств, составила 51,0%, доля учащихся и студентов — 24,8%, наемных работников — 17,0%, служащих — 7,2%. Анализ ответов лиц, осужденных за совершение хищений транспортных средств, на вопрос о роде занятий показывает, что нигде не работали и не учились в момент совершения преступления 61,7% осужденных, учащими и студентами являлись 20,9%, наемными работниками — 7,8%, служащими — 9,7%.

Важное место в уголовно-правовой характеристике занимает число судимостей. Оно достаточно определенно характеризует личность осужденного и предопределяет необходимость оказания более интенсивного исправительного воздействия на лиц, имеющих большое число судимостей.

По данным ГИАЦ МВД России за 2008 год, из 26379 человек, совершивших преступление по ст. 166 УК, 8861 ранее совершал преступление, что составляет 33,6%, в том числе ранее судимы 7135 человека (27%). Среди обследованных нами лиц криминологический рецидив составляет 34,0%, доля ранее судимых — 31,1%. По хищениям транспортных средств криминологический рецидив составляет 40,6%, удельный вес ранее судимых — 36,4%.

Изучение личности преступника не может успешно осуществляться без исследования мотивов преступного поведения.

Общепринятого понятия мотива нет: существует довольно много определений, которые не сходны между собой. Так, еще в ленинградском курсе уголовного права (1970 год) мотив преступления определялся как «осознанное побуждение к определенному действию», как «источник действия, его внутренняя сила» [23]. В современном учебнике по юридической психологии говорится, что «мотив поведения — это механизм внутреннего формирования образа действий, которое, проявившись вовне, дает объективный результат» [24].

Что же касается смысла мотива, то надо различать его субъективный и объективный смысл. В субъективном смысле мотив — лишь основание для принятия решения действующим лицом, осознанная (или неосознанная) причина его поступка. В объективном же значении (смысле) мотив оценивается обществом как доброе или злое побуждение, как благородное или порицаемое намерение. Мотив — это «узел, в котором сходятся потребности субъекта, актуальные на данный момент, и возможности их реализации, содержащиеся в ситуации» [25]. Здесь верно обозначена область действия мотива. Можно сказать, что смысл мотива — это лишь побуждение, но вовсе не весь механизм определенной деятельности.

Следует различать мотивы по их глубине, устойчивости, длительности. Например, мотив обогащения часто становится устойчивой чертой характера и даже мировоззрения человека, так же как мотив самоутверждения. Мотивы гнева, ревности, обиды, мести, напротив, нередко скоротечны, и их можно преодолеть собственными усилиями или с помощью других людей.

Одной из удачных классификаций мотивов считается предложенная в 1954 г. А. Маслоу [26]. Он делит как потребности, так и мотивы по их социальному уровню на высшие и низшие (они же базовые, они же фундаментальные). Низшие («потребности нужды») — физиологические (голод, жажда, сексуальная потребность и т.п.); далее по возрастающей — потребности в безопасности и защите от боли, страха, гнева и неустрашенности; затем потребности в социальных связях (любви, нежности, присоединении, идентификации); далее следуют потребности в самоуважении, признании, одобрении и достижениях; высший уровень — самоактуализация, потребность в понимании и осмыслении.

В отечественной литературе сложилось несколько вариантов классификаций из мотивов, рассмотрим некоторые из них.

Классификация И.Н. Данышина [27] была проста: он сгруппировал мотивы по основным видам преступлений, предусмотренным Уголовным кодексом (мотивы убийства, хищения, спе-

куляции и т.д.). П.С. Дагель [28] выделил три группы мотивов поведения людей: 1) общественно опасные: это мотивы антигосударственные, низменные личные, религиозные; 2) нейтральные (обида, вызванная неправильным поведением потерпевшего; стыд; жалость; сострадание); 3) общественно полезные мотивы. Таким образом, П.С. Дагелю удалось выйти за пределы Уголовного кодекса.

С.А. Тарарухин [29] все мотивы преступлений делил на общественные и личные, причем последние, в свою очередь, подразделялись на вызванные потребностями и на порожденные эмоциями и состояниями.

Основным мотивом хищений транспортных средств является корысть, стремление к приобретению материальных ценностей. По мнению В.И. Даля [30], корысть — это «страсть к приобретению, поживе, жадность к деньгам, к богатству, падкость на барыш». В современном словаре русского языка корысть понимается как «выгода, материальная польза, а корыстолюбие — это стремление к личной выгоде, поживе, жадность» [31]. В массовом сознании людей в последнее время стали утверждаться взгляды о полной «реабилитации» корысти, всех ее проявлений и степеней развития; насаждаться культ наживы любым путем; пропагандироваться допустимость получения материальной выгоды при игнорировании правовых, а также моральных дозволений и запретов. Произошло, по выражению В.В. Лунеева, общее «окорыствование» экономических, социальных и даже духовных отношений [32].

По мнению В.Я. Рыбальской [33], корыстным преступникам свойственны: а) меньшая определенность основных нравственных качеств, «шаткая» ориентация, примитивный набор утилитарных потребностей, более низкий интеллектуальный уровень; б) большее спокойствие, добродушие, доброжелательность, изобретательность, не столь высокий уровень притязаний, неустойчивость в выборе жизненных планов; в) как правило, предумышленный характер преступлений; г) преобладание мотивации жадности, подражания другим лицам, реже желания утвердиться в глазах товарищей, любопытство.

Анализ проведенного исследования показал, что мотивом совершения угонов транспортных средств являлось: самоутверждение — 61,7%, демонстрация своих навыков вождения автомобиля перед приятелями — 37,4%, хулиганские побуждения — 27,2%, зависть — 17,5%, месть — 10,2%, удовлетворение потребности в развлечении — 9,2%. Мотивами совершения хищений транспортных средств являются: корысть — 82,5 %, стремление удовлетворить свои материальные потребности

(азартные игры, отдых за границей, приобретение алкоголя и т.д.) — 56,5%, самоутверждение — 17,5%, зависть — 7,8%, месть — 5,8%.

Проблематика борьбы с угонами и хищениями транспортных средств предполагает рассмотрение групповой преступности. Наше исследование показывает, что угоны транспортных средств группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, совершаются в 36,9% случаев; хищения транспортных средств — в 59,0% случаев. Такой высокий показатель обусловлен, по нашему мнению, особенностями предмета преступных посягательств, а именно особенностей легкового автомобиля как материальной вещи. Похитить такой громоздкий и технически сложный предмет, который в большинстве случаев все же каким-либо образом охраняется и имеет достаточно жесткую регистрацию, в одиночку чрезвычайно сложно. Распространенность групповых хищений транспортных средств позволяет констатировать повышенную общественную опасность групповых преступлений, ибо при взаимной поддержке психологическая готовность соучастников совершить опасное преступление гораздо выше.

Представляет интерес судебная практика назначения наказания лицам, совершившим угоны и хищения транспортных средств. Поскольку уголовное наказание служит средством реагирования государства на преступление, является центральным институтом уголовного права и важнейшим инструментом в руках государства для охраны политических и социально-экономических общественных отношений. Наказание является ведущей формой реализации уголовной ответственности и, вместе с тем, призвано обеспечить поведение людей в соответствии с требованиями правовых норм.

Данные о лицах, осужденных за угоны, характеризуются следующим образом: лишение свободы на срок до 3 лет — 13,6%; лишение свободы на срок от 3 до 5 лет включительно — 2,9%; лишение свободы на срок 5-10 лет — 1,9%; условное осуждение — 21,4%; штраф — 1,9%. Достаточно часто лицо освобождалось от уголовной ответственности: 1) в связи с деятельным раскаянием — 1,5%; 2) в связи с примирением с потерпевшим — 48,5%; 3) в связи с истечением сроков давности — 1,5%; 4) в связи с амнистией или помилованием — 6,8%.

Данные о лицах, осужденных за хищения, характеризуются следующим образом: лишение свободы на срок до 3 лет — 8,4 %; лишение свободы на срок от 3 до 5 лет включительно — 16,9%; лишение свободы на срок 5-10 лет — 6,5%; лишение свободы на срок свыше 10 лет — 3,2%; условное осуждение — 24,7%; обязательные работы —

5,8%; исправительные работы — 14,9%; штраф — 6,5%. Относительно редки случаи освобождения от уголовной ответственности: 1) в связи с деятельным раскаянием — 1,3%; 2) в связи с примирением с потерпевшим — 9,7%; 3) в связи с истечением сроков давности — 0,6%; 4) в связи с амнистией или помилованием — 1,3%.

Полученные данные достаточно информативно характеризуют складывающуюся в последние годы практику назначения наказания за рассматриваемые преступления: предпочтение отдается лишению свободы, назначаемому условно.

Полученные данные о личности угонщиков и похитителей транспортных средств позволяют подойти к решению типологического плана, которое может иметь значение для следственной и судебной практики при реализации требований закона об изучении личности преступника, а также при анализе и учете его особенностей, когда речь идет об определении вида и меры наказания. Одни и те же типы преступников, как уже отмечалось, отличаются по характеру поведения, предшествующего совершению преступления, преобладающей целенаправленности преступных действий и другим рассмотренным выше признакам.

В юридической литературе встречается различная типология личности корыстных преступников. Например, Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков [34] выделяют следующие типы: утверждающийся, дезадаптированный, алкогольный, игровой и семейный.

Исходя из развитости и стойкости нравственной деформации личности, ее антиобщественной ориентации и готовности к повторяющемуся выбору варианта преступного поведения Н.Н. Невский [35] выделяет следующие типы угонщиков и автоворов: 1) случайный тип (к нему относятся лица, не обладающие ярко выраженными корыстными устремлениями. Как правило, они сознают противоправность своих действий, раскаиваются в них. К этому типу относятся, прежде всего, начинающие преступники, в большинстве случаев несовершеннолетние, совершающие угоны из озорства, а кражи из автомобилей — для приобретения сладостей, жвачек и безалкогольных напитков); 2) ситуационный тип (к нему относятся лица, совершающие преступления, когда ситуация способствует этому, вследствие неспособности удержаться от соблазна); 3) неустойчивый тип (характеризуется употреблением алкоголя или наркотиков, курением, пристрастием к праздной жизни. Эти лица совершают чаще кражи из автотранспортных средств и их угоны); 4) злостный тип (к нему относятся лица, неоднократно совершающие преступления, су-

димые, а, следовательно, «повысившие» свою квалификацию в исправительных учреждениях. Средства, получаемые от преступной деятельности, являются одним из основных источников существования. Преступники данного типа обладают определенными профессиональными навыками, однако стойкая криминальная специализация еще не завершена, поэтому они могут совершать и иные преступления. Эти лица совершают чаще всего кражи автотранспортных средств); 5) особо злостный тип (к нему относятся особо опасные рецидивисты, профессиональные преступники. Их отличительная черта — стойкая антисоциальная направленность; высокий уровень специального рецидива, преступная деятельность — основной источник их доходов. Большую часть преступников данного типа отличает узкая и стойкая специализация в способах совершения преступлений. Эти лица совершают только кражи, а не угоны автотранспортных средств).

В.И. Коваленко [36] полагает, что личность грабителя и разбойника является разновидностью личности корыстно-насильственного, иногда вооруженного преступника и соответственно выделяет четыре основных типа грабителей и разбойников: 1) криминально-насильственный; 2) аффективно-алкогольный (или агрессивно-алкогольный); 3) демонстративно-насильственный; 4) авантюрно-пренебрежительный. При этом «авторазбойникам» свойственна высокая организация преступления, почти все они действуют по тщательно продуманному плану в составе группы, они хорошо вооружены; специфика данного преступления характеризует разбойника как дерзкого, самоуверенного человека, владеющего специфическими навыками, позволяющими осуществить задуманное до конца.

По рассмотренным нами социально-демографическим и уголовно-правовым признакам, взятым во взаимосвязи, и учитывая специфику указанных преступлений, объединенных нами в отдельную группу, могут быть выделены следующие условные типы преступников, совершающих угоны и хищения транспортных средств в зависимости от характера, степени общественной опасности и содержания мотивации:

1. Случайный — это лица, которые совершают угоны (53,4 % обследованных лиц), кражи (9,8%) и грабежи (11,1%) транспортных средств первый раз в силу стечения неблагоприятных, порой тяжелых неожиданно возникших обстоятельств, причем, как правило, не квалифицировано. Такие лица совершают указанные преступления именно «случайно», в силу действия психологического механизма «ошибки» либо так называемого «короткого замыкания». Совершенное преступление — эпизод в жизни таких лиц, и

оно не соответствует общей их положительной направленности и в целом законопослушному поведению. У них нет связей с лицами, ранее судимыми, ведущими преступный образ жизни, они не отличаются особым пьянством, в большинстве своем не употребляют наркотики и психотропные вещества. Виновные, как правило, на предварительном следствии раскаиваются в содеянном. В основном это — учащиеся школы, профессионального лица; студенты вузов, наемные рабочие. Из числа данной категории несовершеннолетние составляют 66,7%.

2. Ситуационный — это лица, которые также совершают угоны (14,6% обследованных лиц), кражи (9,8%) и грабежи (11,1%) транспортных средств. Для них характерно такое сочетание личностных свойств (например, эмоциональная неустойчивость, недостаточность внутреннего торможения, конфликтность, слабоволие, повышенная внушаемость, подверженность негативным влияниям со стороны и т.д.) и криминогенной ситуации (например, неосвещенность улицы, безлюдность, простейшее противоугонное устройство транспортного средства или вообще отсутствие такового и т.д.), когда последняя легко провоцирует угон либо хищение автомобиля. Во взаимодействии «личность — ситуация» для выбора лицом преступного варианта поведения значимой детерминантой оказывается ситуация, т. е. лицо психологически готово позволить ситуации вовлечь себя в преступное деяние и совершить угон и хищение транспортного средства. К данной группе также относятся: учащиеся школы, профессионального лица; студенты вузов, наемные рабочие. Из числа данной категории несовершеннолетние составляют 68,2%.

3. Самоутверждающийся. В числе обследованных нами лиц их достаточно большое количество. В основном это несовершеннолетние, совершающие угоны (32,0%), кражи (11,8%) и грабежи (16,7%) в отношении автомобилей в группе и лица, занимающие низкое социальное положение и имеющих небольшой доход. Данные лица совершают угоны и хищения транспортных средств для того, чтобы завоевать авторитет в семье, группе, закрепиться в ней, если членство в группе представляется ценным. Обогащение или корысть не всегда являются ведущими. Насильственные действия нередко допускаются этими лицами для того, чтобы утвердиться в собственных глазах, доказать самому себе, что «я смог» это сделать, тем самым повысить самовосприятие.

4. Корыстный — это лица, которые совершают кражи (68,6%), ненасильственные грабежи (38,9%) и мошенничества (100%). Для данных лиц характерно доминирование мотивов личного

обогащения. В своей массе они являются более социально адаптированными, менее импульсивными, более лабильными и подвижными, у них меньше выражена тревога и общая неудовлетворенность социальным положением. Агрессивность у лиц, совершающих кражи, ненасильственные грабежи и мошенничества в отношении транспортных средств, значительно ниже, и они в большей степени могут контролировать свое поведение. Для преступников, совершающих кражи автомобилей, характерна также относительно хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях, сочетающаяся с внутренним их неприятием. Лица, совершающие мошенничества в отношении транспортных средств, более общительны, в большей степени стремятся к устранению конфликтов, у них отсутствует чувство вины. В основном это лица мужского пола (65,6%), но часто, особенно при соисполнительстве и пособничестве в мошенничестве, — лица женского пола.

5. Корыстно-насильственный — это лица, совершающие насильственные грабежи (22,2%) и разбои (100%), в которых предметом преступления выступают транспортные средства. Только в отличие от корыстного типа наряду с мотивами личного обогащения мотивы всегда у данных лиц сопряжены с различными формами преступного насилия. Насилие (физическое или психическое) является основным способом достижения цели — приобретение транспортного средства.

Можно констатировать, что лица, совершающие угоны и хищения транспортных средств, имеют криминологические характеристики, которые во многом отличны от общей криминологической характеристики лиц, совершающих хищения чужого имущества. Это касается относительно высокого образовательного уровня похитителей, явного преобладания лиц мужского пола, значительной доли преступлений, совершенных в группе. Данные особенности обусловлены, прежде всего, особенностями предмета преступления, каковым является транспортное средство, а также содержания объективной стороны угона и хищений, предполагающей наличие определенного интеллектуального уровня и необходимых физических качеств. Полученные данные могут быть использованы в организации противодействия преступлениям, посягающим на собственность в виде транспортных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — М., 2000. — С. 124.
2. Криминология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. — М., 2007. — С. 100.

3. Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника: монография. — М., 2002. — С. 96.
4. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — Л., 1969. — С. 7.
5. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. — Владивосток, 1970. — С. 15.
6. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — М., 1998. — С. 124—132.
7. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. — М., 1976. — С. 191.
8. Сайт интерактивного автомобильного журнала «M7live». URL: <http://www.m7live.ru> (дата обращения 28.04.2010).
9. Официальный сайт УГИБДД по Красноярскому краю. URL: <http://www.gai24.ru/news> (дата обращения 2.02.2010).
10. Россия в цифрах-2008: краткий статистический сборник. — М., 2008. — С. 11.
11. Сухов С.В., Гэрэлбаатар Д. Личность преступника, совершающего разбойные нападения на граждан в Иркутской области // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Лелеков В.А., Мусеилов А.Г. Предупреждение преступлений несовершеннолетних, связанных с автомобилотранспортом, в Центрально-Черноземном регионе. — М., 2001.
13. Симоненко А.В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М., 2005. — С. 18.
14. Зиядова Д.З. Преступность среди учащихся общеобразовательных школ и проблемы ее предупреждения: региональный аспект. — М., 2005. — С. 188.
15. Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. — Минск, 1986.
16. Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М., 2001.
17. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. — М., 2003.
18. Боков А.В. Организация борьбы с преступностью / под ред. Г.А. Аванесова. — М., 2003.
19. Иванова А.А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Н. Новгород, 2006.
20. Тундилов Ю.Н. Наука, образование, нравственность. — М., 1980. — С. 35.
21. ГИАЦ МВД России. Сведения о возрастном, образовательном составе лиц, совершивших преступления за январь-декабрь 2008 г. — М., 2009. — С. 27.
22. Буз С.А., Магомедов М.К. Хищения легковых автомобилей. Проблемы уголовно-правового регулирования и правоприменительной практики: монография. — Краснодар, 2008. — С. 112.
23. Курс советского уголовного права. — М., 1970. — Т. 2. — С. 290.
24. Еникеев М.И. Юридическая психология. — 5-е изд. — СПб., 2004. — С. 83.
25. Леонтьев Д.А. Психология смысла. — М., 2003. — С. 193.
26. Маслоу А.Н. Мотивация и личность: пер. с англ. — М., 1954. — С. 98.
27. Даньшин И.Н. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1969. — С. 70.
28. Дагель П.С. Проблема вины в советском уголовном праве // Ученые записки Дальневосточного университета. — Владивосток, 1968. — С. 163.
29. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. — Киев, 1977. — С. 21.
30. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1983. — Т. 2. — С. 171.
31. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М., 1990. — С. 291.
32. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. — М., 1991. — С. 218.
33. Рыбальская В.Я. Сравнительная социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления // Психологическое изучение трудновоспитуемых школьников и несовершеннолетних правонарушителей. — М., 1983. — С. 17.
34. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. — Томск, 1989. — С. 84—157.
35. Невский Н.Н. Виктимологические аспекты борьбы с преступлениями, посягающими на автотранспортные средства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Н. Новгород, 2003. — С. 70.
36. Коваленко В.И. Криминологическая характеристика современных грабежей и разбоев и меры их предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Ростов н/Д, 2003. — С. 22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Колесников Роман Викторович. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: rkolesnikow@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 700-545.

Ильяшенко Алексей Николаевич. Заместитель начальника по научной работе. Доктор юридических наук, профессор.

Краснодарский университет МВД России.

E-mail: ailyashenko@mail.ru

Россия, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128. Тел. (861) 258-40-50.

Kolesnikov Roman Victorovich. The lecturer of the Criminal Law and Criminology chair. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 700-545.

Ilyashenko Aleksey Nikolayevich. Deputy head on scientific work. Doctor of law, professor.

Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 350005, Krasnodar, Yaroslavskaya str., 128. Tel. (861) 258-40-50.

Ключевые слова к статье: криминологическая характеристика; личность преступника; пол; возраст; уровень образования; судимость; социальное положение; материальное положение; корысть; мотив; типология личности преступника.

Key words: criminology description; criminal person; sex; age; education level; conviction; social position; economic conditions; gain; motive; typology of criminal person.

УДК 343.9

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Пугачев А.В. Использование стрелковых компьютерных тренажеров для обучения стрельбе курсантов образовательных учреждений МВД России: учебно-методическое пособие / А.В. Пугачев, А.В. Мельников, М.А. Сибирко. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — 37 с.

Издание раскрывает методику повышения качества техники стрельбы из пистолета Макарова, рассматривает использование стрелковых тренажеров, которые могут применяться на занятиях.

Предназначено для подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России по дисциплине «Огневая подготовка», курсов повышения квалификации практических работников и использования в системе дополнительного образования МВД России.

Р.А. Богашев,
МОБ МВД по КЧР

В.В. Хатуева,
доктор юридических наук, доцент,
Центральный филиал Российской
академии правосудия

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ИНЫХ ФОРМ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ON THE ISSUE OF COLLABORATION OF THE COURT CONTROL AND THE OTHER FORMS OF CONTROL ACTIVITY IN THE PROCEDURAL CRIMINAL LAW

Рассматриваются вопросы, касающиеся сущности и содержания функции судебного контроля в уголовном судопроизводстве, проводится сравнительный анализ его соотношения с прокурорским надзором и ведомственным контролем в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Определяются критерии разграничения рассматриваемых процессуальных функций, исследуются контрольно-надзорные полномочия суда, прокурора и руководителя следственного органа, на основании чего делается вывод о том, что они не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Theoretical researches of the court control in the procedural criminal law have been carried out for more than several decades, but still there is no unified attitude to the understanding of the essence, subject structure and the meaning of this function of the court and its collaboration with the other forms of control activity. We suppose that the court control should be considered as one of the main areas of the procedural criminal activity, i.e. procedural criminal function.

Как показывает проведенный анализ исторической ретроспективы становления и развития института судебного контроля в российском уголовном процессе, в том виде, в котором он смоделирован в действующем уголовно-процессуальном законе, его можно считать относительно новым уголовно-процессуальным институтом. Необходимо отметить, что, несмотря на большое число сторонников, идеи судебного контроля вызвали неоднозначный отклик как у ученых-процессуалистов, так и среди практических работников. Негативная оценка расширения контрольных полномочий суда именно в

стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования дается как в связи с ведомственными интересами отдельных правоохранительных органов, так и в связи с опасениями «стратегического» характера, связанными с возможной утратой состязательного характера уголовно-процессуальной деятельности. В частности, работники прокуратуры высказывают мнение о том, что отнесение к компетенции судов контроля за законностью действий и решений прокуратуры и органов расследования ведет к вмешательству судебной власти в ход предварительного расследования, по-

скольку, санкционируя аресты, обыски и другие следственные действия, суд превращается в орган надзора, подменяет прокурора и становится «заложником» принятых им же ранее решений [1]. Рассматривая судебный контроль через призму разделения уголовно-процессуальных функций как элемента состязательного уголовного процесса, некоторые ученые высказывают предположение, что выполнение судом соответствующих обязанностей может привести к стиранию границ между правосудием и уголовным преследованием, принципиально изменит характер и сущность деятельности судов [2].

Полагаем, что высказываемые опасения должны рассматриваться в контексте изменений уголовно-процессуального закона, произошедших за последние годы и связанных с перестройкой всего контрольно-надзорного механизма деятельности системы органов уголовной юстиции. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, расширение полномочий суда в стадии предварительного расследования невозможно без четкого определения модели уголовного процесса, изменения в нем роли и статуса суда, прокурора, следователя и органа дознания [3].

С точки зрения системного подхода различные субъекты контроля и надзора в комплексе влияют на один объект — досудебное производство, разделение труда между ними позволяет каждому вносить именно свою долю в решение общей задачи. В этой связи в условиях состязательного уголовного процесса руководитель следственного органа, с одной стороны, прокурор — с другой, суд — с третьей, не должны подменять друг друга в своей деятельности. В исследованиях, посвященных данной проблематике, предлагаются различные способы разграничения контрольно-надзорной деятельности. Так, О.В. Химичева указывает на возможность применения нескольких критериев: 1) статуса суда как органа государственной власти; 2) наличия у суда специальных средств по контролю; 3) предмета и преимуществ судебной процедуры [4]. Некоторые ученые достаточно обоснованно увязывают формы и способы взаимодействия органов расследования, прокуратуры и суда с пределами реализации функции судебного контроля, обозначая в качестве таковых: недопустимость нарушения системы стадий уголовного процесса; разделение уголовно-процессуальных функций; способы реализации судом контрольных полномочий [5]. Признавая эффективность подобного подхода к исследованию вопроса о соотношении различных форм контрольно-надзорной деятельности, считаем необходимым отметить, что ее многоступенчатый характер обуславливает необходимость поиска таких критериев разграничения соответствующей уголовно-процессуальной деятельности, которые охватывали бы не только признаки судебной вла-

сти и пределы ее реализации в уголовном процессе, но и в равной мере были бы применимы к деятельности стороны обвинения, которую в части контрольно-надзорных полномочий представляют прокурор и руководитель следственного органа.

Критериями, позволяющими разграничить формы процессуального контроля и надзора в досудебном производстве, на наш взгляд, могут служить: а) задачи, выполняемые на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства тем или иным органом или должностным лицом; б) законодательно регламентированные полномочия соответствующих субъектов уголовно-процессуальной деятельности; в) положение, занимаемое каждым из них в системе органов государства.

Процессуальное положение прокурора в уголовном судопроизводстве, формы реализации функции прокурорского надзора, его соотношение с полномочиями следователя и руководителя следственного органа долгое время были предметом острой научной дискуссии, которая не завершилась с принятием УПК РФ, уделившего особое внимание данной проблеме. Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным от имени государства осуществлять уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Некоторые исследователи полагают, что надзор — это самостоятельная функция прокурора, не совпадающая с функцией уголовного преследования, поскольку эти направления деятельности прокурора имеют разные цели: обеспечение законности процессуальной деятельности и избличение виновных лиц [6]. Думается, что более обоснованной и соответствующей состязательной модели уголовного процесса является позиция, согласно которой надзорная деятельность прокурора не может рассматриваться в отрыве от реализации функции уголовного преследования, поскольку оно осуществляется посредством реализации надзорных полномочий [7]. Именно такой позиции придерживается законодатель, регламентируя в ч. 2 ст. 37 УПК РФ предмет прокурорского надзора и одновременно перечисляя его полномочия по осуществлению соответствующей процессуальной функции, используя которые прокурор направляет деятельность органов расследования к избличению виновных лиц, обеспечивая при этом объективность конечных выводов и предотвращая возможные ошибки и нарушения закона.

Положения ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» корреспондируют с предписаниями ч. 2 ст. 37 УПК РФ в части определения предмета прокурорского надзора, а, соответственно, и задач указанной деятельности, определяя, что составляющими этого надзора в стадиях возбуждения уголовного

дела и предварительного расследования являются: соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о готовящихся и совершенных преступлениях, проведение расследования, а также законность принимаемых решений следователями и органами дознания. Таким образом, предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования значительно шире, нежели предмет судебного контроля, который очерчен законодателем рамками, обеспечивающими защиту и восстановление нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи вряд ли можно согласиться с позицией тех исследователей, которые полагают, что с учреждением судебного контроля надзорная деятельность прокурора становится излишней [8]. Задачи судебного контроля не подменяют собой задач прокурорского надзора, а дополняют их, поскольку соотношение предметов соответствующей деятельности предопределяется соотношением публичного и личного интересов в уголовном процессе. Природа деятельности прокурора, отвечающего, как уже было отмечено, за законность уголовного преследования, является публичной, поскольку обеспечивает государственные и общественные интересы. Личные интересы участников уголовного судопроизводства защищаются прокурором лишь в той степени, в которой они не противоречат закону и согласуются с интересами общества и государства. При этом в публичном интересе находят отражение законные интересы участников уголовного процесса, в том числе подозреваемых, обвиняемых и потерпевших. Основной целью судебного контроля является защита прав и законных интересов участников процесса от нарушений со стороны органов расследования и прокурора, а также устранение встречающихся в практике расследования нарушений закона, что соответствует интересу публичному [9]. Несмотря на то, что деятельность суда по реализации предоставленных законодателем контрольных полномочий влияет на законность принимаемых должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу, основных процессуальных решений, она не охватывает всей деятельности по расследованию преступлений и, соответственно, не может заменить прокурорского надзора. Прокурор, в отличие от суда, действует на всем протяжении досудебного производства: с момента поступления сообщения о совершенном преступлении и до направления уголовного дела в суд либо его прекращения. Прокурорский надзор имеет длящийся характер, распространяется на

все без исключения уголовные дела и не требует обязательной инициативы заинтересованных участников уголовного судопроизводства.

Статус прокурора в уголовном судопроизводстве, а также соотношение прокурорского надзора с ведомственным контролем, осуществляемым руководителем следственного органа, были существенно изменены с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». За прокурором сохраняется функция уголовного преследования, но функция процессуального руководства предварительным следствием и в значительной степени надзора за ним переданы новой процессуальной фигуре — руководителю следственного органа, учрежденной взамен прежнего участника процесса — начальника следственного отдела (ст. 39 УПК РФ). При этом необходимо отметить, что за прокурором сохранен прежний объем полномочий по руководству дознанием и надзору за его законностью. Изначально контроль начальника следственного отдела замыслился не как альтернатива прокурорскому надзору, а как самостоятельная форма обеспечения четкой и слаженной работы следователей по раскрытию и предупреждению преступлений. Основной задачей данной процессуальной фигуры являлась организация процессуальной деятельности в возглавляемом подразделении, т.е. он, используя предусмотренные уголовно-процессуальным законом средства, был обязан руководить расследованием уголовных дел, обеспечивать его высокое качество, полностью, всесторонность и объективность. Изменение процессуального статуса начальника следственного отдела названным выше федеральным законом связано с перераспределением контрольно-надзорных функций между прокурором и руководителем следственного органа в пользу последнего. Так, в частности, полномочия по даче указаний о направлении расследования и производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); даче согласия на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства при рассмотрении им вопросов, составляющих предмет предупредительного судебного контроля (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); разрешению отводов, заявленных следователю (п. 5 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); отмене его незаконных и необоснованных постановлений (п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) входят в компетенцию руководителя следственного органа. Вместе с тем за прокурором сохранен ряд полномочий, позволяющих ему устранять нарушения закона, допущенные следователем, и добиваться эффективной реализации функции уголовного преследования. К их

числу законодатель относит: проверку исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); изъятие любого уголовного дела у органа дознания и передачу его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); передачу уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому по правилам подследственности (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); отмену признанного им незаконным или необоснованным постановления следователя о возбуждении уголовного дела в срок не позднее 24 часов с момента получения копии постановления и иных материалов (ч. 4 ст. 146 УПК РФ); освобождение всякого незаконно задержанного, лишенного свободы или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар либо содержащегося под стражей свыше установленного срока (ч. 2 ст. 10 УПК РФ); полномочия по утверждению обвинительного заключения и направлению дела в суд с возможностью направления дела для дополнительного расследования и отмены меры пресечения в виде заключения под стражу при истечении ее предельного срока (ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Во всех остальных случаях нарушения закона в ходе предварительного следствия прокурор может реагировать на них лишь предъявлением требования к следственному органу об устранении допущенных нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Тот факт, что подобное требование прокурора может быть оспорено следователем и руководителем следственного органа, говорит о значительном сужении пределов реализации функции прокурорского надзора за следствием и соответствующем расширении пределов ведомственного контроля. В такой ситуации прокурор может добиться исполнения своих требований посредством сложной многоступенчатой процедуры оспаривания возражений перед вышестоящими руководителями следственного органа, и лишь при их несогласии обратиться к Генеральному прокурору РФ, чье решение является окончательным (ч. 6 ст. 37 УПК РФ).

Перераспределение контрольно-надзорных полномочий повлекло за собой и изменение содержательной стороны участия прокурора при осуществлении судом функции судебного контроля. Так, в п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ законодатель регламентировал формы участия прокурора в процедурах судебного санкционирования и судебной проверки, включив в его процессуальный статус право участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении соответствующих вопросов. Однако, если согласно ранее действовавшему законодательству, прокурор в судебном заседании отстаивал согласованную с ним пози-

цию стороны обвинения, то сейчас, будучи не связанным позицией следователя и руководителя следственного органа, он высказывает свое мнение относительно обоснованности и законности заявленных ходатайств. В этой связи Генеральный прокурор РФ в своем приказе от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования» обязывает прокуроров в каждом случае участия в судебном заседании составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства для приобщения к рассмотренным судом материалам и надзорному производству. С целью своевременной выработки обоснованной позиции по заявленному ходатайству прокурор должен предлагать руководителю следственного органа одновременно с направлением соответствующих материалов в суд направлять в прокуратуру копии материалов, подтверждающих его обоснованность. Думается, что в подобной ситуации прокурор, даже несмотря на то, что он является стороной обвинения, может и не поддерживать заявленное органами следствия ходатайство, признав его незаконным и необоснованным, что является дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Аналогичным образом может быть решен вопрос, составляющий предмет последующего судебного контроля. В ч. 5 ст. 165 УПК РФ сохранено положение о том, что следователь должен уведомить о производстве следственных действий, которые ввиду их неотложности проводились без разрешения суда, не только суд, но и прокурора, приложив к уведомлению копии соответствующих материалов. Получив такое уведомление, прокурор еще до рассмотрения их судом может прийти к выводу, что производство следственных действий было незаконным или необоснованным, и именно с такой позиции выступить перед судом.

Определенные сложности вызывает соотношение ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля при рассмотрении судом жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Так, в частности, предметом последующего судебного контроля являются действия и решения должностных лиц, ущемляющие конституционные права граждан и затрудняющие доступ к правосудию. Соответственно, все иные действия и решения являются предметом ведомственного контроля и прокурорского надзора (ст. ст. 123, 124 УПК РФ).

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в силу принципа состязательности ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный кон-

троль не исключают, а взаимодополняют друг друга, поскольку эти виды деятельности являются проявлением различных процессуальных функций. Четкое разграничение пределов их реализации при взаимодействии различных видов контрольно-надзорной деятельности обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, а соответственно, и реализацию задач уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков В.Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы // Журнал российского права. — 2007. — № 10. — С.19—26.
2. Гирько С.И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции // Журнал российского права. — 2008. — № 3. — С.9—18.

3. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука // Российская газета. — 1999. — 15 апреля.

4. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — М.: Спарк, 2004. — 369 с.

5. Солодилов А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. — Томск, 2000. — 169 с.

6. Пинок А. Прокурорский надзор и состязательность в стадии предварительного расследования // Законность. — 1999. — № 9. — С. 31—36.

7. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.П. Кругликова. — М.: Проспект, 2009. — 736 с.

8. Кожевников И. Упорядочить полномочия следователя // Российская юстиция. — 1997. — № 12. — С. 20—24.

9. Соловьев А.Б. Проблемы статуса прокуратуры с позиций обеспечения публичного и личных интересов в уголовном процессе России // Уголовное право. — 2000. — № 4. — С. 87—92.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Боташев Расул Александрович. Старший дознаватель отдела организации дознания.

МОБ МВД по КЧР.

КЧР, Усть-Дзегутинский район, ст. Красногорка. Тел. 8 (928) 385-02-05.

Хатуаева Виктория Владимировна. Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Центрального филиала Российской академии правосудия. Доктор юридических наук, доцент.

Центральный филиал Российской академии правосудия.

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 65. Тел. 8(960) 1233043.

Botashev Rasul Alexandrovich. The senior research officer of Research Organisation Group.

MOB MVD on KChR.

Work address: KChR, Ust-Dzegutinskii region, Krasnogorka station.

Khatuaeva Victoria Vladimirovna. Professor of Law chair. Doctor of law, assistant professor.

Central branch of Russian Academy of Justice.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, 20 years of October str., 65. Tel. 8(960) 1233043.

Ключевые слова к статье: уголовный процесс; судебный контроль; уголовно-процессуальная функция.

Key words: the procedural criminal law; the court control; procedural criminal function.

ББК 67.410.214 (2 Рос)

Т.М. Занина,
кандидат юридических наук, профессор

И.С. Морозова

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА (ЗАЧИСЛЕНИЯ) НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ В ПОЛИЦИЮ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

THE PECULIARITIES OF HIRING (JOINING) THE POLICE FORCES OF THE UNITED KINGDOM

Анализируются особенности правового регулирования приема на службу в полицию Великобритании.

The research paper analyses the peculiarities of legal regulations when hiring the police forces of the United Kingdom.

Обращение к зарубежному опыту организации прохождения полицейской службы своевременно и актуально в связи с происходящим реформированием российской правоохранительной системы. Творческое осмысление зарубежного опыта во многом способствует расширению знаний о формах и методах кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации.

Кадровая политика является сферой особого внимания ученых, в том числе В.В. Бобырева, А.В. Быкова, А.В. Губанова [1, 3, 5]. Так, В.В. Бобырев пишет, что «укомплектованность личным составом, наличие у него способностей, адекватных решаемым задачам, всегда было и остается одним из неперемennых условий эффективного функционирования полиции» [1]. Действительно, кадровый состав является главным и решающим элементом в деятельности полиции (милиции) любого государства.

Кадровая политика в полиции Великобритании во многом обусловлена спецификой исторических, социально-политических особенностей развития государственной службы данной страны. Практически во всех конституциях стран —

членов Европейского Союза используется понятие «государственная служба». Исключение составляет именно Великобритания, где отсутствует «писаная» Конституция. Вместе с тем, в Великобритании разработано множество нормативных актов, регулирующих условия прохождения государственной службы и формулирующих ее основные принципы.

Министерства и ведомства Великобритании являются публичными юридическими лицами, их так и называют — публичные корпорации (Public corporation). Публичным юридическим лицом является и министерство внутренних дел, служащие которого именуются служащими публичного сектора. Само название «государственной службы» как публичной подчеркивает ее основную цель — служение государству, народу.

По своей сути министерства и ведомства — это отраслевые или функциональные органы управления. Министры имеют многочисленные полномочия по контролю за деятельностью центральных ведомств и органов местного самоуправления. Во многих случаях у центральных органов наличествуют подчиненные им самосто-

тельные отделения на местах. Особенностью британской администрации является наличие территориальных министерств: по делам Шотландии, Уэльса и Ирландии [4]. В Великобритании, где территориальные полицейские организации подчинены местным властям, соответствующий порядок по традиции определяется для полиции Англии и Уэльса министром внутренних дел Великобритании, а для полиции Шотландии — министром по делам Шотландии. Полицейские органы в городах и графствах (за исключением Лондона) непосредственно подчиняются выбранному населением органам местного самоуправления, но при сохранении контроля за результатом деятельности в руках МВД страны. Этот контроль министр внутренних дел традиционно осуществляет путем инспектирования территориальных полицейских формирований.

По результатам инспектирования осуществляется основное и дополнительное финансирование полицейских формирований, продвижение по службе их служащих, назначение на руководящие должности. Кстати, назначение на руководящие должности происходит на основе представления местных органов самоуправления. Министр утверждает или не утверждает предложенную кандидатуру. Министр внутренних дел также определяет общие правила организации и несения полицейской службы на местах [3]. Перечисленные особенности деятельности полиции Великобритании оказали влияние на формирование практики прохождения государственной службы полицейскими как «служащими публичного сектора», закрепленной в общенациональных нормативных актах. Данная практика исторически восходит к закону, который официально зарегистрирован как Акт о столичной полиции 1829 г., и Законам о региональной полиции 1835 и 1856 гг. «Названные акты, по существу, заложили основу системы управления полицейскими силами Великобритании, действующей по сей день», — отмечает профессор А.В. Губанов [5]. Именно в Акте о столичной полиции 1829 г. говорится о том, что «должный отбор и подготовка подходящего персонала является основой эффективности» деятельности полиции [13].

В Великобритании установлены четкие правила прохождения службы в полиции. Эти правила разрабатываются центральными органами полицейского управления, но при этом основываются на общих для всех государственных служащих положениях.

Под прохождением государственной службы понимается система юридических фактов, которые вызывают возникновение, изменение и прекращение государственно-служебных отношений. К таким юридическим фактам относятся:

прием (зачисление) на государственную службу; аттестация государственных служащих; перемещение по службе; стимулирование служебной деятельности служащих; ответственность государственных служащих; прекращение государственной службы.

На современном этапе основным документом, регламентирующим прием на государственную службу в полицию Великобритании, является специальный Закон о реформе полиции 2002 г. Данный Закон четко определил функции полицейских сил, изменил их полномочия. С целью совершенствования правового регулирования зачисления на службу в полицию в Части 6 вышеуказанного Закона соответствующими положениями были уточнены правила приема, назначения и аттестации сотрудников полиции [6].

Порядок приема на службу в ОВД Российской Федерации в настоящее время регулируется Приказом МВД РФ от 14 декабря 1999 г. № 1038 «Об утверждении инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [8] и Приказом МВД РФ от 19 мая 2009 г. № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации» [11].

По своей концептуальной позиции правоохранительные органы отражают то общество, которому они служат. Согласно Части 6 Закона о реформе полиции, на службу в полицию Великобритании принимается в добровольном порядке человек любой национальности независимо от места своего рождения. Главное, чтобы он был подданным Великобритании или гражданином одной из стран содружества, чье проживание в Великобритании не требует специального разрешения. В силу этого на службу в полицию в последнее время стали принимать представителей разных этнических меньшинств, что значительно расширило в правоохранительных органах представительство групп, имеющих в обществе [16]. Требования в отношении иммиграционного статуса кандидата и его гражданства выдвигаются лишь в случаях получения особых званий и должностей. При поступлении на службу в правоохранительные органы РФ наличие российского гражданства обязательно.

Граждане, которые хотят служить в полиции, подают заявление на имя начальника местного полицейского управления или участка. Затем он проводит беседу с кандидатом на службу, изучает его документы, после чего принимает решение о допуске кандидата к конкурсным испытаниям или об отказе в этом [6].

Немаловажным требованием при приеме на службу в полицию Великобритании является лояльность кандидата к существующему строю и

политическому режиму. Именно на выявление этой составляющей характеристики кандидата во многом направлена личная беседа с ним начальника местного полицейского управления (участка). Лояльность является одним из основных требований, предъявляемых к государственным служащим. В Циркуляре 1953 г. сказано, что последние должны сохранять сдержанность в политических вопросах. Известный английский ученый Д. Гарнер в своей книге «Великобритания: центральное и местное управление» формулирует эту концепцию следующим образом: «Гражданские служащие обязаны хранить верность правительству, стоящему у власти, и добросовестно служить правительствам, придерживающимся различных политических убеждений» [4]. Эта концепция в полной мере распространяется и на служащих полиции как служащих публичного сектора. На службу в российскую милицию принимаются лица «независимо от ... социального происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям...» [10], способные выполнять служебные обязанности.

Право поступления на службу в полицию имеют граждане, достигшие 18 лет и 6 месяцев. Это минимальный возрастной предел для желающих служить в полиции. Существует и максимальный возрастной предел — 30 лет. Именно в этом возрасте молодые люди «обычно лучше и быстрее поддаются воспитательному воздействию, осваивают новые обязанности, зачастую более сильны и выносливы, меньше склонны менять профессию» [2]. Согласно Положению о службе в органах внутренних дел Российской Федерации возрастной ценз кандидатов определяется рамками от 18 до 40 лет (на службу в милиции — до 35 лет).

Большое внимание при поступлении на службу в полицию Великобритании уделяется физической форме (рост от 175 до 190 см), состоянию здоровья кандидата, которое проверяется специальной медицинской комиссией. Годность к службе в российских органах внутренних дел по состоянию здоровья кандидатов определяется военно-врачебной комиссией в соответствии с Положением о медицинском освидетельствовании в органах внутренних дел, утвержденным приказом МВД России от 14 июля 2004 года № 440 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в органах внутренних дел и внутренних войсках МВД России». Кроме того, учитываются интеллектуальные, личностные и другие качества кандидатов, выявляемые психодиагностическими подразделениями медицинской службы органов внутренних дел.

Требования к образовательному уровню кандидата на службу зависят от той должности, на которую он претендует. Так, чтобы стать рядовым полицейским, достаточно 8-9 классов образования. В России на должности рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел принимаются граждане, имеющие образование не ниже среднего. При назначении на более высокие должности и в России, и в Великобритании наличие соответствующего специального образования обязательно. Следует обратить внимание, что ведомственное (полицейское) образование в Великобритании интегрируется на основе принципов так называемого Болонского процесса, вследствие чего сформировались три универсальные ступени полицейского (образования):

- бакалавр полиции — базовое полицейское образование, дающее право на осуществление простейших видов деятельности в сфере охраны общественного порядка;

- специализированное полицейское образование на основе бакалавриата — постоянное участие в сертифицированных курсах и семинарах, окончание которых дает право на осуществление специальных видов полицейской деятельности (детективная, антитеррористическая и т.д.);

- магистратура — получение образования полицейского менеджера, то есть гражданской специальности, дающей право на занятие средних и высших должностей [15].

Вновь принятые аттестованные сотрудники полиции (рекруты) в обязательном порядке проходят первоначальную подготовку (14 недель) в окружных учебных центрах, а затем направляются для прохождения дальнейшей службы в местные полицейские подразделения, где обучение продолжается на практике, вплоть до окончания первых двух лет службы. В течение этого времени рекруты считаются констеблями, принятыми условно, и могут быть в любое время уволены, если обнаружится их неспособность к службе [15]. Обязательное наличие испытательного срока при поступлении на службу было зафиксировано еще в вышеупомянутом Акте о столичной полиции 1829 г., где говорилось, что «полицейские должны приниматься на службу через испытательный срок, что позволяет освобождаться от таких полицейских, которые по своим склонностям, характеру, отношению не могут служить в правоохранительных органах» [14]. На это положение хотелось бы обратить особое внимание. Действительно, за два года, когда сотрудник числится «условно принятым», можно определить, способен ли он по своим деловым, личным и нравственным качествам служить в полиции

(милиции). Согласно ст.12 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации испытательный срок кандидата на службу не превышает шести месяцев. Данные условия приема на службу в полицию Великобритании позволяют укомплектовать ее людьми, достойно выполняющими свои служебные обязанности. Достижению этой цели служит институт наставничества, имеющий широкое распространение в кадровой работе полиции Великобритании. За кандидатом на службу в полицию на весь период стажировки официально закрепляется наставник, который несет личную ответственность за работу молодого сотрудника. Наставник проводит специальные занятия, читает лекции, помогает профессионально грамотно исполнять служебные обязанности. Характеристика, данная наставником молодому сотруднику, является одним из основных рекомендательных документов на постоянную службу в полицию.

Проблема укомплектования полиции высокопрофессиональными кадрами в Великобритании решается и за счет большой работы кадровых полицейских среди молодежи. Практически во всех полицейских подразделениях существуют отряды кадетов. В них принимаются юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет. Кадеты проходят курс обучения в специальных колледжах, где получают начальные профессиональные навыки. Также они знакомятся с населением района, в котором предположительно будут служить в будущем [7]. Подобный опыт работы с молодежью также заслуживает внимания и более пристального изучения.

Отличительной особенностью приема на службу в полицию Великобритании является и то, что, согласно Закону о реформе полиции 2002 г., министерство внутренних дел передало ряд полномочий полиции гражданским лицам [6]. К такой категории служащих полиции относятся охранники магазинов, смотрители парков, выгульщики собак, парковщики автомобилей и пр. Согласно программе МВД Великобритании «О соблюдении общественной безопасности», они вправе проверять на улицах документы. Кроме того, их полномочия позволяют им взимать штрафы в размере до 50 долларов за нарушение общественного порядка: разбрасывание мусора, продажу алкоголя и табачных изделий подросткам, запуск фейерверков, парковку в неподходящем месте и др. Все они носят форму, утвержденную местным департаментом полиции, и имеют специальные удостоверения. Для того чтобы получить полномочия полицейского, гражданским лицам необходимо пройти соответствующую подготовку на краткосрочных курсах.

Отличает их от полиции общественной безопасности то, что они не обладают полномочиями арестовывать подозреваемых. По данным газеты The Daily Mail, число гражданских лиц, желающих служить в полиции, ежегодно увеличивается. Если в 2005 и 2006 годах их число составляло 945 человек, то в 2007 году уже достигло 1150 человек. За последний год, по данным министерства внутренних дел, число гражданских лиц, наделенных полномочиями полицейского, выросло на 30%, то есть до 1400 человек [12]. Муниципальные советы и другие организации общественного сектора, чтобы присоединиться к данной программе, платят взнос в размере 475-500 долларов. Каждый сотрудник обходится общественному сектору в 55-140 долларов. Для частного сектора цены выше: взнос составляет не менее 700-950 долларов, а плата за одного охранника — 50-200 долларов. Привлечение к работе в полиции гражданских лиц позволяет Британской полиции в условиях реформирования МВД сохранить число квалифицированных сотрудников на прежнем уровне и набрать новые кадры. Вопрос о пересмотре полномочий сотрудников полиции также может заслуживать более пристального рассмотрения в процессе реформирования органов внутренних дел Российской Федерации.

Объем статьи не позволяет осветить все особенности приема на службу в полицию Великобритании. Мы остановились на наиболее значимых, с нашей точки зрения. Но и те положения, которые были проанализированы, свидетельствуют о продуманной и грамотной кадровой политике МВД Великобритании.

В современных условиях эффективность деятельности любой организации во многом зависит от тех людей, которые в ней работают. Для того чтобы успешно функционировать, организации необходимо иметь и регулярно получать соответствующее число работников с надлежащим уровнем квалификации. Совершенствование процедуры принятия на службу с учетом ее объективности, формализации и качества во многом обеспечат уменьшение риска проникновения в полицию (милицию) недостойных сотрудников.

Недаром в Указе Президента РФ Дмитрия Медведева «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» от 24 декабря 2009 г. акцентируется внимание на значимости кадровой работы. Президентом подчеркивается, что данный Указ принят с учетом того, что «...существующая структура органов внутренних дел Российской Федерации, организация их деятельности, кадровое ... обеспечение милиции не отвечают современным

требованиям и нуждаются в модернизации» [9]. В связи с этим в целях повышения уровня профессионализма сотрудников Президент поручил Министру внутренних дел РФ Р.Г. Нургалиеву пересмотреть порядок отбора кандидатов для службы (работы) в органах внутренних дел с учетом их морально-этических и психологических качеств.

Изучение зарубежного опыта поможет проанализировать содержание работы полицейского и создать на этой основе модели отбора кандидатов в российские органы внутренних дел, обладающих профессионально значимыми качествами и характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырев В.В. Организационно-правовые основы кадрового обеспечения деятельности полиции государств Западной Европы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С.12.
2. Бобырев В.В. Организационно-правовые основы кадрового обеспечения деятельности полиции государств Западной Европы: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С.86.
3. Быков А.В. Особенности полицейского строительства в Великобритании // Военно-юридический журнал. — 2008. — № 1.
4. Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное самоуправление. — М.: Прогресс, 1984. — С. 62.
5. Губанов А.В. Полиция зарубежных стран. — М.: МАЭП, 1999. — С. 18.
6. Закон о реформе полиции 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.met.police.uk/policing_online_information_system/www.polis.osce.org/library.
7. Международный опыт правоохранительной деятельности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/vui/mopd/5.htm>.
8. Об утверждении инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 14 декабря 1999 г. № 1038 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 29. — Ст. 3698.
9. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/subject/reforma—mvd/Gzt.ru>.
10. О милиции: Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 1. — Ст. 15.
11. О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 386. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home>.
12. О реформе в полиции Великобритании. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.met.police.uk/policing_online_information_system/www.polis.osce.org/library/GZT.RU.
13. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России / под общей ред. В.П. Сальникова. — СПб.: Алетейя, 2000. — 288 с.
14. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / под ред. К.И. Батыра. — М.: Былина, 1995. — 416 с.
15. English Jack. Police Training Manual. — 8 rev. ed. — London: McGraw-Hill Book Company Europe, 1996. — P. 48.
16. Rohl T. The professional police practitioner in the twenty-first century // Keeping the Peace Accountability and Oversight. — Canberra: Ed by D. Moore, R. Wettenhall, 1994. — P. 24—28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Занина Татьяна Митрофановна. Начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 476-483.

Морозова Ирина Сергеевна. Аспирант кафедры административного права и административной деятельности ОВД.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732)476-483.

Zanina Tatiana Mitrofanovna. Chief of the chair of Administrative Activities of the Law Enforcement Bodies.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732)476-483.

Morozova Irina Sergeevna. Full-time post-graduate student.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732)476-483.

Ключевые слова к статье: правовое регулирование; кадровая политика; государственная служба; государственный служащий; территориальные полицейские организации; органы внутренних дел; реформирование полиции; прохождение службы; прием (зачисление) на службу.

Key words: legal regulation; personnel policy; public service; public employee; territorial police forces; law enforcement bodies; police reformation; serving; hiring (joining) the service.

УДК 342

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

Адрес редакции: 198206, Санкт-Петербург, ул. Пилютова, д. 1.

Тел./факс: 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Свидетельство о регистрации №019232 от 28 сент. 1999 г.

Подписной индекс по каталогу «Роспечати» - 36631.

Приглашаем профессорско-преподавательский состав, адъюнктов, аспирантов и практических работников правоохранительных органов принять участие в опубликовании статей и научных трудов.

Журнал входит в перечень, рекомендованный ВАК России для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Д.А. Гончаров,
Московский университет МВД России

В.В. Агафонов,
*кандидат юридических наук, доцент,
Московский университет МВД России*

РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВЫ

DEPRAVED ACTIONS: THE CRIMINALISTICS IMAGE OF A CRIMINAL AND A VICTIM

Раскрываются криминалистические и психологические аспекты характеристики личности как подозреваемого в совершении развратных действий, так и несовершеннолетнего потерпевшего. Приведены социологические данные, характеризующие криминалистический портрет виновного, которые имеют целью помочь следователю в раскрытии и расследовании преступлений данной категории.

The author reveals criminalistics and psychological characteristics of both a person who is suspected in depraved actions and an under-aged victim. The author shows us the information that characterizes a criminalistics image of a victim. The aim of this information is to help an investigator throw light on the cases of this very category.

При исследовании анализируемой группы половых преступлений особый интерес вызывает характеристика личности преступника и жертвы. «Типичная информация о личности преступника имеет важное криминалистическое значение», – отмечал Р.С.Белкин [1]. Благодаря такой информации удастся выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе совершения и сокрытия преступления, сузить круг лиц, среди которых могут находиться преступники.

Личность преступника занимает центральное место в процессе исследования различных видов преступлений. Важность этого элемента криминалистической характеристики заключа-

ется в том, что действия преступника характеризуются актом поведения, в котором отражаются многие свойства личности. Как писал И.Н. Якимов, «наука и жизнь показывают, что не существует какого-либо одного типа преступников и что в действительности существуют много типов, значительно разнящихся один от другого. Однако, несмотря на все многообразие типов преступников, их можно с целью классификации подвести к нескольким основным типам преступника: 1) профессионального, 2) случайного, 3) душевнобольного, 4) дегенерата (вырождающегося человека)» [2].

При рассмотрении психического здоровья преступника необходимо учитывать наличие отклонений сексуального влечения с точки зрения медицинских показателей. Наиболее распространенным отклонением при совершении насильственных половых преступлений против несовершеннолетних является педофилия. Действующая международная классификация психических расстройств определяет педофилию как сексуальное предпочтение детей обычно предпубертатного или раннего пубертатного возраста. Канадский психиатрический институт Кларка, являющийся ведущим мировым центром по изучению детской сексуальности, предлагает 3 градации этого психического расстройства:

- педофилия — влечение к допубертатным детям;

- гебефилия — влечение к пубертатным, 12-14-летним подросткам;

- эфебофилия — влечение к постпубертатным, подросткам и юношам старше 14 лет.

Различают гомосексуальную и гетеросексуальную педофилию, но встречается и бисексуальная.

С.Богомолова и В.Образцов разделяют субъектов, страдающих педофилией, на регрессивных и фиксированных. Регрессивный педофил для получения сексуального удовлетворения изначально предпочитает иметь дело со сверстниками или более старшими партнерами. Однако когда в этих взаимоотношениях возникают серьезные проблемы или конфликты, то сексуальные интересы и желания фиксируются на детях.

Для фиксированных педофилов характерно то, что их сексуальные предпочтения с подросткового возраста связаны исключительно с лицами, которые моложе по возрасту. И эта склонность сохраняется на протяжении всей жизни [3]. Среди лиц, совершивших развратные действия в отношении несовершеннолетних, педофилия наблюдалась в 68%, из них только 22,8% были фиксированными, а 77,2% были регрессивными. При этом совершение преступления в одиночку для преступников с признаками педофилии является правилом.

Педофилы по типологии поведения — прекрасные манипуляторы ситуацией и психикой детей, они эгоцентричны, трусливы и беспощадны к детям. Как правило, это зависимые люди, которые не могут контролировать свой сексуальный импульс. При сочетании ряда ситуационных факторов они совершат преступление вновь и вновь. Любые многократные обещания педофилов пусты и тщетны, их поведение — это как поведение «хищников», когда при определенных условиях сексуальный инстинкт превосходит разум и способность контролировать свое поведение.

Следующее важное обстоятельство, на которое необходимо обращать внимание для уста-

новления виновного лица, — это стойкое антиобщественное поведение, которое проявляется в фактах неоднократного совершения преступлений. Анализ судебной практики по изученным уголовным делам свидетельствует, что среди лиц, совершивших развратные действия в отношении несовершеннолетних, впервые к уголовной ответственности привлекались 48,1%, а совершили указанные действия при рецидиве преступлений — 51,9%, причем за аналогичные преступления привлекались более 70% от ранее осужденных. Использование этих данных необходимо учитывать при выдвижении версий о разыскиваемом преступнике.

Не менее важное значение для изучения личности преступника имеет анализ его социального положения, благодаря которому можно выделить черты личности, которые формируются в процессе жизнедеятельности. О том, среди каких социальных слоев следует искать преступника, позволяет судить род занятий лиц, совершивших рассматриваемую категорию преступлений. Изучение уголовных дел свидетельствует, что 67,9% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, не имели постоянного источника дохода, 23,1% были рабочими, служащими — 1,3%, учащимися — 5,1%, индивидуальными предпринимателями — 1,3%, работниками сельского хозяйства — 1,3%.

Правила поведения конкретного лица, его социальный статус, круг контактов, ценностные ориентации, потребности и интересы тесным образом связаны с его общеобразовательным уровнем. Этот признак нами также был проанализирован при изучении уголовных дел. Он позволяет прийти к выводу, что данную категорию преступлений совершают лица, имеющие разный уровень образования. Так, среди лиц, совершивших развратные действия, начальное образование имели 3,4%, среднее — 20,2%, среднее специальное — 54,3%, незаконченное высшее — 18,5%, высшее — 3,6%.

Исходя из анализа проведенных исследований, доля мужчин, совершивших данную категорию преступлений, составила 98,7% и только 1,3% указанных преступлений было совершено женщинами. При этом отцами, отчимами и сожителями матерей было совершено 43,3%, иными знакомыми для жертвы лицами — 25,3% и ранее неизвестными — 31,4%.

Если говорить о психологическом портрете педофила, то это незрелый человек, эмоционально нездоровый, пугливый, трусливый, боязливый. Как правило, это слабый человек, но в то же время он проявляет признаки упрямства в сочетании с повышенной жалостью к себе. Часто он ведет скрытый образ жизни, но это не означает,

что он не может вести активную социальную деятельность или занимать социальную должность в обществе. Супружество зачастую у педофилов не по любви, а по расчету либо «долгу», поэтому будучи эмоционально и социально неудовлетворенным, он злоупотребляет несовершеннолетними детьми, родными или чужими.

При первом контакте с педофилом в большинстве случаев он не производит впечатления «чудовища», ведь дети к страшному человеку не подойдут. Напротив, он обаятелен, тактичен, добр, с хорошим чувством юмора и прекрасными актерскими способностями. И только при установлении личностных отношений с этим субъектом взрослый человек может заметить отраженные характеристики.

Педофилия имеет тенденцию прогрессировать со временем, при этом важным сопутствующим фактором является увлечение порнографией, особенно детской.

Помимо тщательного изучения личности виновного в процессе расследования ненасильственных развратных действий в отношении несовершеннолетних необходимо тщательно рассмотреть личность потерпевших и установить причины, по которым они оказались в этой роли.

Личность потерпевших, на наш взгляд, нередко проявляется во внешнем поведении, которое способствует формированию мотивов, намерений, целей поведения преступника и выбору средств и способов их достижения.

По нашему мнению, несовершеннолетних жертв ненасильственных развратных действий можно классифицировать на:

- способных адекватно оценить криминальную ситуацию. Сюда следует отнести потерпевших, пренебрегающих мерами личной безопасности; потерпевших, которые своим легкомысленным поведением спровоцировали сексуальное посягательство; а также потерпевших, которые не предполагали возможное посягательство в силу знакомства с преступником;
- не способных адекватно оценить преступную ситуацию. К этой группе относятся в большей мере малолетние жертвы и несовершеннолетние с отклонениями в психическом и физическом развитии.

Также к криминалистическим признакам, характеризующим личность потерпевших, следует относить и социально-демографические характеристики, включающие возраст и пол. Анализ изученных уголовных дел позволяет составить следующую возрастную характеристику потерпевших от ненасильственных развратных действий. Так, потерпевшими от указанного вида преступлений в 86,1% случаев были подростки

от 7 до 16 лет, в 13,9% — дети до 7-летнего возраста.

Чаще всего потерпевшими от развратных действий становились девочки — 77% случаев. В отношении мальчиков было совершено 23% преступлений.

Поскольку преступления, предусмотренные ст.135 УК РФ, являются ненасильственными, соответственно способ их совершения будет обладать определенной спецификой. Так, к способам совершения данных преступлений можно отнести психическое воздействие, запугивание, угрозу опозорить в глазах сверстников. Мы соглашались с мнением К.М. Бейсебаева, который считает, что на поведение несовершеннолетних, при вовлечении их в сексуальные отношения и развратные действия, оказывают влияние обещание материальной выгоды, уговоры и просьбы, обман, введение в заблуждение, употребление алкогольных напитков или наркотических веществ. Любое вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность — это процесс общения, по крайней мере, двух лиц — взрослого и несовершеннолетнего [4].

Если говорить о психологическом портрете потерпевшего от развратного действия, то этот ребенок испытывает шок, панику, у него зарождается страх и очень сильное чувство стыда. Ребенок склонен винить себя и брать чужую вину на себя, а педофил еще и усиливает это чувство, перекладывая ответственность на ребенка. Эти дети замыкаются в себе, отдаляются от других, у них часто проявляется раздражительность, плаксивость, чувство недоверия, подозрительность, чувство брошенности, оставленности один на один с такой недетской проблемой. В том случае, когда преступление совершено близким или знакомым, у детей развивается чувство предательства, которое заключается в том, что взрослый, которому доверяли и любили, предал доверие и любовь, чувство чистоты и невинности.

В большинстве случаев у таких детей нарушается чувство самовосприятия и самооценка, процесс мышления в понимании себя, мира, своего места в жизни и своего предназначения. Зачастую у детей от безысходности возникает чувство самоненависти, когда они начинают помышлять о самоубийстве и даже предпринимают попытки к этому.

Все указанные моменты необходимо иметь в виду при расследовании преступлений данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. — М., 1988. — С. 178.

2. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. — М., ЛексЭст, 2003. — С. 229.

3. Богомолова С., Образцов В. «Психологический профиль» на службе полиции США. Записки криминалистов. — М., 1994. — С. 295-296.

4. Бейсебаев К.М., Вилкс А.Я. Вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. — М., 1984. — С. 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Гончаров Денис Александрович. Адъюнкт кафедры криминалистики факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Московский университет МВД России.

Россия, 117437, г.Москва, ул. Академика Волгина, д.12. Тел. (495) 3355100.

Агафонов Владимир Васильевич. Начальник кафедры криминалистики факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров. Кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России.

Россия, 117437, г.Москва, ул. Академика Волгина, д.12. Тел. (495) 3355100.

Goncharov Denis Alexandrovich. A post-graduate of the Criminalistics chair of the faculty of Scientists and Pedagogic Personnel Training.

Moscow Law University of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 117437, Moscow, Academic Volgin str., 12. Tel. (495) 3355100.

Agaphonov Vladimir Vasilyevich. The head of the Criminalistics chair of the Scientists and Pedagogic Personnel Training faculty. Candidate of science of law, assistant professor.

Moscow Law University of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 117437, Moscow, Academic Volgin str., 12. Tel. (495) 3355100.

Ключевые слова: половые преступления; личность преступника и жертвы; типичная информация; круг лиц, сексуальное влечение; педофилия; развратные действия; криминалистический и психологический портреты; криминальная ситуация; ребенок; запугивание; угроза.

Key words: sexual crimes; the personality of a criminal and a victim; typical information; a circle of people; a sexual desire; pedophilia; depraved actions; criminalistics and psychological images; a criminal situation; a child; intimidation; threat.

ББК 67.99 (2)

В.В. Абрамочкин,
кандидат юридических наук,
Брянский филиал Московского универси-
тета МВД России

СТАТЬЯ 17 ФЗ «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУКЦИИ

THE ARTICLE 17 OF FEDERAL LAW «ABOUT OPERATIVE-SEARCH TO ACTIVITY»: DISPUTABLE QUESTIONS TO DESIGNS

Положения ряда нормативно-правовых актов закрепляют гарантии нотариальной деятельности, которые обеспечивают лицам, совершающим нотариальные действия, тайну их совершения. Тем не менее, в ст.17 ФЗ «Об ОРД» среди лиц, с которыми запрещается конфиденциальное сотрудничество по контракту, отсутствуют нотариусы. Дополнение указанной нормы фигурой нотариуса подчеркнет наличие гарантий обеспечения нотариальной тайны при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

The positions of the row normative-legal acts bolt the warranties to notarial activity, which provide to persons, making notarial actions, secret of their completion. However, in article 17 of Federal law «About operative-search to activity» amongst persons, with which is forbidden confidential cooperation on a contract are absent the notaries. Addition of the article by figure of the notary will emphasize presence a warranty ensuring the notarial secret at realization operative-search to activity.

Закрепление на законодательном уровне возможности содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), позволило гражданам реализовать свое право на оказание помощи оперативным подразделениям в решении задач ОРД. Рассматриваемый правовой институт в ОРД разрешил не только предоставлять необходимую информацию, участвовать в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, но и осуществлять данную деятельность при условии сохранения конфиденциальности, в том числе на контрактной основе.

Возможность содействия на законодательном уровне впервые в РФ была закреплена в ст.15 Закона РФ от 13.03.1992г. № 2506-1-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Положения указанной статьи определяли сущность содействия, принципы, условия и ограничения. Ее конструкция была революционной для 1992 года и во многом предопределила дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования ОРД. В частности, в ч.1 ст.15 было сформулирова-

но основополагающее требование к содействию — добровольность. Тем не менее, настоящая работа не является одой законодателю, а обращена исключительно к спорным вопросам данной и последующих норм, регулирующих рассматриваемый вид правоотношений.

Так, законодатель, применяя термин «содействие» в названии статьи, устанавливал в ч.1 дополнительную гарантию такой деятельности, где уже переходил на сотрудничество: «с сохранением по их желанию конфиденциальности сотрудничества с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту». Не акцентируя внимание на анализе терминов «содействие» и «сотрудничество», на которые в последние годы обращалось внимание различных исследователей, констатируем общепризнанное утверждение, согласно которому понятие содействия шире сотрудничества, а сотрудничество предполагает контрактную (договорную) основу. Соответственно вполне уместным был вопрос, почему законодатель не распространял свои гарантии сохранения конфи-

денциальности рассматриваемой деятельности на другие виды негласного содействия, ограничиваясь сотрудничеством. К счастью, данная проблема носила теоретический характер и никаким образом не влияла на организацию работы с конфиденциантами. Однако даже такое незначительное упущение было устранено законодателем в ст.17 Федерального закона от 12.08.1995г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»), который пришел на смену предыдущему. В плане конструкции названная норма в общем виде осталась неизменной, а в ч.1 термин «сотрудничество» заменен на «содействие».

Тем не менее, основная проблема, которая выходила из содержания ст.15 Закона РФ «Об ОРД в РФ» и содержится в ст.17 ФЗ «Об ОРД», касающаяся перечня лиц, с которыми запрещается налаживать конфиденциальное сотрудничество по контракту, осталась неразрешенной. Дело в том, что круг таких лиц, с исчерпывающей полнотой определенных в рассматриваемой норме, по мнению автора, неоправданно сужен.

Действующая редакция ч.3 ст.17 ФЗ «Об ОРД» запрещает заключать контракты с депутатами, судьями, прокурорами, адвокатами, священнослужителями и полномочными представителями официально зарегистрированных религиозных объединений. При этом все перечисленные в законе категории связаны положениями статей 23, 28, 51 Конституции РФ, гарантирующих право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними; свидетельский иммунитет в случаях, определенных законом. Так, депутат, судья, прокурор по роду своей профессиональной деятельности сталкиваются с перечисленными сведениями, кроме этого, указанные должностные лица осуществляют свою деятельность на основе принципа независимости и не могут быть дополнительно стеснены контрактными обязательствами такого рода. При установлении факта подготовки или совершения противоправного деяния нормы ряда законов изначально требуют от прокурора и судьи соответствующего реагирования.

В соответствии с ч.1 ст.8 Федерального закона от 31.05.2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, что полностью оправдывает включение в данный перечень адвокатов. В ч.7 ст.3 Федерального закона от 26.09.1997г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о

религиозных объединениях» говорится о тайне исповеди, которая охраняется законом, что обосновывает включение в перечень священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. При этом нормы указанных законов координируются с положениями ст. 56 УПК РФ и ст. 69 ГПК РФ, которые также удостоверяют свидетельский иммунитет указанных лиц.

Перечисленные категории обоснованно включены в перечень, установленный в ч. 3 ст. 17 ФЗ «Об ОРД», однако существуют и другие лица, чьи профессиональные обязанности не позволяют осуществлять сотрудничество на контрактной основе. Законодатель ни в 1992 и в 1995, ни при внесении изменений и дополнений в ФЗ «Об ОРД» в 1997—2008 годах, которых на сегодняшний день 16, не учитывает существование гарантий нотариальной деятельности, которые обеспечивают лицам, совершающим нотариальные действия, тайну их совершения.

В соответствии с п. 4 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденных Указом Президента РФ от 06.03.1997г. № 188, конфиденциальными признаются сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами (нотариальная, адвокатская тайна и т.д.). В ст.1123 ГК РФ определяются правовые гарантии тайны завещания, которые обязывают нотариуса до открытия наследства не разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его совершения, изменения или отмены.

Основы законодательства РФ о нотариате (далее — Основы) в статьях 5, 16, 28, 50 содержат положения, обеспечивающие сохранность нотариальной тайны. В частности, нотариус обязан хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности. Причем, как справедливо замечает О.М. Сычев [1], нотариальная тайна возникает в силу закона, вне зависимости от волеизъявления конкретных субъектов по поводу ее охраны и распространяется на любые сведения, ставшие известными нотариусу, например о личной жизни обратившегося гражданина и членах его семьи, о составе его имущества, предполагаемых действиях и т.д., представленные нотариусу в устной или письменной форме. Анализ Основ позволяет предположить, что в понятие нотариальной тайны входят сведения, зарегистрированные в реестре при совершении нотариальных действий и содержащиеся в нотариально оформленных документах, а также иная информация, полученная нотариусом в процессе оказания юридической помощи по вопросам совершения нотариальных действий.

Возможность выдачи такой информации, в частности выписок из реестра, законодатель отдельно оговаривает в ч. 2 ст. 50 Основ, где содержатся два обязательных условия: письменная форма (наличие письменного заявления) и ограничен-

ный круг субъектов, которым может быть выдана такая информация (организации и лица, указанные в ч. 3 и ч. 4 ст. 5 и в ст. 28 Основ). Такими субъектами являются лица, от имени или по поручению которых совершены нотариальные действия; суд, прокуратура, органы следствия по находящимся в их производстве уголовным, гражданским или административным делам, судебные приставы-исполнители по находящимся в их производстве материалам; налоговые органы (справки о стоимости имущества, переходящего в собственность граждан); нотариальная палата при проверке финансово-хозяйственной деятельности. В свою очередь, несоблюдение указанных условий влечет разглашение сведений, составляющих нотариальную тайну, сохранность которой обеспечивается механизмом ответственности за ее разглашение.

В зависимости от характера нанесенного ущерба частный нотариус может быть привлечен к различным видам ответственности. В соответствии с ч.1 ст.17 Основ нотариус, занимающийся частной практикой, за разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях несет полную материальную ответственность. Возмещение вреда осуществляется за счет страхового возмещения по заключенному договору страхования гражданской ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой, а при его недостаточности — за счет имущества такого нотариуса в пределах разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба. При этом нотариус одновременно привлекается к административной (ст. 13.14 КоАП РФ) или уголовной (ст. 202 УК РФ) ответственности.

Таким образом, запрет на конфиденциальное сотрудничество нотариусов по контракту вытекает из совокупности положений, рассмотренных в работе нормативно-правовых актов. Учитывая возможную ответственность, нотариусы не заключают подобных контрактов, хотя и

не включены в категорию лиц, перечисленных в ч. 3 ст.17 ФЗ «Об ОРД». Тем не менее дополнение указанной нормы фигурой нотариуса, по мнению автора, еще раз подчеркнет соблюдение гарантий обеспечения нотариальной тайны. Переходя на сферу уголовного судопроизводства, следует отметить, что ряд исследователей высказываются и за дополнение уголовно-процессуального закона (ст. 56 УПК РФ) в отношении нотариусов. Аналогичным образом, аргументируя свои мнения, Г.И. Загорский [2] и О.М. Сычев [3] приходят к выводу о возможности распространения на нотариусов свидетельского иммунитета.

В завершение представляется необходимым подчеркнуть, что дополнение редакции ч. 3 ст.17 ФЗ «Об ОРД» нотариусами вовсе не означает, что оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, не смогут налаживать с ними содействие, в том числе конфиденциальное, на бесконтрактной основе. Данное утверждение основывается не только на анализе положений ФЗ «Об ОРД», но и на собственном опыте работы автора в оперативных подразделениях ОВД, где неоднократно приходилось взаимодействовать с нотариусами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сычев О.М. Институт нотариальной тайны не отменен! // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — №7. — С.97—101.
2. Сычев О.М. Выемка нотариальных документов и допрос нотариуса // Нотариальный вестник. — 2010. — №1.
3. Загорский Г.И. Несоответствие норм УПК РФ нормам иных отраслей права необходимо устранить // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — С.39—40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Абрамочкин Виктор Вячеславович. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Кандидат юридических наук.

Брянский филиал Московского университета МВД России.
Россия, 241050, г. Брянск-2, пер. Советский, 2а. Тел. (4832)740-865.

Abramochkin Victor Vyacheslavovich. Senior lecturer of chair of Criminal Process and Criminalistics. Candidate of juridical sciences.

Bryansk branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
Work address: Russia, 241050, Bryansk 2, Soviet lane, 2a. Tel. (4832)740-865.

Ключевые слова к статье: оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное сотрудничество по контракту; нотариальная тайна; нотариус.

Key words: operative-search to activity; confidential cooperation on a contract; notarial secret; notary.

УДК 343.102

А.Д. Ульянов,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

А.В. Жаглин,
кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

CONTENTS OF GOVERNANCE ARRANGEMENTS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Рассматривается сущность механизма управления в органах внутренних дел. Анализируются составляющие его компоненты.

The article deals with the essence of management mechanism in the internal affairs bodies. Its components are analyzed.

Понятие «механизм управления» применяется практически во всех сферах жизнедеятельности общества и характерен для всех областей человеческой деятельности: военной, технической, экономической и социальной, правоохранительной. При этом убедительно доказано, что механизм управления не придуман людьми, а сформировался в процессе эволюции живой природы [1]. Употребление данного термина в области общественных отношений, как правило, связано с осуществлением какого-либо явления, деятельности, отношений [2].

Под **механизмом управления** понимается *внутреннее устройство, совокупность состояний и процессов, из которых складывается управление как явление социальной жизни* [3]. Такое определение данного понятия выводит его на приоритетное место в системе категорий науки управления. Механизм является производной категорией по отношению к управлению в целом как социальному явлению и служит средством выражения его осуществления. (Следует отметить, что не все специалисты в области социального управления едино-

душны в определении сущностного содержания термина «механизм управления». Как отмечает В.Ф. Сухарев, авторы касаются понятия «механизм» лишь в том объеме, который требуется для их конкретного исследования [4]. Однако мы полагаем, что данная трактовка в наибольшей степени позволяет рассматривать эту категорию в прикладном аспекте, и прежде всего в плане реализации).

Сущность данного понятия состоит в том, что оно интегрирует основные элементы управления, позволяет раскрыть их взаимозависимость и порядок реализации. Можно сказать, что механизм является связующим звеном между теорией управления и практикой. Поэтому в качестве компонентов механизма управления целесообразно рассматривать **цель, задачи, функции, структуру, методы, принципы, процесс, систему управления и управленческие отношения**. Названные компоненты механизма управления взяты не произвольно, а потому что в соответствии с системным подходом отражают всю совокупность состояний и процессов, составляющих управление как социальное явление. Механизм управления проявляется по-

средством управленческих отношений (взаимосвязей, возникающих в ходе управленческой деятельности), исходящих из четко поставленной цели, связанных с ней задач, функций, составляющих содержание системы управления и реализуемых в порядке, определенном процессом управления в рамках соответствующего структурного построения путем использования соответствующих методов на основе принципов управления.

В данной формуле отражается сущность механизма управления. Его компоненты не просто перечисляются, а показан порядок их реализации. Ценность такой схемы заключена в том, что упорядоченное перечисление компонентов с указанием их служебных функций и взаимообусловленности позволяет в значительной мере формализовать управление и в дальнейшем даже построить его алгоритм, являющийся схематичным отражением механизма управления. *Алгоритм управления* представляет собой *систему процедур, выполнение которых в соответствии с необходимыми правилами обеспечивает достижение цели управления*. В нем в достаточно формализованном виде концентрируется механизм управления (управление как феноменальное социальное явление, естественно, не может быть полностью формализовано, а потому недопустимо вести речь о каком-то абстрактном алгоритме управления, напротив, он должен быть прикладным, разрабатываться путем проведения специальных научно-прикладных исследований для конкретного уровня, конкретного звена управления и служить для повышения эффективности).

Рассмотрим сущностные характеристики указанных выше компонентов механизма управления.

Важнейшим свойством социального управления является его **цель**, т.е. *будущий желаемый результат, который должен быть получен после осуществления действий управления* [5]. Стремление к достижению определенных целей представляет основной признак социальных систем. Цель всегда выступает как единство мотивов, средств и результатов. Она вытекает из анализа потребностей практики (реальной деятельности), а не из формальных построений теории, т.е. должна рассматриваться не как нечто predetermined, а как результат глубокого изучения проблемной ситуации.

В качестве примера важности четкого определения целей приведем выдержку из дискуссии, развернувшейся на научно-практической конференции по проблемам борьбы с преступностью: в чем смысл деятельности правоохранительных органов? Авторы присоединяются к мнению А.С. Овчинского, который отмечает, что основополагающие цели должны состоять не в борьбе с преступностью, не в противодействии ей и даже не в таком входящем в моду в последнее время термине, как

контроль над преступностью. Основные усилия должны быть сосредоточены на создании системы защищенности интересов граждан, общества и государства. Обосновывая свой тезис, названный исследователь утверждает, что если человек уверен, что всегда может получить помощь от сотрудника милиции, если он знает, что ущерб от преступной деятельности будет скоро компенсирован, а обидчик понесет наказание, то ему не так уж и важно, сколько в стране совершается преступлений и каков процент раскрываемости. Если при этом средства массовой информации не будут запугивать своих граждан и выставлять органы правопорядка в самом неприглядном виде и если общество не будет сотрясаться от криминальных разборок, а государство не будет раздираться сепаратистскими движениями и межнациональными конфликтами, приносящими баснословные прибыли как транснациональным преступным сообществам, так и коррумпированным чиновникам разных мастей, то сам по себе уровень преступности не так уж и важен, тем более что с данными правоохранительных органов он коррелирован весьма условно. Что же тогда важно? Достижение состояния защищенности интересов граждан, общества и государства от внутреннего и внешнего криминалитета, которые в условиях развивающейся глобализации действительно представляют реальную угрозу не только национальным интересам отдельных государств, но и цивилизации в целом [6].

Цели управления различаются в зависимости от уровней его осуществления, поскольку с точки зрения субъекта — это максимально эффективное достижение результата объектом, а с точки зрения объекта — это желаемый результат его функционирования, полученный путем решения поставленных руководством задач.

В управлении принято различать два вида целей: **стратегические** (отдаленные), *направленные на какой-либо более общий, социально значимый конечный результат*, и **тактические** (более близкие во времени), *решение которых позволит постепенно приблизиться к основной стратегической цели*.

Понятие цели связано с понятием **задачи**, под которой понимается *постановка конкретных вопросов, подлежащих решению и последовательно приводящих к достижению основной цели* [5. — С. 203]. Задачи не могут быть определены раньше, чем будут поставлены основные цели. Именно на базе основополагающих целей ставятся более частные, детальные, оперативные задачи. Когда же управляемая подсистема начинает решать частные задачи без общей стратегической цели, она действует вслепую, путем «проб и ошибок».

Достижение задач управления происходит при реализации таких его общих функций, как

информационная, аналитическая, прогностическая, планирующая, организационная, регулирующая и контрольная.

Понятие «**функция**», означающее конкретные направления деятельности, используется достаточно широко и часто [7]. Но, управление может быть рассмотрено и с точки зрения слагаемых этой деятельности. В этом случае уже говорят о функциях управления, под которыми понимают относительно самостоятельные виды управленческой деятельности, без которых невозможно ее осуществление в любой области.

Функции управления можно подразделить на следующие две группы: а) познавательно-программирующие, к ним относятся информационная, аналитическая, прогнозирование и планирование; б) организационно-регулирующие, к которым относятся организация, контроль и регулирование [8].

Познавательно-программирующие функции обеспечивают обоснование и выбор целей, путей и средств их достижения, а потому наиболее тесно связаны с информационно-аналитической работой, на рассмотрении которой остановимся более подробно.

Как известно, управление начинается и заканчивается работой с информацией. Под информацией в общем виде понимаются «сведения, данные [5. — С. 151], снимающие неопределенность с какого-либо вопроса, связанного с познанием реального процесса» [9]. Наиболее важной содержательной характеристикой процесса управления, управленческого цикла является работа с информацией — ее поиск, сбор, накопление, систематизация, оценка и перераспределение, при этом исходная, осведомительная информация превращается в информацию командную. Этот процесс и представляет собой информационную работу, осуществляемую всеми субъектами управления. Она включает в себя: а) слежение за ходом функционирования и развития объекта управления, регистрацию значения заданных параметров и отклонений от их запрограммированных значений; б) сбор первичной информации, характеризующей состояние объекта управления, и подготовку ее к переработке; в) переработку информации в соответствии с заданной программой управления; г) распределение информации между звеньями и персоналом органа управления в зависимости от выполняемых ими функций; д) обеспечение органа управления переработанной информацией, необходимой для принятия решений, формирования управленческих команд; е) обеспечение прямых и обратных связей между субъектом (органом) и объектом управления; ж) хранение и поиск информации длительного пользования, выдачу ее

по первому требованию потребителей; з) осуществление передачи информации от субъекта к объекту управления и обратно, а также между различными звеньями субъекта и объекта управления; и) обеспечение информационного взаимодействия данной системы в целом (в единстве субъекта и объекта управления) с другими системами (по горизонтали) и вышестоящими органами (субъектами) управления (по вертикали).

Собранная информация обрабатывается, обобщается, с ее помощью выявляются определенные тенденции, связи между переменными (событиями и фактами), имевшими место в системе, за ее пределами, делаются соответствующие выводы, формулируются предложения, рекомендации [10]. Одним словом, собранная информация анализируется. В управленческой практике органов и подразделений внутренних дел даже существует термин «аналитическая работа», подразумевающий познавательную, исследовательскую деятельность, необходимую при изучении и оценке оперативной обстановки, подготовке и реализации управленческих решений в области борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Однако данная дефиниция имеет определенную условность, поскольку аналитическая деятельность, осуществляемая в органах и подразделениях внутренних дел при реализации всего комплекса стоящих перед ними задач, как и всякая исследовательская деятельность, предполагает использование методов анализа и синтеза. В связи с этим, рассматривая сущность и содержание аналитической деятельности, целесообразно выделить различие следующих понятий: а) анализа как одного из приемов мыслительной познавательной деятельности человека (наряду с такими методами, как дедукция, синтез и т.д.); б) анализа как обособившейся функции управления, прикладной исследовательской деятельности, реализуемой органами и подразделениями внутренних дел.

Важно отметить, что аналитическая деятельность в управленческой практике — это не просто средство или метод познания и понимания оперативной обстановки, управленческой ситуации, но одновременно и подход к их изменению, перевод деятельности органов и подразделений на качественно более высокий уровень. Поэтому, без преувеличения можно утверждать, что реализация аналитической функции — это ключ к решению проблем эффективности борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Она выступает важным инструментом повышения организационного уровня управления правоохранительной деятельностью органов и подразделений внутренних дел. Следова-

тельно, аналитическая деятельность является активной преобразующей силой.

Таким образом, *аналитическая работа (анализ)* — особый вид творческой, познавательной деятельности научно-исследовательского характера, осуществляемый практическими органами в целях обеспечения выработки оптимальных управленческих решений.

Прогнозирование — разновидность управленческой деятельности, заключающаяся в получении информации о конечном результате работы системы в будущем, построении образа цели и способов, необходимых для ее достижения. Использование прогностических выводов позволяет оказывать воздействие на будущее развитие процессов и объектов в желаемом для общества направлении. Исходя из временного фактора, прогнозы подразделяются на оперативные (до месяца), краткосрочные (до 1 года), среднесрочные (от 1 года до 5 лет), долгосрочные (от 5 до 15 лет). Для подготовки прогнозов необходимо информационное обеспечение, использование различных научных методов, проведение необходимых расчетов и др.

Планирование — функция управления, которая предполагает разработку решения о том, каковы должны быть конкретные результаты, их исполнители, этапы исполнения, пути и средства их достижения и выполнения. Планирование является одним из наиболее сложных и трудоемких видов интеллектуальной деятельности [11]. Разновидностью управленческого решения, принятого заранее, до начала действий, является *план*, представляющий в специфической форме совокупность взаимосвязанных отдельных решений с четким определением календарных сроков выполнения намеченных мероприятий. Выработка и принятие плана осуществляется в установленной процедуре. Разрабатываются текущие, специальные планы, планы индивидуально-воспитательной работы, тематические планы проведения занятий в системе профессиональной подготовки, личные планы работы на день, месяц, планы вхождения в должность.

Организационно-регулирующие функции связаны с деятельностью по непосредственному воздействию на объекты управления для достижения поставленных целей и планируемых результатов. Можно выделить следующие задачи, решаемые в ходе реализации функции *организации*: а) создание социальных систем, формирование их функциональной и организационной структур; б) правовое закрепление целей системы, структуры подразделений, предоставляемых полномочий и т.д.; в) ресурсное обеспечение: материально-техническое, финансовое, информационное, кадровое и др.; г) упорядочение про-

цессов управления в созданной или действующей системе; г) организационное обеспечение других функций, стадий и этапов управления; д) разработка и внедрение в практику различных оценочных систем; е) организация труда работников служб и подразделений [12].

Регулирование представляет собой функцию управления, обеспечивающую постоянное поддержание системы в заданном состоянии, ее способность оперативно реагировать на изменение не только внутренних, но и внешних условий функционирования. Эта функция обеспечивает внесение необходимых корректив в процессе повседневной, так называемой оперативно-распорядительной деятельности субъектов управления.

Контроль как функция управления представляет собой деятельность по наблюдению за функционированием системы, проверке ее соответствия заданным требованиям и выявлению отклонений. Контроль в управлении можно рассматривать как а) систематическую деятельность руководителей и органов управления, реализующих одну из основных функций управления; б) завершающую стадию его цикла, сердцевинной которой является механизм обратных связей; в) как совокупность действий должностных лиц, неотъемлемую часть процесса принятия и реализации управленческих решений.

Следует отличать *функции управления*, о которых речь шла выше, от *функций системы* (органов внутренних дел), каждая из которых образуется для выполнения определенных задач, например борьбы с преступностью и обеспечения охраны общественного порядка и безопасности. Функции, для выполнения которых создается та или иная организация, принято называть *основными*. Для выполнения основных функций необходимо выполнение функций управления, в частности — информационная, анализа, планирования, организации, включая кадровое, информационное, материально-техническое и иное обеспечение, регулирования, контроля. Эти функции выполняются как собственно руководством органа, так и специальными аппаратами, группами, должностными лицами (секретариат, помощник руководителя и т.д.). Эти функции в отличие от основных называют *обеспечивающими*, что соответствует их назначению, так как их выполнение не самоцель, а средство обеспечения основных функций. Таким образом, когда говорят о функциях той или иной организации, то различают ее основные и обеспечивающие функции. Когда же говорят о функциях управления, то имеются в виду относительно самостоятельные составляющие его виды деятельности как таковые. Деление же функций на основные и обеспечива-

ющие правомерно лишь при их рассмотрении применительно к конкретной организации.

В механизме управления важным компонентом является **структура**. Структура определяется как «*строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами*» [7. — С. 744; 13]. Структура любой социальной системы находится в прямой зависимости от ее функций. Более того, в научной литературе подчеркивается, что иное построение (задачи→функции→структура) становится в конечном счете произволом, грубым нарушением основных постулатов теории управления. Структуру того или иного объекта можно рассматривать как а) определенный тип сочетания его отдельных частей; б) упорядоченную совокупность связей между ними. Однако часто она рассматривается по принципу «или-или», что является ошибочным подходом, поскольку речь идет лишь о двух сторонах одной и той же медали, хотя и относительно самостоятельных.

Эффективность функционирования каждой организации зависит от согласованности действий подсистем, соблюдения ими общих принципов и требований. Связующим и координирующим звеном системы выступает ее организационная подсистема. Именно с ее помощью достигается объединение всех компонентов, обеспечивается взаимодействие между элементами, т.е. целостность системы. Структура данной подсистемы и понимается как *организационная структура* [14], элементами которой выступают должности и связи между ними.

Совершенствование организационных структур, наиболее целесообразная расстановка сотрудников в целях решения служебных задач реализуются посредством *организационно-штатной работы*, представляющей собой один из видов управленческой деятельности, направленный на рациональную и эффективную расстановку, использование персонала организации и средств для выполнения возложенных на них задач и функций.

Следующий компонент механизма управления — **процесс управления** — комплекс обеспечивающих достижение целей управления и осуществляемых в определенном порядке управленческих действий [15]. Он носит циклический характер и состоит из следующих стадий: выявление проблемных ситуаций; выдвижение соответствующих им гипотез; определение значимых для анализа проблем; оперирование информацией (сбор, обработка, анализ, оценка); подготовка и принятие управленческих решений; организация исполнения управленческих решений; учет, контроль и проверка исполнения; корректирование управленческих решений.

Реализация функций управления осуществляется под воздействием соответствующих им методов. Под **методами управления** понимаются *способы организующего воздействия субъекта на объект управления, с помощью которых достигаются стоящие перед системой цели* [7. — С. 481].

В соответствии с принятым делением функций управления на познавательно-программирующие и организационно-регулирующие методы управления подразделяются на две соответствующие группы: а) *познавательно-программирующие методы (методы познания)*, применяемые в процессе управления на стадии обоснования и выработки управленческих решений; б) *организационно-регулирующие (методы воздействия)*, используемые на стадии организации исполнения этих решений, в процессе непосредственного воздействия на управляемые объекты [16].

К *первой группе* относятся все методы, с помощью которых изучаются: поведение объектов правоохранительной деятельности; сфера их функционирования; различные аспекты управления. Сюда включаются методы прогнозирования (экстраполяции, моделирования, экспертных оценок), методы планирования (выявление проблемных ситуаций и анализ проблемных ситуаций), методы оптимизации управленческих решений (исследование операций, теория массового обслуживания и др.). Применительно к стадии обоснования и выработки управленческих решений можно говорить о частных методах, специально разработанных для выполнения специфических познавательно-программирующих задач (анализа, прогнозирования и т.д.).

К *второй группе* методов в специальной литературе принято относить два универсальных способа воздействия на людей: *убеждение и принуждение*. По другому основанию эти методы подразделяются на *способы прямого воздействия*, основывающиеся на преимущественно властных, командных началах управления, и *способы косвенного воздействия*, для которых характерно создание определенных условий, стимулирующих соответствующее желаемое поведение управляемых. Методы воздействия в социальном управлении делят также на *административные* (организационно-распорядительные), *экономические* и *социально-психологические*.

В управлении административный метод реализуется в разнообразных **формах**. Под *формой управления* понимается *внешне выраженное действие субъекта управления (должностного лица), осуществленное в рамках его компетенции и вызывающее определенные последствия* [17]. Их принято делить на *правовые* и *организационные*. Правовой считается деятельность, которая непосредственно влечет определенные правовые по-

следствия и осуществляется на основе довольно полного юридического оформления. К *правовым* относятся различные акты управления (директивные указания, планы работы, нормативные документы, распоряжения и т.д.). Организационные действия — это важнейшая и наиболее объемная часть руководящей деятельности субъекта управления. К *организационным* относятся формы деятельности, выражающиеся не в юридически значимых актах управления, а в непосредственно организационных действиях, таких как инструктирование, проведение совещаний и др.

Связи между субъектами и объектами управления осуществляются с помощью особого рода общественных отношений, возникающих в процессе управления и называемых **управленческими отношениями**. *Отношения управления* — это те общественные отношения, которые порождаются особой деятельностью, сводимой к оказанию управленческого воздействия. По своему содержанию данные отношения являются организационными. Через них формируются социальные системы управления, обеспечивается их целенаправленное и упорядоченное функционирование. Управленческие отношения, как правило, закрепляются соответствующими правовыми нормами, устанавливающими компетенцию субъектов управления, организационную структуру объектов управления, функциональные обязанности должностных лиц. К свойствам управленческих отношений относятся а) *властность*; б) *объективная обусловленность*; в) *субъективная обусловленность*.

Различают следующие *виды управленческих отношений*:

1. Отношения субординации, выражающие подчиненность одного субъекта другому в процессе управления единым объектом. Они основаны на правилах служебной дисциплины и вытекают из наличия иерархии субъектов управления. В чистом виде отношения *линейной субординации* полностью вписываются в схему «руководитель — подчиненный». Отношения *функциональной субординации* охватывают отношения неполного подчинения, когда субъект управления делегирует часть своих полномочий по управлению относительно автономными направлениями деятельности своим специалистам. В реальной жизни самым распространенным видом отношений субординации является *комплексная субординация*, так как функциональная субординация не может существовать как самостоятельная система, а линейная встречается довольно редко в малых простых системах, где руководитель непосредственно связан с исполнителями.

2. *Отношения координации*. Они возникают между субъектами управления, в случаях осуществления горизонтального упорядочения, ко-

гда стороны, части и элементы взаимодействия нескольких общностей (подразделений) характеризуются тождественностью, равновеликостью [10. — С. 404]. По существу, координация — это упорядочение частей элементов системы, обеспечивающее согласование их деятельности в процессе решения соответствующих задач. Равновесие между ними поддерживается равными возможностями и равными воздействиями. Важно подчеркнуть существенные различия между такими понятиями, как «координация» и «взаимодействие». При *координации* согласованность достигается властными полномочиями субъекта управления, тогда как при *взаимодействии* она достигается за счет договоренности равных по своему положению партнеров.

Краткий анализ важнейших компонентов механизма социального управления приводит нас к необходимости рассмотрения основных правил, определяющих построение и функционирование всей системы управления. Речь идет о **принципах** — *постулатах, важнейших требованиях, соблюдение которых обеспечивает эффективность управления* [18]. При осмыслении принципов управления важное методологическое значение имеет учет диалектического взаимодействия общего и частного.

К *общим принципам социального управления* можно отнести следующие: а) *принцип научной обоснованности управления* (научный подход к управлению требует сплошного, комплексного изучения всей совокупности факторов, влияющих на социальную систему, с последующим применением научных знаний в практике управления); б) *принцип системного подхода* к решению управленческих задач (системный подход требует, чтобы любая организация рассматривалась как совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых и постоянно взаимодействующих друг с другом элементов, таких как люди, структура, функции, задачи и технологии, которые ориентированы на достижение различных целей); в) *принцип оптимальности управления* (устанавливает требование достижения целей управления с минимальными затратами времени и средств); г) *принцип гибкости управления* (его практическая реализация позволяет обеспечить своевременную адаптацию любой социальной системы к изменяющимся условиям внешней среды или ее быструю перестройку в соответствии с новыми целями функционирования); д) *принцип демократизации управления* (содержит требование об удовлетворении интересов работников, сотрудников, всего коллектива любой организации на справедливой основе).

К *частным принципам управления*, относящимся к отдельным элементам системы управле-

ния, можно отнести а) *принципы приоритета* (они образуют целую группу правил, требований, касающихся отдельных сторон управления — приоритета цели, структур над функциями в действующих организациях, субъекта управления над объектом управления в создающихся организациях, объекта управления над субъектом для действующих организаций [19]); б) *принципы соответствия* (в частности, соответствие поставленной цели выделенным ресурсам; соответствие распорядительства и подчинения; соответствие экономичности и результативности; оптимальное сочетание централизации и децентрализации управления).

Очевидно, что принципы субъективны по своей природе. Они формулируются людьми на основе познания закономерностей и опыта предметной деятельности, а потому не исчерпываются перечисленными выше. Они развиваются, совершенствуются, конкретизируются. Вся их система никогда не может быть завершена в силу непрерывного процесса познания жизни со всеми ее противоречиями, интересами, целями. Напротив, она всегда остается открытой для дополнений, изменений, основанных на новом опыте управления [20]. Соблюдение указанных требований способствует достижению целей функционирования и решению поставленных задач.

В заключение важно отметить, что совершенствование механизма управления — огромный и еще мало востребованный резерв повышения эффективности деятельности любых социальных систем, в том числе органов внутренних дел, а качество управления, в конечном счете, определяется организационными, оперативными и стратегическими решениями. Именно они становятся «продуктом труда» руководителя в силу того, что решения и их последствия затрагивают многих людей и могут сохранять силу воздействия на продолжительный промежуток времени.

В этой связи анализ концептуальных вопросов теории и практики социального управления, его понятийного аппарата приводит к выводу о том, что эта наука является достаточно сложной, однако совершенно необходимой для целенаправленной деятельности. Происходящие же в настоящее время социально-политические процессы в нашей стране дают богатый материал для переосмысления узловых вопросов современности, нуждаются в глубокой теоретической проработке. И чем глубже проникает человеческий разум в познание объективного хода истории, тем успешнее он может управлять социальными процессами в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные тенденции в управлении: учебное пособие: в 3 кн. Кн.1 /под ред. Г.И. Ан-

дреева, В.А. Тихомирова. — М.: Финансы и статистика, 2005. — С.11, 13.

2. Граждан В.Д. Социология управления: учебник. — М.: КНОКУС, 2008. — С. 205.

3. Рыкунов В.И. Основы управления: монография — М.: Изограф, 2000. — С. 29.

4. Сухарев В.Ф. Организационный механизм органов внутренних дел: лекция. — М.: Академия управления МВД России, 2003. — С. 9.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. — М.: Азбуковик, 1997. — С. 873.

6. Овчинский А.С. Проблемы эффективности борьбы с преступностью в России / Материалы научно-практической конференции // Государство и право. — 2003. — № 10. — С. 83.

7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2007. — С. 850.

8. Яськов Е.Ф. Проблемы развития теории и практики управления в сфере правопорядка. — М.: Академия МВД РФ, 1992. — С. 20.

9. Четвериков В.С., Четвериков В.В. Основы управления в органах внутренних дел: учебное пособие. — М., 1997. — С. 48.

10. Граждан В.Д. Теория управления: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2004. — С. 396.

11. Акофф Р. Акофф о менеджменте / пер. с англ.; под ред. Л.А. Волковой. — СПб.: Питер, 2002. — С. 128—129.

12. Керженцев П.М. Принципы организации. — М.: Экономика, 1968. — С. 35.

13. Теория управления: учебник / под ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухина. — М.: Изд-во РАГС, 2004. — С. 135.

14. Уткин А.Э. Курс менеджмента: учебник для вузов. — М.: Зерцало, 1998. — С. 39.

15. Управление организацией: учебник / под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Соломатина. — М., 2007. — С. 48.

16. Яськов Е.Ф. Проблемы развития теории и практики управления в сфере правопорядка. — М.: Академия МВД РФ, 1992. — С. 65, 66.

17. Административное право: учебное пособие /под ред. А.Д. Ульянова, А.З. Гасанова. — Новогорск: АГЗ МЧС России, 2003. — С. 84.

18. Баранников А.Ф. Теория организации: учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — С. 166.

19. Мирошниченко В.М. Организация управления и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. — М.: Экзамен, 2002. — С. 111, 112.

20. Смольков В.Г. Принципы управления и их классификация // Истоки российского менеджмента. — М.: ЛУЧ, 1997. — С. 45, 46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЬИ:

Ульянов Александр Данилович. Доцент кафедры управления органами внутренних дел. Кандидат юридических наук, доцент.

Академия управления МВД России.

Россия, 125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8. Тел. (499) 150-28-89.

Ulyanov Alexander Danilovich. Assistant professor of the chair of Governance of Bodies of Internal affairs. Candidate of juridical sciences, assistant professor.

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia.

Russia, 125171, Moscow, Z. and A. Kosmodemyansk str., 8. Tel. (499) 150-28-89.

Жаглин Андрей Вячеславович. Старший преподаватель кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 312-651.

Zhaglin Andrey Vyacheslavovich. Senior lecturer in Civil, Labor and Financial Law chair. Candidate of law sciences, assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 312-651.

Ключевые слова к статье: аналитическая работа; задача; метод; механизм управления; организационная структура; планирование; принцип; управление; функция; цель.

Key words: analytical work; task; method; mechanisms of governance; organizational structure; planning; principle; control; function; purpose.

УДК 34.07; 347.96

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Всероссийская научно-практическая конференция «Государство, право и общество в XXI веке»: Сборник материалов. — Липецк: Липецкий филиал Воронежского института МВД России, 2009. — 245 с.

В сборнике содержатся материалы, представленные на Всероссийской научно-практической конференции «Государство, право и общество в XXI веке», состоявшейся в Липецком филиале Воронежского института МВД России 11 декабря 2009 г. Издание представляет интерес для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов образовательных учреждений МВД России и сотрудников правоохранительных органов.

Н.П. Заряева

К ВОПРОСУ О ВИДАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

ABOUT SPECIES OF ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEDURE: SPECULATIVE PRE- CONOLITION AND PRACTICAL RELEVANS

На основе анализа гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального законодательства и судебной практики выявляются проблемы разграничения административного судопроизводства по делам об административных правонарушениях и административного судопроизводства по спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

In an entry on basis of case system of civil procedure, arbitration procedure legal system and judiciary law showing up proposition of differentiation administrative legal procedure on business of administrative legal wrongs and administrative adversary proceeding to incipient ex administrative and different public legal relationship.

Административное судопроизводство представляет собой достаточно непростую, лишенную единого и целостного понимания правовую категорию. Очевидно, что многие авторы, детально изучающие проблему административного судопроизводства, развивают идею о разграничении видов правосудия по административным делам. Несомненно, основанием для выделения разновидностей административного судопроизводства служит отсутствие единого нормативно-правового регулирования и двусмысленность высших судебных инстанций в толковании законодательства об административном правосудии.

В современной правовой науке сформировались два основополагающих направления к пониманию административного судопроизводства и его места в системе форм осуществления правосудия. В одних случаях административное судопроизводство рассматривается как вид гражданского судопроизводства [1]. При этом дела, возникающие из административно-правовых

отношений, естественно, определяются как гражданские дела.

В других случаях — как самостоятельная форма правосудия, представляющая собой деятельность суда по рассмотрению и разрешению административных дел [2]. При этом, как было рассмотрено выше, одни авторы под административными делами понимают только дела, возникающие из публично-правовых отношений [3—7], другие — также дела об административных правонарушениях [8—11].

Действительно, на сегодняшний день большинство административных дел рассматриваются в гражданской процессуальной форме. Справляется ли гражданская процессуальная форма с этой задачей? До недавнего времени количество, сложность, типология публично-правовых споров позволяли гражданско-процессуальной форме успешно их разрешать. По крайней мере, она удовлетворяла запросы и граждан, и юридической практики. С изменением конституционных

основ, важнейших параметров правовой системы, дифференциацией публично-правовых и частноправовых элементов, усложнением структуры публичной власти гражданско-процессуальная форма перестала отвечать задачам, стоящим перед административной юстицией.

Так, современное гражданское процессуальное законодательство устанавливает возможность неискового характера гражданского судопроизводства, предполагающего отсутствие спора, в связи с чем гражданский процесс вообще не склонен считать, что суду следует разрешать какой-либо спор. А при отсутствии спора нет необходимости выяснять действительные интересы сторон, мотивы поведения участников процесса до того, как дело попало в суд, устанавливать их действительные права, обязанности и полномочия, то есть разрешать административное дело по существу. Такая теоретическая позиция, поддерживаемая высшими судебными инстанциями, уже давно расходится с реальной судебной практикой. Можно согласиться с тем, что в таких делах не должно быть спора о праве гражданском, но они, безусловно, связаны со спором о субъективном публичном праве, со спором о государственно-властном полномочии как элементе правосубъектности одной из сторон процесса.

Также гражданско-процессуальная форма не позволяет учесть сложность публичного администрирования, его принципы и механизмы. Она унифицирует требования граждан к государственной администрации — признать недействительным решения или действия, восстановить нарушенное право, не указывая, какие способы и средства при этом могут быть использованы. То есть унификация и упрощение процессуальной формы противостоят сложному, многообразному, иерархичному механизму публичной исполнительной деятельности.

Вместе с тем, по мнению С.Д. Хазанова, судебное решение, принятое в рамках режима гражданского процессуального права, отличается недостаточной мотивированностью и концептуальностью с точки зрения «нетрадиционного» источника административного права [12].

Судебный акт, разрешающий административно-правовой спор, должен восприниматься не как изолированный правоприменительный акт, решающий конкретную управленческую ситуацию, а как определенная правовая позиция судебной власти по отношению к определенной управленческой позиции государственной администрации. По сути дела, решения по административным делам должны выступать в виде своеобразных «правовых бугров», обозначающих публичной администрации безопасное «для пла-

вания» место. Речь идет о том, что эти решения должны учитываться администрацией в последующем при разрешении той или иной управленческой ситуации. Из судебной административной практики доктрина обязана вывести определенный «правовой вектор», показывающий администрации юридическую логику разрешения тех или иных управленческих ситуаций [13].

Убедительны исследования проблем дуализма законодательного регулирования административного судопроизводства в работе Ю.В. Святохиной. В частности, автором выявлены и сформулированы три основные теоретические посылки, преодоление которых позволит унифицировать категорию «административное судопроизводство». Так, основными положениями теории, порождающими дуализм в определении административного судопроизводства, являются:

объединение в понятии «административная юстиция» деятельности судов и квазисудебных органов по рассмотрению жалоб, направляемых в суды, и административных жалоб;

объединение в понятии «административное судопроизводство» деятельности судов по разрешению административно-правовых споров и конфликтов — споров о нарушении субъективных публичных прав и дел об административных правонарушениях;

обоснование отсутствия необходимости в формировании самостоятельной системы административных судов и сохранение (формирование) коллегий по административным делам в функционирующих в РФ судах общей юрисдикции и арбитражных судах [14].

Наличие разноречивого понимания административного судопроизводства объясняется тем, что в нашей стране до настоящего времени остается спорным правовым институтом административная юстиция, а также вопрос о слиянии тождественных, на наш взгляд, понятий «административная юстиция», «правосудие по административным делам», «административное правосудие» и «административное судопроизводство».

Думается, что под административной юстицией понимается упорядоченная система внешнего контроля за действиями административных органов и их должностных лиц по отношению к гражданам [15]. Такое широкое толкование административной юстиции дает представление о том, что содержанием ее является не только деятельность судов по рассмотрению административно-правовых споров.

Так, многие авторы отождествляют административную юстицию с деятельностью квазисудебных органов по рассмотрению жалоб. А.Н. Артамонов [16] под административной юстицией понимает такую форму правосудия,

при которой специализированные судебные (квазисудебные) органы разрешают споры публично-правового (административного) характера в особом процессуальном порядке. Вместе с тем, М.С. Студеникина указывает на наличие не только специальных судебных, но и квазисудебных органов [17] при рассмотрении административно-правового спора.

Предполагается, что не следует включать в систему административной юстиции деятельность многих государственных органов по рассмотрению жалоб по поводу нарушения прав граждан. Следует согласиться с мнением Н.Ю. Хаманевой и Н.Г. Салищевой, что в данном случае имеет место всего лишь смежная форма разрешения административно-правовых дел (административная юрисдикция), которая не является аналогией или составной частью административной юстиции [18].

Субъектом административной юрисдикции является орган государственного управления, тогда как административная юстиция в нашем понимании не сливается с администрацией, а характеризуется системой специальных судебных органов, осуществляющих соблюдение законности в сфере государственного управления. В их компетенцию входит разрешение споров, возникающих между субъектами управленческих (административно-правовых) отношений и в сфере функционирования публичной власти.

Следующим критерием, порождающим дуализм в определении административного судопроизводства, является объединение в понятии «административное судопроизводство» деятельности судов по разрешению административно-правовых споров и конфликтов — споров о нарушении субъективных публичных прав и дел об административных правонарушениях.

Как рассматривалось ранее, в юридической литературе административное судопроизводство нередко отождествляется с административной юстицией, а иногда с судебным производством по делам об административных правонарушениях. Так, по мнению О.В. Косоноговой, административное судопроизводство осуществляется в двух формах: производство по делам об административных правонарушениях и производство по жалобам граждан на действия (решения) государственных органов [19]. Кроме того, автор утверждает, что сохранение за арбитражными судами полномочий в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях нецелесообразно. По своим юридико-процессуальным характеристикам дела, рассматриваемые в арбитражных судах, не отличаются от дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции. Основная специфика — статус правонарушителя и харак-

тер совершенного им деликта, что не оправдывает те трудности и проблемы, которые возникают в правоприменительной практике. Указанная особенность не является достаточным основанием для включения этой категории дел в компетенцию арбитражных судов, но и передавать их в компетенцию судов общей юрисдикции вряд ли правильно. Однако достаточно трудно согласиться с мнением автора о необходимости отнесения к ведению административных судов всех дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства: как дел об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, так и дел об административных правонарушениях, а также иных категорий дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [20]. Вместе с тем, другие авторы также аргументируют объединение данных категорий дел в одно административное судопроизводство тем, что они вытекают из управленческих (административных) отношений [21].

Следует не согласиться с данным суждением авторов в связи с тем, что не все судебные дела, возникающие из управленческих отношений, по сути являются административными. Так, нормы Уголовного кодекса Российской Федерации установлены составы преступлений против порядка управления [22], то есть возникающих из управленческих правоотношений, однако ни у кого не возникает даже малейшего повода отнести данную категорию уголовных дел к административному судопроизводству. В связи с этим представляется неоправданным объединять между собой дела об административных правонарушениях и дела об оспаривании правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, только лишь потому, что они вытекают из управленческих (административных) отношений.

Аналогичным образом определяет административное судопроизводство А.Б. Зеленцов, полагая, что в рамках административного судопроизводства ныне осуществляется два вида административной юрисдикции — административно-тяжебная, которая выступает как форма защиты прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти, и административно-деликтная, выступающая как форма реализации административной ответственности. При этом автор допускает как возможность создания единого Кодекса административного судопроизводства, который включал бы процессуальные нормы, регулирующие разбирательство административных

споров и дел об административных правонарушениях, так и целесообразность ограничения регулирования процессуальной формы административно-наказательной юрисдикции лишь процессуальными нормами, содержащимися в КоАП. В данном случае, по мнению ученого, необходима определенная дифференциация административно-процессуальной формы для судов и иных юрисдикционных органов. Представляется, что имеет смысл более детально урегулировать специфические особенности судебной процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях и в гл. 28 КоАП РФ более четко отразить особенности судебной процедуры [23].

Одной из причин, послуживших спорному пониманию и обсуждению вопроса о видах административного судопроизводства, также является обоснование многими авторами отсутствия необходимости в формировании самостоятельной системы административных судов и сохранение (формирование) коллегий по административным делам в функционирующих в РФ судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Так, существует ряд сторонников организации такой модели административного судопроизводства, при которой отрицается формирование отдельных специализированных административных судов [24—27]. Как видно, все они едины в том, что организации данного судебного органа будет сопутствовать сложность финансирования, кадрового обеспечения, неравномерность нагрузки судей и другие недостатки модели специализированных административных судов.

В частности, М.Я. Масленников полагает, что для создания административных судов социально-правовых предпосылок нет. Основание для такого суждения следующее: «Положения ч. 2 ст. 118 Конституции РФ об осуществлении судебной власти, в том числе посредством административного судопроизводства, не идентичны утверждению, что оно осуществляется административными судами, равно как тут же содержащееся положение о гражданском и уголовном судопроизводстве не идентично утверждению, что в России функционируют гражданские и уголовные суды» [28]. Не оспаривая истинность приведенного выше утверждения, хотелось бы отметить, что, несмотря на отсутствие в Российской Федерации самостоятельной системы гражданских и уголовных судов, в настоящее время в судах общей юрисдикции существуют специализации судей по гражданским и уголовным делам, однако отсутствует специализация по административным делам. При этом до настоящего времени преобладает стереотип, что в нашей стране существует всего лишь два вида правосудия — гражданское и уголовное.

Очевидно, сегодняшние правовые реалии таковы, что настала объективная необходимость создания в системе судов общей юрисдикции специализированных административных судов по рассмотрению и разрешению споров, возникающих в сфере административно-правовых отношений (властеотношений). Эти споры должны разрешаться в порядке административного судопроизводства специализированными административными судами.

Вместе с тем, необходимо серьезно задуматься над существующей конституционной коллизией с отнесением административно-процессуального законодательства к совместно ведению Российской Федерации и ее субъектов, что в настоящее время препятствует выработке концепции административного судопроизводства как судебной административно-процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению административно-правовых споров. Таким образом, двойственность понимания административного судопроизводства, также связана с конституционным закреплением вопросов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Очевидно, что административное судопроизводство неоднозначно понимается самим законодателем. Так, только в Арбитражном процессуальном кодексе РФ закреплено, что в порядке административного судопроизводства рассматриваются экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе дела об административных правонарушениях и о взыскании с организаций и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обязательных платежей, санкций.

Примечательно, что гражданским процессуальным законодательством порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, «административным судопроизводством» не называется, хотя и выделен в отдельное производство по делам, возникающим из публичных правоотношений. При этом данная категория дел рассматривается и разрешается по общим правилам искового гражданского судопроизводства.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом

Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» Конституционный Суд Российской Федерации установил, что из ст. 118 (ч. 2) Конституции «вытекает, что судопроизводство по делам, связанным с рассмотрением деяний, предусмотренных оспариваемыми положениями, должно быть административным судопроизводством независимо от того, осуществляется оно судом общей юрисдикции или арбитражным судом» [29]. Именно с деянием Конституционный Суд РФ связывает административное судопроизводство по делам о таком правонарушении.

В Постановлении от 28 мая 1999 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука» Конституционный Суд, анализируя действующее законодательство об административных правонарушениях, установил, что суды (судьи) в рамках осуществления административного судопроизводства наделены как полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях и привлечению к административной ответственности, так и полномочиями по контролю за законностью и обоснованностью постановлений о наложении административных взысканий, выносимых другими уполномоченными на это органами (должностными лицами) [30].

Проанализировав гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное законодательство и судебную практику, можно предположить, что в настоящее время наблюдается два вида административного судопроизводства: административное судопроизводство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство по спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Заметим, что самим законодателем, с принятием нового Кодекса РФ об административных правонарушениях, деятельность по применению административных наказаний административным судопроизводством не называется, т.к. данный Кодекс в своих статьях не установил понятие «административное судопроизводство». В связи с этим административное судопроизводство должно осуществляться в рамках правосудия по спорным делам, содержащим спорные правоотношения. Дела об административных правонарушениях являются делами о применении наказания, соответственно данные дела возникают вне спорных отношений. Административные же дела — это дела о претензии, это при-

тяжение субъекта права к государству, административной власти, должностному лицу, государственному или муниципальному служащему [31].

В соответствии с вышесказанным, думается, что под административным судопроизводством следует понимать рассмотрение судом дел, возникающих из спорных административно-правовых правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слепченко Е.В. Гражданское процессуальное производство: единство и дифференциация // Правоведение. — 2008. — № 3. — С. 87.
2. Зеленцов А. Административное судопроизводство в России: проблемы правового регулирования // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 2. — С. 85.
3. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора: монография. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. — 248 с.
4. Старилов Ю.Н. Административная юстиция и правовая конфликтология // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. тр. — Вып. 13: Правовая конфликтология: Теоретические проблемы междисциплинарного юридического исследования. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — С. 205—206.
5. Тихомиров Ю.А. Конституционные основы формирования и деятельности административных судов // Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах: материалы конференции / отв. ред. В.И. Радченко. — М., 2001. — С. 26—32.
6. Хазанов С.Д. Некоторые вопросы юрисдикции административных судов // Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах: материалы конференции / отв. ред. В.И. Радченко. — М., 2001. — С. 188—197.
7. Хаманева Н.Ю. Административно-правовые споры: проблемы и способы их разрешения // Государство и право. — 2006. — № 11. — С. 5—13.
8. Волосатых Р.Е. Создание административных судов укрепит авторитет судебной власти // Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах: материалы конференции / отв. ред. В.И. Радченко. — М., 2001. — С. 221—224.
9. Панова И.В. Административно-процессуальное право России. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2007. — 336 с.
10. Россинский Е.Б. О целесообразности рассмотрения дел об административных правонарушениях административными судами // Проблемы защиты публичных и частных интересов в админи-

стративных судах: материалы конференции / отв. ред. В.И. Радченко. — М., 2001. — С. 184—187.

11. Россинский Е.Б. Научный взгляд на административную реформу // Журнал российского права. — 2003. — № 2. — С. 150.

12. Хазанов С.Д. Важные вопросы науки административного права // Административное право на рубеже веков: межвузовский сборник научных трудов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — С. 44.

13. Хазанов С.Д. Важные вопросы науки административного права // Административное право на рубеже веков: межвузовский сборник научных трудов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — С. 44—45.

14. Святохина Ю.В. Административно-процессуальное право: формирование и содержание административно-юстиционной модели: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2007. — С. 19.

15. Салищева Н. Г. О некоторых способах защиты и охраны прав, свобод и законных интересов граждан в сфере деятельности исполнительной власти в Российской Федерации // Конституция РФ и совершенствование механизмов защиты прав человека. — М., 1994. — С. 78.

16. Артамонов А.Н. Формирование и развитие органов административной юстиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

17. Студеникина М.С. Административная юстиция нуждается в четком правовом регулировании // Журнал российского права. — 1997. — № 6. — С. 12.

18. Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. — М.: Академический правовой университет при Институте государства и права РАН, 2001. — С. 23.

19. Косоногова О.В. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. — С. 132.

20. Косоногова О.В. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. — С. 129—130.

21. Лебедева Н. Проблемы формирования и развития административной юстиции в России // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 1. — С. 25—26.

22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (принят ГД

ФС РФ 24.05.96г.) (в ред. от 07.04.2010г.) (с изм. и доп., вступ. в силу 18.04.2010г.)

23. Зеленцов А.Б. Административная юстиция как форма административной юрисдикции // Проблемы административной юстиции: материалы семинара. — М.: Статут, 2002. — С. 120.

24. Студеникина М. Административная юстиция: Какой путь избрать России? // Российская юстиция. — 1996. — № 5. — С. 36.

25. Соловьева А.К. Перспективы развития административной юстиции в России: организационный и формальный подход // Правоведение. — 1999. — № 1. — С. 70—72.

26. Масленников М.Я. Административная юстиция и административное судопроизводство: соотношение с административным процессом, процессуально-правовая регламентация, перспективы развития // Государство и право. — 2002. — № 9. — С. 10—18.

27. Лебедева Н. Проблемы формирования и развития административной юстиции в России // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 1. — С. 26.

28. Масленников М.Я. Административная юстиция и административное судопроизводство: соотношение с административным процессом, процессуально-правовая регламентация, перспективы развития // Государство и право. — 2002. — № 9. — С. 17.

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 20. — Ст. 2173.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 23. — Ст. 2890.

31. Стариков Ю. Н. От административной юстиции к административному судопроизводству / Сер. Юбилей, конференции, форумы. Вып. 1 ВГУ. — Воронеж: Изд. ВГУ, 2003. — С. 55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Заряева Наталья Павловна. Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nzaryaeva@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. 8-920-430-8886.

Zaryaeva Natalia Pavlovna. Lecturer of the chair of Administrative Law and Administrative Activities of Law Enforcement Bodies.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. 8-920-430-8886.

Ключевые слова к статье: административное судопроизводство; административный суд; законность; административное дело; законопроект; государственная власть; должностное лицо; гражданин; право; арбитражный суд; правовой спор; институт обжалования.

Key words: administrative court proceeding; administrative court; legality; administrative case; bill; governmental authorities; official; citizen; law; arbitrage court; legal dispute; institute of appeal.

УДК 342.9

Научный портал МВД России

Адрес редакции: 123995, Москва,

Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25

Тел.: (495) 667-41-14

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-32241

Индекс по каталогу Роспечати 45900

Приглашаем профессорско-преподавательский состав, адъюнктов, аспирантов и работников правоохранительных органов принять участие в опубликовании статей и научных трудов.

Н.В. Генрих,
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский филиал
Российской академии правосудия

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ABOUT ALTERNATIVE METHODS OF REGULATION OF THE CRIMINALLY-LEGAL RELATIONS

Рассматриваются различные подходы к восстановительному способу уголовно-правового регулирования, а также к превентивно-защитным способам, которые не связаны ни с наказанием, ни с реституцией.

Кроме того, проанализированы условия применения данных способов регулирования уголовно-правовых отношений либо в качестве альтернативы традиционным карательным средствам, либо как необходимого дополнения к ним.

Various approaches to a reconstructive method of criminally-legal regulation, and also to preventive-protective methods which are not connected neither with punishment, nor with a restitution are considered.

Besides, conditions of application of the given methods of regulation of the criminally-legal relations as alternatively to traditional punitive methods, or as necessary addition to them are analysed.

Воспринятая современным уголовным правом классификация способов правового регулирования на карательные, восстановительные и превентивно-защитные представляется крайне значимой и в теоретическом, и в прикладном аспектах, поскольку дает возможность оценить так называемую «орудийную» характеристику метода уголовного права. Эта классификация не только отражает уровень, удельный вес нормативно-властного и свободно-договорного начал в методе уголовного права, но и в значительно большей степени связана со средствами уголовно-правового регулирования, его функциями и, как следствие, с социальными задачами отрасли.

Возникнув с поисков оптимальных средств предупреждения преступности в целом, проблема диверсификации методов государственного воздействия на это явление закономерно переместилась в область собственно уголовно-правового регулирования. В итоге уголовное наказание (кара) признается не только второ-

степенным средством предупреждения преступности (это положение наука в полной мере освоила еще в XVIII — XIX столетиях), но и не единственным (а, по мнению ряда ученых, и не главным) средством уголовно-правового воздействия. Переоценка возможностей карательного способа уголовно-правового регулирования связана с феноменом, получившим в литературе название «кризис наказания». Не углубляясь в его анализ, примем за данность очевидный факт — карательный способ регулирования правовых отношений не является и не может являться сегодня единственным в сфере уголовного права. Альтернативой и дополнением к нему все чаще рассматривается **способ восстановительный**, применение которого логично увязывается с расширением диспозитивных начал уголовно-правового регулирования, повышенным вниманием к положению потерпевшего от преступления, необходимостью ресоциализации преступников и развитием основ реституционной юстиции.

Оценка подобного способа регулирования уголовно-правового отношения в современной науке неоднозначна. Его сторонники в качестве основных достоинств указывают на то, что, во-первых, таким способом выстраивается цивилизованная система отношений государства и личности, государства и институтов гражданского общества; во-вторых, снижается общая репрессивность и экономическая затратность уголовной политики; в-третьих, уголовное право в большей степени гуманизируется, причем не столько за счет уменьшения объемов кары, сколько за счет того, что в центр системы восстановительного правосудия возводятся личность потерпевшего и его насущные проблемы, а не отвлеченные интересы незыблемости правопорядка; в-четвертых, не происходит официального клеймения правонарушителя в качестве преступника, что облегчает задачу его ресоциализации, и как следствие, способствует снижению рисков рецидива; в-пятых, система карательной юстиции получает возможность сосредоточивать основное внимание на наиболее опасных преступлениях (организованных, террористических, беловоротничковых и т.д.).

Вместе с тем существует и более сдержанное отношение к складывающейся практике применения восстановительных программ. В литературе хватает критики и основного средства примирения — возмещения причиненного вреда. В.Н. Бурлаков, например, прямо указывает, что уподобление уголовного права страховой конторе есть чрезвычайно «новаторская» практика, лишь формально напоминающая восстановительную юстицию, а в действительности ведущая к отказу от уголовного права в его современном понимании [1].

Позиции сторонников и противников применения восстановительного способа в уголовно-правовом регулировании заслуживают самого серьезного внимания, поскольку вне всяких сомнений в каждой из них содержится рациональное зерно. Однако задача состоит не в поиске дополнительных аргументов в пользу каждой из этих позиций, а в том, чтобы прийти к консенсусу, учитывающему и потребность в расширении спектра методов уголовно-правового регулирования, и необходимость сохранения за уголовным правом статуса преимущественно публичной отрасли права. В связи с этим следует определить некоторые особенности восстановительного способа уголовно-правового регулирования, которые оправдывают его применение и не размывают сущностной характеристики уголовного права.

1. Восстановительный способ уголовно-правового регулирования должен мыслиться не как замена карательного, а лишь как его необходимое дополнение. Публичный характер отрасли

уголовного права является закономерным и оправданным результатом его исторического развития и не может быть опровергнут возвращением «доюридизированных» практик разрешения конфликтов, порожденных общественно опасными деяниями.

2. Дополнение восстановительными механизмами метода уголовного права может происходить на основе двух операциональных принципов: а) совмещения карательных и восстановительных средств; б) замещения в ряде случаев карательных средств восстановительными.

Традиционно сторонники реституционного правосудия утверждают о необходимости замены наказания некарательными средствами уголовно-правового воздействия. Однако этот тезис может быть справедлив лишь в строго ограниченных пределах: во-первых, когда совершается преступление, не представляющее большой общественной опасности; во-вторых, когда преступлением причиняется вред исключительно частным и потенциально восстановимым (или компенсируемым) интересам потерпевшего; в-третьих, когда обстоятельства совершения преступления очевидны и наличие у участников конфликта статуса правонарушителя и потерпевшего не требует специальных процедур розыска, изобличения, доказывания; в-четвертых, когда имеется возможность привлечения к разрешению конфликта заинтересованных институтов гражданского общества, способных оказать общественное воздействие на правонарушителя, в т.ч. и особенно связанное с последующим его удержанием от совершения преступлений; в-пятых, когда сами некарательные средства являются справедливыми и адекватными причиненным потерпевшему последствиям.

В остальных случаях, на наш взгляд, отказ от традиционного публичного уголовного наказания нецелесообразен. Более того, следует поддержать мысль о том, что в этих иных случаях наказание должно обладать приоритетом «по отношению к ингредиенту, требующему возмещения имущественного ущерба и морального вреда потерпевшему, удовлетворения его чувства обиды» [2]. Но и будучи приоритетной мерой, наказание и связанный с его применением карательный способ уголовно-правового регулирования, не должны исключать возможности использования восстановительных мер и процедур.

В литературе распространено мнение о том, что уголовное наказание ничего не возмещает — ни обществу, ни потерпевшему, поскольку по своим потенциальным возможностям лишено таковых способностей [3]. Однако на современном этапе развития уголовно-правовой теории эта позиция

требует переосмысления. Совмещение карательного и восстановительного способов уголовно-правового регулирования вполне может предполагать: как механическое соединение наказания и восстановительных мер уголовно-правового характера, так и органичное наделение восстановительным потенциалом самого уголовного наказания (внедрение в практику так называемых восстановительных наказаний). Такое совмещение в меньшей степени привязано к особенностям совершенного преступления. Оно может иметь место в рамках традиционного правосудия, при совершении преступлений любой степени тяжести и любой направленности.

3. Восстановительный способ уголовно-правового регулирования не может пониматься лишь как возмещение ущерба потерпевшему со стороны лица, совершившего преступление. Это крайне ограниченное понимание сути восстановительной функции уголовного права. Истинное положение вещей должно состоять в признании субъектом восстановительных мер и правонарушителя, и самого государства. Если первый аспект проблемы является общепризнанным, то второй требует дополнительных пояснений.

Государство, как известно, имеет обязательства по защите прав и свобод перед всеми своими гражданами, причем вне зависимости от того, использовало ли оно в качестве средства такой защиты уголовное наказание или нет. Эти обязательства обуславливают необходимость применения восстановительного способа регулирования уголовно-правовых отношений, прежде всего, для защиты прав и интересов лица, потерпевшего от преступления, предполагают обязательную и безусловную компенсацию причиненного ему преступлением вреда со стороны государства. Однако лицо, совершившее преступление, также является объектом правозащитной деятельности государства. Регулируя их отношения, государство обязано использовать восстановительный потенциал уголовно-правовых мер, применяемых в отношении такого лица, для защиты его прав и интересов.

Эта сторона восстановительного способа правового регулирования, к сожалению, зачастую упускается специалистами из вида. Между тем, еще А. Франк писал: «Кто нарушает законы..., тот, если даже он нанес зло частному лицу, ... нарушил права всех, или, лучше, свои собственные права, он продолжает оставаться в полном вооружении и угрожает самому себе, потому что он не признает и отрицает законы, нарушенные им; ... он лишается покровительства этих же законов, этого же самого общего права, на котором до совершения преступления опиралась его свобода, его гражданское достоин-

ство, его личная и имущественная безопасность» [4]. Действительно, лицо, совершившее преступление, причиняет вред не только потерпевшему и обществу, оно причиняет вред самому себе, исключая себя из числа законопослушных граждан. Государство не может не учитывать этого обстоятельства и должно предпринять все необходимые меры для того, чтобы, применяя к такому лицу меры правового воздействия, способствовать восстановлению социального и психологического статуса правонарушителя. Это обстоятельство заставляет по-новому оценивать, а следовательно, и моделировать само содержание уголовного наказания и правила его назначения и внедрять в практику сопровождающие наказание меры социальной поддержки и помощи. Учет необходимости восстановительного потенциала должен проявляться в том, чтобы наказание не приводило к утрате социальных связей и отношений преступника, чтобы не допускалась неоправданная стигматизация, чтобы была обеспечена надлежащая система постпенитенциарной помощи и поддержки. Только такое «многостороннее восстановление» (условно: восстановление интересов потерпевшего со стороны преступника и государства, восстановление интересов преступника со стороны государства и, не исключено, восстановление интересов государства со стороны преступника) может обеспечить гражданский мир в деле противостояния преступности и способствовать консолидации общества, трансформировать уголовное право из средства принуждения в средство достижения социальной справедливости.

4. Восстановительный способ уголовно-правового регулирования в силу отмеченной его многосторонности не может быть связан только и исключительно с диспозитивными приемами правовой регламентации. Существует устойчивое мнение, что, являясь отражением диспозитивных начал в уголовном праве, восстановительный способ требует не только согласования позиций участников конфликта в процессе его использования, но и согласования их воли относительно самой возможности применения восстановительных процедур. Эта мысль справедлива лишь в той части, в какой она касается преступника и потерпевшего. Действительно, необходимым условием применения восстановительных мер в данном случае является добровольность: и преступник, и потерпевший должны выразить свое согласие. Отсутствие согласия любой из сторон, в силу того, что реституция является лишь дополнительным, альтернативным способом разрешения конфликта, должно означать, что сам этот конфликт требует разбирательства в общем порядке. В ситуации же, ко-

гда речь идет о восстановительных мерах, применяемых государством, о чистой диспозитивности речь уже идти не может. Государство обязано в императивном порядке восстановить интересы потерпевшего и преступника. Другое дело, что сама форма восстановления и применяемые при этом меры, поскольку они должны быть максимально индивидуализированы и учитывать интересы людей в конкретной постконфликтной ситуации, требуют учета позиций потерпевшего и того, кто совершил преступление.

Указанные особенности восстановительного способа уголовно-правового регулирования (его дополнительный, альтернативно-обязательный, императивно-диспозитивный, многосторонний характер), на наш взгляд, могут способствовать примирению кары и реституции в уголовном праве, обосновывают допустимость использования восстановительных процедур в уголовном праве, и как следствие, расширяют возможности справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Сочетание карательного и восстановительного способов уголовно-правового регулирования призвано диверсифицировать содержательную сторону метода уголовного права, адаптировать возможности его применения к разнообразным, индивидуально окрашенным правовым ситуациям. Вместе с тем такое сочетание сегодня уже не является достаточным, чтобы охватить все возможные случаи. Практика уголовно-правового регулирования, направленная на исправление преступников и предупреждение преступлений, поставила перед законодателем и перед наукой вопросы, связанные с разработкой мер, которые, не будучи карой или реституцией, могли бы быть применимы в рамках уголовно-правовых отношений и способствовали бы достижению отраслевых задач.

Ограниченные возможности наказания и реституции связаны с тем, что фактически ни одна из мер, применяемых в рамках карательно-восстановительного способа уголовно-правового регулирования, не обращена своим содержанием в будущее. Наказание, применяемое за совершённое преступление, по всем своим параметрам (содержанию, объему, правилам назначения) ориентировано на прошлое и мало что меняет в том реальном состоянии общественных отношений, которое сложилось на момент его назначения. Восстановительные меры, хотя и изменяют более реально, чем наказание, постпреступное состояние отношений, тем не менее, изменяют его сейчас, в данный момент и не более того. Уголовному праву необходимы способы и меры, ориентированные на будущее, в большей степени направленные на решение превентивных, профилактических задач. Ответ был найден в мерах, которые сегодня разными авторами обо-

значаются как «меры безопасности», «меры защиты», «меры превенции». О том, что надо различать наказания и меры социальной защиты, говорил еще А.А. Жижиленко. Основанием применения мер защиты, по его мнению, является не совершённое правонарушение, само по себе взятое, а такие особые свойства личности его совершившего, которые грозят возможностью новых правонарушений и от вредного проявления которых правопорядок должен себя оградить. Отсюда следует и определение данного понятия: мерами защиты выступают такие меры, которые применяются к лицам, учинившим преступные деяния, и которые, не выражая собой оценки учиненного и считаясь лишь с особыми психологическими свойствами этих лиц, направлены на предупреждение учинения ими новых преступных деяний путем воздействия на них посредством вторжения в сферу их правовых благ [5].

Мерами защиты, которые не связаны ни с наказанием, ни с реституцией, в действующем уголовном законодательстве являются, по нашему мнению: а) применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступления; б) применение принудительных мер медицинского характера к лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, и к лицам, совершившим преступления и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; в) меры, применяемые к условно осужденным и лицам, условно-досрочно освобожденным от уголовного наказания [6].

Применение этих мер объективно не укладывается в границы, заданные карательным и восстановительным способом правового регулирования. А потому теоретическое обоснование их применения сопряжено с поиском новых граней уголовно-правового метода. Анализируя эту проблему, А.В. Сапий конструирует в методическом аппарате отрасли уголовного права «метод некарательного воздействия и исправления». Однако этот термин представляется неудачным, поскольку идея исправления заложена и в карательном способе, а некарательное воздействие не обязательно предполагает применение мер защиты, оно проявляется в том числе и в применении реститутивных мер. Как указывает сам А.В. Сапий, данный метод не направлен на причинение физических и моральных страданий, а связан с обеспечением безопасности субъектов права и предупреждением совершения новых общественно опасных деяний или преступлений. Это верно. Но сказанное в большей степени дает основания для того, чтобы именовать этот способ **«превентивно-защитным»**. Сразу оговорим, что и этот термин,

возможно, не самый лучший, поскольку превентивным и защитным потенциалом обладают и наказание, и меры восстановительного характера. Однако его использование оправданно тем, что если в последнем случае превенция и защита — цели применяемых мер, то в рассматриваемой ситуации они составляют саму суть превентивно-защитных мер и их содержание.

Применение превентивно-защитного способа уголовно-правового регулирования также подчинено определенным правилам, которые одновременно можно рассматривать и в качестве характеристик самого этого способа. Основные из них сводятся к следующему.

1. Превентивно-защитный способ применяется для правового регулирования отношений, возникающих в связи с совершением преступления. Этот, на первый взгляд, очевидный тезис, нуждается в дополнительном комментировании, поскольку его последовательное соблюдение кардинально меняет устоявшиеся представления о превентивно-защитных мерах и их нормативной регламентации. Он означает, во-первых, что применение превентивно-защитных мер в отношении лиц, которые совершили общественно опасное деяние, не являющееся преступлением не укладывается в границы механизма уголовно-правового регулирования, ибо такое деяние не порождает уголовно-правовых отношений (в связи с этим из УК РФ следует исключить предписания о применении принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости). Во-вторых, основанием применения превентивно-защитных способов уголовно-правового регулирования не могут выступать только и исключительно свойства и признаки личности, совершившей деяние; ставка на личность в данном случае возвращает нас к давно отвергнутой уголовным законодательством и наукой теории опасного состояния. Специфика основания применения мер превенции и защиты состоит в том, что они назначаются лишь при наличии юридического факта — преступления и только в отношении строго определенной в законе категории лиц, которые обладают специфическими личностными характеристиками, связанными с возрастом, состоянием здоровья, возможностью исправления без применения суровых карательных мер и т.д.

2. В основе мер превенции и защиты лежит принуждение, в связи с чем их основание и пределы их применения в правовом государстве должны быть четко определены законом. Не являясь карой за совершенное преступление, меры безопасности — это, тем не менее, всегда ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление.

3. В силу изложенного превентивно-защитный способ уголовно-правового регулирования может быть применен лишь в рамках императивного режима и только в том случае, когда основными контрагентами уголовно-правового отношения выступают лицо, совершившее преступление, и государство. Поэтому, во-первых, факт применения превентивно-защитных мер не может быть поставлен в зависимость от волеизъявления сторон уголовно-правового отношения; при наличии оснований, указанных в законе, их применение является обязанностью государства (что не исключает, а даже предполагает необходимость согласования в целом ряде случаев содержания самих этих мер); во-вторых, эти меры могут применяться только и исключительно государством и от имени государства; использование превентивно-защитного способа для регулирования отношений между преступником и потерпевшим неоправданно и недопустимо.

4. Превентивно-защитный способ уголовно-правового регулирования в каждом отдельном случае не может полностью вытеснить применение иных способов. Он всегда выступает либо как альтернатива, либо как дополнение к карательным или восстановительным механизмам.

Возможности превентивно-защитного способа уголовно-правового регулирования познаны наукой далеко не в полной мере. Но его особенности (альтернативно-дополнительный, императивный, принудительный характер) дают, на наш взгляд, возможность вполне органично вписать этот способ в «методический набор» уголовного права и тем самым предоставить возможность правоприменителю максимально полно, всесторонне и индивидуально урегулировать уголовно-правовой конфликт в интересах соблюдения личной и коллективной безопасности.

Подводя итог, еще раз отметим, что восстановительный и превентивно-защитный способы уголовно-правового регулирования носят дополнительный и альтернативный характер. Компенсационные и превентивно-защитные меры могут использоваться либо как необходимые дополнения, либо как альтернатива традиционным карательным средствам, что вовсе не означает их второстепенной значимости. Напротив, совершенствование механизма уголовно-правового регулирования сегодня требует активизации именно этих способов правовой регламентации как наименее травматичных и в большей степени способствующих солидаризации общества и предупреждению преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / под ред. В.Н. Бурлакова и Б.В. Волженкина. — СПб., 2005. — С. 557.

2. Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. — М., 2007. — С. 144.

3. Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. — М., 1999. — С. 179.

4. Франк А.Д. Философия уголовного права. — СПб., 1868 // Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. — СПб., 2004. С. 137—138.

5. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. С. 249, 244.

6. Сапий А.В. Методы уголовно-правового регулирования и их классификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Генрих Наталья Викторовна. Заведующая кафедрой уголовного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия.

E-mail: ngenrih@mail.ru

Россия, 350002, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187. Тел. 8-918-318-2688.

Genrih Natalia Victorovna. Head of the chair of Criminal Law. Candidate of law, assistant professor.

The North Caucasian branch of the Russian Academy of Justice.

Work address: Russia, Krasnodar, 350002, Levanevsky str., 187. Tel. 8-918-318-2688.

Ключевые слова к статье: уголовно-правовое регулирование; превентивно-защитный способ; реституция.

Key words: criminally-legal regulation; preventive-protective **method**; restitution.

УДК 343

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Белянин М.Ю. Риторика и культура речи: практикум / М.Ю. Белянин. — Воронеж; Липецк: Воронежский институт МВД России, 2010. — 124 с.

Практикум содержит разработанный на базе обширного теоретического материала комплекс заданий, направленных на изучение закономерностей функционирования системы норм в русском языке, углубление представлений об особенностях ведения публичной речи, стилистического использования языковых единиц и работы с деловыми документами с учетом их стилистических, лексических и грамматических требований.

Предназначен для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, студентов высших учебных заведений при подготовке к занятиям по дисциплине «Русский язык и культура речи»; может быть использован для формирования навыков грамотной речи и культуры письма у слушателей курсов повышения

квалификации МВД России.

И.А. Кравцов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЙ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

DISPUTABLE QUESTIONS OF A SUBJECT OF SEFT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY MADE WITH USE OF OFFICE POSITION

Проанализированы различные научные точки зрения, связанные с определением предмета хищений чужого имущества с использованием служебного положения. Выявлено несоответствие между положениями гражданского законодательства и нормами уголовного закона относительно термина «имущество», а также предложены изменения в ст. 159 УК РФ.

Various scientific points of view connected with definition of a subject of seft of someone else's property with use of office position are analysed. Discrepancy between positions of the civil legislation and norms of the criminal law concerning the term «property» is revealed, and also changes in item 159 of the Criminal Code of Russian Federation are offered.

До конца пятидесятых годов двадцатого века в теории уголовного права, по существу, отождествлялись понятия «объект» и «предмет» преступления.

Такой позиции придерживались А.А. Пионтовский и Б.С. Никифоров, которые не считали необходимым разделение объекта и предмета преступления [1, 2].

В настоящее время, хотя предмет преступления и относят к сфере объекта преступления, в теоретических трудах данные понятия не считаются тождественными [3, 4].

Нам представляется все же необходимым выделять самостоятельную категорию предмета посягательства, учитывая, что некоторые отношения нарушаются непосредственно воздействием на материальные или нематериальные объекты внешнего мира. Полагаем, что предмет и объект преступления соотносятся как материальная и социальная категории: предмет преступления

— материальная, а объект преступления — чисто социальная категория.

Н.И. Коржанский и Э.С. Тенчов считают, что предметом преступления в уголовно-правовой науке выступают материальные объекты, в которых проявляются общественные отношения [5, 6]. Е.В. Ворошилин под предметом преступления предлагает понимать «овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который, виновный осуществляет посягательство на объект преступления» [7]. Л.Д. Гаухман под предметом преступления понимает материальный субстрат, одушевленный или неодушевленный, в связи с которым или по поводу которого совершается преступление [8].

Стоит обратить внимание на позицию по данному вопросу Г.П. Новоселова, который под предметом преступления предлагает понимать различного рода материальное и нематериальное

благо, которое имеет возможность удовлетворять потребности человека и воздействие на которое (или незаконное обращение с которым) причиняет им вред или создает угрозу его причинения [9].

Мы считаем, что трактовка понятия предмета преступления как материального объекта внешнего мира необоснованно ограничивает рамки данной юридической категории. В некоторых случаях воздействие может осуществляться и на «нематериальное» благо.

На наш взгляд, предметом преступления необходимо признавать не только материальные вещи, на которые осуществляет или пытается осуществить воздействие преступник при совершении общественно опасного деяния, но и иные «нематериальные» блага, например, информацию, электрическую энергию, право на имущество.

Что же следует понимать под предметом преступлений против собственности? Законодатель в соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ называет предметом хищения чужое имущество.

Б.С. Никифоров и Г.А. Кригер при определении предмета посяательства не включали имущественные права в понятие имущества [10, 11].

Другие исследователи под предметом хищений понимают не только материальные ценности, вещи, но и имущественные права, опираясь на определение имущества в рамках гражданского права [12, 13].

Учитывая тот факт, что в области изучения предмета преступления, совершенного в форме хищения чужого имущества, в уголовно-правовой науке серьезных споров и дискуссий не возникает, представляется целесообразным рассмотреть проблемный вопрос о возможности совершения хищений с использованием служебного положения в форме приобретения права на чужое имущество.

Из хищений только мошенничество может совершаться в форме приобретения права на имущество. Некоторые авторы приходят к выводу о том, что мошенничество может быть совершено как в форме хищения чужого имущества, так и в форме приобретения права на чужое имущество, которое хищением, согласно примечания к ст. 158 УК РФ, не является [8, 14]. В связи с этим вопрос о предмете данного преступления является дискуссионным.

Л.Д. Гаухман считает, что «в такой разновидности мошенничества, как приобретение права на имущество, предмет отсутствует» [15]. Данной точки зрения придерживается и В.Н. Лимонов [16].

На противоположной позиции стоят Ю.И. Ляпунов и А.И. Рарог, считающие, что предме-

том мошенничества может выступать как имущество, так и право на чужое имущество как юридическая категория [17].

В.И. Плохова, Ю.И. Ляпунов, Б. Завидов под правом на имущество как предметом мошенничества предлагают понимать различного рода носители, закрепители прав на имущество. Ими могут являться записи, документы и так далее, удостоверяющие как фактическое осуществление одного полномочия, так и всех заложенных в том или ином титуле (звании) вещных (и права собственности, и иных вещных прав) и обязательственных прав [17, 18, 19].

В соответствии с нормами ГК РФ под имуществом понимаются: отдельные вещи или их совокупность (ч.2 ст. 15, ч.2 ст. 46 ГК РФ); вещи, деньги и ценные бумаги (ч.1 ст. 302, ч.1 ст. 307 ГК РФ); совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав и обязанностей субъектов (ч.2 ст. 63 ГК РФ). Это позволяет сделать вывод о том, что к «имуществу» законодателем отнесены все виды материальных ценностей, как вещные, так и обязательственные права.

Считаем, что отрицание многими учеными возможности совершения хищения прав на имущество является результатом неверной трактовки этого словосочетания и отсутствия четкого разграничения между понятиями «имущественное право» и «право на имущество». Право на имущество и имущественное право предполагают некоторые права, возникающие по поводу вещей, но имеющие кардинально разный характер. В первом случае идет речь о вещных правах, а во втором — об обязательственных правах.

Вещные права, являясь отдельной разновидностью прав гражданских, обычно противопоставляются правам обязательственным. Основной чертой всех вещных прав является их абсолютный характер, в силу которого субъекты данного права самостоятельно воздействуют на соответствующее имущество, а все другие участники имущественных отношений не могут препятствовать им в осуществлении таких возможностей. В отличие от этого в обязательственных правоотношениях, имеющих относительный характер, управомоченное лицо может осуществить воздействие на имущество в своих интересах только при участии иного лица, например собственника, дозволившего это по условиям подписанного в соответствии с законодательством договора [20].

Из вещных прав наиболее широким является право собственности, состоящее из возможности субъекта владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Их имеют в виду

специалисты по уголовному праву, говоря о праве на имущество [21, 22].

Согласно закону, имущественное право — это разновидность имущества как объекта гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). На наш взгляд, имущественное право не может трактоваться как общественное отношение, возникающее по поводу имущества (им является вещное право на имущество, в частности право собственности). Так же как и вещи, имущественные права могут являться предметом ряда сделок, таких как купля-продажа (п.4 ст. 454 ГК РФ), мена (ст. 567 ГК РФ), дарение (ст. 572 ГК РФ).

В уголовно-правовой науке неоднократно уже высказывалось предложение об изменении содержания понятия «право на имущество» посредством приведения его в соответствие с гражданско-правовым пониманием «имущественное право». М.М. Ветошкина считает: «Если в уголовном праве под имуществом подразумеваются вещи, то под правом на имущество следует понимать право на вещь не в вещно-правовом, а в обязательственно-правовом смысле, то есть рассматривать его в качестве имущественного права как объекта гражданских прав. В этом случае отпадает основной аргумент сторонников тезиса о невозможности хищения права на имущество, ссылающихся на то, что имущественное право есть фактически объект преступления и, как следствие, его предметом быть не может» [23].

Такая точка зрения, на наш взгляд, требует к себе особого внимания, учитывая тот факт, что уголовный закон, осуществляющий защиту гражданско-правовых отношений в сфере собственности от общественно опасных посягательств, не должен иметь в себе и давать определения, отличные от гражданско-правовых понятий.

Действующее законодательство, ст. 128 ГК РФ, под имуществом признает вещи, включающие в себя деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, то есть субъективные права всех участников правоотношений, связанные с возможностью владения, пользования и распоряжения имуществом, а также и с имущественными требованиями, возникающими между участниками гражданского оборота в связи с распределением этого имущества и обменом. Становится явным, что сущность гражданско-правового понятия имущества является разнообразной. Это объясняется включением в него не только вещей материального мира как физической субстанции, но и прав на них.

В уголовном праве, в частности в нормах главы 21 УК РФ, имеет место различное понимание имущества: широкое (имущество вообще или имущество в целом) и узкое (имущество как

вещь). Ранее говорилось о традиционной трактовке имущества как предмета преступлений против собственности, коими понимаются, признаются вещи материального мира. Из этого следует, что понятие имущества в уголовно-правовом значении является более узким по содержанию, поскольку в понятие имущества не включены на законодательном уровне права на имущество, как это предусматривается диспозицией ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Н.Г. Иванов в своей статье отмечает, что «уголовное право должно определиться: либо по-прежнему считать имуществом лишь физическую материальную субстанцию — и тогда такое положение следует признать уголовно-правовой фикцией, либо присоединиться к гражданско-правовой интерпретации и тогда соответствующим образом пересмотреть редакции ст. 159 и 163 УК РФ» [24].

Также в юридической литературе высказывались мнения о необходимости закрепления в уголовном законе четкого понятия имущества как предмета преступлений против собственности. Э.С. Тенчов предлагает определять понятие имущества в уголовном законе в виде «материальных ценностей, денежных средств и ценных бумаг» [25].

И.А. Клепицкий считает, что споры, связанные с определением предмета мошенничества и вымогательства в случаях «приобретения права на имущество», являются надуманными, так как, учитывая существующую доктрину понимания «права на имущество», становится явным, что в этих случаях предметом преступления будет то имущество, право на которое приобретает виновный [26]. Высказанная И.А. Клепицким точка зрения, на наш взгляд, имеет право на существование, так как в ней предложен совершенно иной подход к определению предмета посягательства в случае противоправного посягательства на имущество.

С.М. Кочои придерживается мнения, и мы его поддерживаем, что в уголовном законодательстве не должно быть своего, отличного от гражданского законодательства, понятия имущества [27].

На наш взгляд, учитывая, что термин «право на имущество» в соответствии со ст. 128 ГК РФ охватывается понятием «имущество», предметом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, целесообразно считать имущество (то есть вещи материального мира) и имущественные права.

Считаем, что незаконное приобретение права на имущество, подразумевая право собственности, есть лишь особая разновидность хищения, которая полностью охватывается данным поня-

тием, а наличие реальной возможности распорядиться этим имуществом дает основания признать хищение оконченным. Таким образом, если считать, что выделенные в диспозиции ст. 159 УК РФ понятия «приобретение права на чужое имущество» и «хищение чужого имущества» являются тождественными, целесообразнее исключить формулировку «приобретение права на чужое имущество» из текста ст. 159 УК РФ.

Исключение понятия «приобретение права на чужое имущество» из диспозиции ст. 159 УК РФ позволит признавать мошенничеством приобретение неправомерным путем отдельных правомочий собственника и права требования на чужое имущество (банковские вклады, бездокументарные ценные бумаги, безналичные деньги, заложенное имущество), приобретение правомочий собственника, иных обязательственных и вещных прав.

Предлагаемое изменение нормы позволит прекратить многолетние споры и предоставит практикам возможность более четко применять данную статью в своей повседневной деятельности. Особенно актуально наше предложение в период бурного развития научно-технического прогресса, который позволяет преступникам использовать его широкие возможности для совершения общественно опасных противоправных деяний (использование компьютерной техники, хищение электронных денежных средств и т.д.).

Полагаем, что мошенничеством должно признаваться общественно опасное деяние, при котором виновным извлекаются обманным путем любые материальные блага, включая и те, которые не связаны с завладением вещью, и причиняется этими действиями ущерб потерпевшему. Более широкая трактовка понятия мошенничества как имущественного преступления и отказ от привязки к примечанию ст. 158 УК РФ дадут возможность избавиться от необходимости определения предмета преступления в каждом конкретном случае, появится реальная возможность определять мошенничество как беспредметное преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961. — 666 с.
2. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960. — 230 с.
3. Коржанский Н.И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации): учебное пособие. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. — 56 с.
4. Гаухман Л.Д. Объект преступления: лекция. — М.: Академия МВД РФ, 1992. — 25 с.
5. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М., 1980. — 248 с.
6. Тенчов Э.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. — Иваново, 1980. — 87 с.
7. Ворошилин Е.В. Предмет преступления при мошенничестве // Социалистическая законность. — 1976. — № 9. — С. 60.
8. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М., 2003. — 448 с.
9. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 46 с.
10. Никифоров Б.С. Борьба с мошенническими посяательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. — М., 1952. — 180 с.
11. Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. — М., 1957. — 208 с.
12. Исаев М.М. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. — М., 1948. — С. 7.
13. Вышинская З.А. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества. — М., 1948. — 36 с.
14. Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. — 1997. — № 11. — С. 41.
15. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. — М.: ЮрИнформ, 1997. — 320 с.
16. Лимонов В.Н. Уголовно-правовая оценка мошенничества // Журнал российского права. — 2002. — № 12. — С. 81.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть / под общ. ред. В.М. Лебедева, Ю.И. Скуратова — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996. — 592 с.
18. Плохова В.И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук — Екатеринбург, 2003. — 46 с.
19. Завидов Б. О понятии мошенничества и его «модификациях» (видоизменениях) в уголовном праве // Право и экономика. — 1998. — № 10. — С. 63.
20. Комментарий части первой Гражданского кодекса РФ / под ред. В.Д. Карповича. — М., 1995. — 597 с.
21. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — 768 с.

22. Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. — М., 1974. — 208 с.

23. Ветошкина М.М. Ценные бумаги как предмет хищений: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 157 с.

24. Иванов Н.Г. Парадоксы уголовного закона // Государство и право. — 1998. — №3. — С. 57.

25. Тенчов Э.С. Охрана собственности — институт уголовного права: социальная обуслов-

ленность, структура, функционирование: дис. ... д-ра юрид. наук. — Иваново, 1990. — 332 с.

26. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. — 2000. — № 12. — С. 13.

27. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 343 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Кравцов Иван Александрович. Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: kia52@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 700-545.

Kravtsov Ivan Alexandrovich. Post-graduate cadet of the chair of Criminal Law and Criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 700-545.

Ключевые слова: преступление; хищение; имущество; предмет преступления; право на имущество; использование служебного положения.

Key words: crime; plunder; property; a subject of crime; the right to property; using of office position.

УДК 343.7

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Гостев В.И. Описание орудий и предметов по корыстным и корыстно-насильственным преступлениям: справочник / В.И. Гостев, С.Р. Микаутадзе. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. — 64 с.

Справочник содержит описание наиболее распространенных предметов, орудий и следов преступлений против собственности.

Издание может быть использовано в практической деятельности органов дознания дознавателями, следователями при составлении протоколов следственных действий справочной информации по описанию орудий и предметов преступного посягательства по корыстным и корыстно-насильственным преступлениям.

Справочник предназначен для курсантов, студентов, слушателей и преподавателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, а также следователей и дознавателей системы МВД и других правоохранительных органов.

Р. Р. Палеха,
кандидат юридических наук,
ЦФГОУ «Российская академия
правосудия»

ОТ МОНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ К ИНТЕГРАТИВНЫМ

FROM THE MONISTIC TO THE INTEGRATIVE CONCEPTS OF LEGAL UNDERSTANDING

Представлены различные концепции правопонимания. Делается вывод о неудовлетворительном состоянии существующего методологического инструментария познания права. В качестве методологически убедительного подхода к преодолению сложившейся ситуации видится переход от монистических концепций правопонимания к интегративным.

Various concepts of legal understanding are presented in the article. The author comes to the conclusion that the state of the existing methodological toolkit is unsatisfactory. The methodologically convincing approach of overcoming the prevailing situation is seen in the transition from the monistic concept of legal understanding to the integrative.

Правопонимание выступает узловой темой современной отечественной юридической науки и представляет собой мировоззренческий подход к пониманию права как относительно самостоятельного компонента в общественной системе. Правопонимание — это тот методологический инструментарий, который позволяет приблизиться к пониманию сущности права. В.И. Леушин и В.Д. Перевалов предложили следующее определение: «Правопонимание — это научная категория, отражающая процесс и результат целенаправленной мыслительной деятельности человека, включающий в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как целостному социальному явлению» [1]. Мировосприятие бытия, в том числе и права, как одной из его сфер, не может быть однотипным, что и предопределило плюрализм типов правопонимания.

В.В. Лапаева указывает, что «вся история развития юриспруденции — это история противоборства различных типов правопонимания, т.е. различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни» [2]. А.В. Поляков, рассуждая о проблеме правопонимания, указывает, что его тип —

это «определенный образ права, характеризующий совокупностью наиболее общих теоретических признаков права и наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения» [3].

Изучение современных научных исследований по проблеме правопонимания позволяет сделать вывод, что в них присутствуют как классические подходы (естественно-правовая доктрина, теория позитивного права, социологическая концепция), ставшие уже традиционными в общей теории права, так и инновационные креативные позиции (интегративная юриспруденция, православная синтетическая теория права), выражающие смелые, неоднозначные, порой экзотические доктринальные новеллы. Не вдаваясь в оценки научной состоятельности всех новых идей, со всей очевидностью необходимо заключить, что они есть и таковых немало.

Системное исследование современного правопонимания было предпринято В.М. Сырых. В своей работе известный ученый обоснованно указал, что «российские правоведы, равно как и их зарубежные коллеги, ведут интенсивный поиск современного понимания права, выявления таких его сущностных признаков, которые поз-

воляют, во-первых, верно и точно отразить юридическую природу современного права, его реальные и потенциальные возможности в регулировании общественных отношений; во-вторых, четко и бесспорно отличить подлинное право от сходных с ним неправовых регуляторов общественных отношений; в-третьих, раскрыть логику исторического развития права, воспроизвести его генезис как органичное единство качественно определенных и исторически различных типов права» [4]. Сам исследователь убежден, что современное правопонимание может быть только материалистическим. По мнению В.М. Сырых, «материализм остается единственным философским учением, действительность и действительность которого подтверждается не только теоретически, но и практически» [4]. Данная научно обоснованная, убедительно аргументированная и смелая позиция отличается от традиционных взглядов на правопонимание в российской правовой науке.

Как указал В.В. Ершов, «современная правовая наука в целом характеризуется смешанным типом правопонимания, в различных вариантах совмещающим позитивизм и юридический натурализм; *многоуровневым, интегративным подходом, переходом от монистической методологии к философско-методологическому плюрализму* (курсив мой. — Р.П.)» [5]. Его позиция подтверждается мнением И.И. Царькова, который указал, что «сегодня основная дискуссия в юридической науке происходит между сторонниками естественно-правовой доктрины и сторонниками юридического позитивизма» [6].

Сущность современного юридического позитивизма достаточно полно выражена М.И. Байтиным, который понимает под правом «систему общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [7]. Состояние современной теории естественного права, по мнению Г.В. Мальцева, представляют «христианское рациональное естественное право, деонтологическая и онтологическая модели естественного права, при этом последнее подразделяется на три направления: представители первого направления выводят естественный закон из космоса, во втором направлении за основу естественного права берется природа как порядок вещей, в третьем направлении естественное право формулируется исходя из природы человека» [8].

Изучение современных научных исследований по проблеме правопонимания позволяет

сделать вывод, что в них присутствуют различные концепции, такие как естественно-правовая, позитивного права, социологическая и другие, выступающие самостоятельными монистическими подходами к пониманию сущности права, ставшие уже традиционными в общей теории права, но не позволяющие оставаться довольными состоянием ими созданного методологического инструментария. Монистические концепции правопонимания характеризуются односторонним рассмотрением права, что неоправданно сужает границы его понимания, обедняя его содержание, не позволяя создать цельное представление о праве как сложном социальном феномене. Так, еще в конце XX века группа советских ученых — В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев, В.П. Казимирчук — отмечали, что «при всех своих положительных моментах нормативный подход к пониманию права все же односторонен... Между тем понимание права должно быть более полным. Оно должно охватывать и закономерности правообразования, и место правовой надстройки во всей общественной системе, и ее границы, и право в действии — соединение нормативов с реальной человеческой деятельностью. Это и вызывает к жизни другие концепции правопонимания» [9].

Несмотря на множественность и противоречивый характер имеющихся типов правопонимания, следует согласиться с позицией В.В. Лапаевой: «...Каждый из них привносит что-то важное в копилку общечеловеческих знаний о праве, раскрывая ту или иную его грань, значимую не только в теоретическом, но и в практическом плане. *Отсюда не прекращающиеся поиски интегративного подхода к праву, который смог бы объединить научно-практические потенциалы различных типов правопонимания* (курсив мой. — Р.П.)» [10]. Р.А. Ромашов в своем докладе «Реалистический позитивизм как интегративный тип правопонимания» указал, что «под интегративным типом правопонимания следует иметь в виду не какой-то обособленный подход, а попытку извлечения позитивного содержания, имеющегося в отдельных типах правопонимания» [11].

На мой взгляд, следует признать, что интегративная юриспруденция является адекватным ответом современной правовой науки на вызовы динамично изменяющейся правовой действительности. В то же время нельзя утверждать, что данный подход абсолютно методологически безупречен. Его понимание правовой доктрине еще предстоит уточнить, что позволит более точно определить место интегративной юриспруденции в теоретической системе координат изучения права.

Заслуживает внимания позиция Р.А. Ромашова, согласно которой «ни один подход к правопониманию (будь то социологический, естественно-правовой либо позитивистский)

нельзя рассматривать в отрыве от исторической реальности» [11]. Это действительно так, поскольку право — это не умозрительная категория, а сложный социальный феномен, имеющий конкретные связи с реальной общественной жизнью и вбирающий в себя все характеристики последней. Право обязано на уровне правовой материи, как в зеркале, отражать конкретную историческую эпоху, ее фактические социальные процессы, соотношение политических сил общества, особенности национально-культурной жизни народа и другие проявления социального бытия.

В.В. Ершов, осуществив анализ проблем правопонимания, пришел к следующим выводам: «1) позитивистское правопонимание, ограничение права только законодательством в большинстве случаев на практике приводит к нарушению прав и законных интересов физических и (или) юридических лиц; 2) интегративное правопонимание способствует регулированию разнообразных динамически развивающихся правоотношений, защите прав и правовых интересов физических и (или) юридических лиц» [12]. Данные наблюдения обладают значительным практическим потенциалом. Но если в отношении позитивизма имеется более чем богатый эмпирический материал, подтверждающий вывод о невысокой эффективности защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений, то возможности интегративного правопонимания в этом отношении на практике еще предстоит выявить. И каким образом проявит себя в деле защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц еще до конца не познанный потенциал интегративного подхода, достоверно предвидеть невозможно. На этот вопрос беспристрастно сможет ответить только юридическая практика, примененная к сферам социальной действительности.

Наиболее сбалансированным подходом к проблеме современного понимания права видится интегративная юриспруденция, позволяющая учитывать достижения имеющихся концепций правопонимания, снимать конфликтность между ними, воспринимать право разносторонне и комплексно. Данный вывод находит свое подтверждение в позиции В.Н. Карташова, который указал, что «хотя все теории имеют право на существование, определение права должно: а) позволять достаточно четко выделять существенные признаки права (его содержание и формы); б) иметь ярко выраженное прикладное и дидактическое значение; в) объединять и нормативное, либертарное, и естественно-правовое, и философское понимание права» [11]. Оптимальным в этом плане В.Н. Карташов считает интегративное правопонимание, в соответствии с которым право раскрывается как «система общеобязательных нормативно-правовых предписаний,

обеспеченных мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженных в нормативных правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающих идею и состояние свободы и ответственности, справедливость и равенство, гуманизм и общественный порядок, служащих особым, юстициальным регулятором поведения людей и организаций» [11].

Такое интегративное понимание права в значительной степени устраняет конфликтность между естественно-правовой, позитивистской и социологической концепциями правопонимания в теоретико-методологическом аспекте и расширяет возможности для эффективной правовой регламентации и защиты наиболее важных сфер общественной жизни в прикладном значении за счет широкого понимания формально-юридических источников права. Данное наблюдение подтверждается позицией В.В. Ершова, который указал, что «интегративное (интегральное) понимание российского права трактует право как систему, включающую в себя как нормативные правовые акты, содержащие нормы права, так и иные формы права, прежде всего основополагающие (фундаментальные) принципы права, нормативные правовые договоры, содержащие нормы права, а также обычаи, содержащие нормы права» [12].

Размышляя о проблеме правопонимания, О.В. Мартышин указывает: «В этой области накоплены такие богатые традиции, столько великих философов и блестящих юристов пытались объяснить сущность права, что трудно ожидать открытий, прорывов, революций. Максимум, на что можно рассчитывать — теоретически убедительная и практически применимая комбинация из известных идей» [13]. Полагаю, что обозначенная задача получила свое достойное практическое воплощение в интегративной юриспруденции.

В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев, В.П. Казимирчук справедливо указали, что «идея многоаспектного, многостороннего подхода к праву ныне, видимо, наиболее точно отражает общие усилия ученых по его изучению. Каких бы взглядов они ни придерживались, все — против односторонности... Одна из тенденций современного развития правоведения — тенденция углубления представлений о праве как едином целом. И в теории права, и в отраслевых дисциплинах накоплен большой материал и немало сделано в результате анализа и определения многообразных правопроявлений. Отсюда возникает потребность восстановить на более широкой теоретической основе расчлененное анализом единство всех правовых сторон, с помощью синтеза представить право как целое, показав суть взаимодействия его сторон, место и меру каждой из них. В этом, как представляется, состоят задача и смысл современного правопонимания» [9].

Следует иметь в виду, что под интегративным правопониманием предлагается понимать принципиально новое, а не дополненное понимание права. Интегративная юриспруденция предполагает создание нового типа восприятия права на основе уже существующих классических концепций путем их синтеза [14].

Интегративная юриспруденция в современной России представлена самыми различными направлениями, авторы которых сами относят данные концепции к интегративным. Это либертарная концепция права В.С. Нерсисянца, диалогическая концепция права И.Л. Честнова, коммуникативная концепция права А.В. Полякова, реалистический позитивизм Р.А. Ромашова.

М.В. Немытина справедливо указывает, что «приверженцы различных научных концепций постепенно приходят к общей идее о необходимости некоего интегрального правопонимания, в рамках которого «право рассматривается как системная ценность». Их взгляды сходятся в том, что не стоит противопоставлять типы правопонимания, а следует искать точки их соприкосновения. Концепции, родившиеся в рамках одного типа понимания права, должны воспринять идеи, разработанные в рамках других, и, в свою очередь, обогатить своими идеями иные типы правопонимания... Именно интегральное (или интегративное) правопонимание позволяет сформировать целостное представление о праве, рассматривать право во множестве проявлений и одновременно в его единстве» [15].

В.Г. Графский пишет: «...Интегральная юриспруденция будет мостом, перекрывающим пропасть между юридическим концептуализмом (юридической догмой) и юридической социологией... Эта юриспруденция не есть порождение мира общеупотребительных дефиниций, она есть конструктивный набор основных идей, которые образуют относительно адекватную правовую философию. Интегральная юриспруденция предстает как синтез таких подразделений юриспруденции, как правовая аксиология (философия права), социология права, формальная (догматическая) юридическая наука, а также правовая онтология» [16]. По мнению В.Г. Графского, «интегральная юриспруденция может быть представлена в двух вариантах ее восприятия и толкования — в узком и широком смыслах. Понимание в узком смысле означает признание интегральной функции правового знания и интегрирующей функции самого права (в виде правового обычая или закона), а также аналогичную функцию просвещающего или практикующего правоведения как определенного способа упорядочения знаний и сведений о праве, законах и правовых обычаях. В широком смысле это синтезирующее правоведение, которое включает в себя пользование текстами законов, процедурами и принципиальными аксиомами правопонимания» [16].

Ю.В. Сорокина видит много положительного и полезного в интегративном правопонимании. Так, она считает, что «интегральная юриспруденция способна... помочь в исследовании причин несовершенной законодательной техники, взаимосвязи характера законодательства, способов и объемов регулируемых отношений с уровнем правосознания общества и с интересами отдельных лиц. Интегральная юриспруденция способна сделать шаг на пути к разрешению проблемы соотношения права и морали в плане рассмотрения их как элементов единого механизма социального регулирования. В связи с этим должен измениться и подход к изучению права, которое дополняется культурно-философскими, социологическими и лингвистическими методами» [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что нарождающиеся интегративные концепции правопонимания формируются как необходимый и своевременный доктринальный ответ на многочисленные попытки создать внутренне непротиворечивый подход к постижению сущности права, рассматривающие право как комплексное, многогранное и постоянно развивающееся явление.

Вместе с этим следует учитывать, что в мире нет ничего вечного, в том числе и неизменно существующих научных концепций, поэтому следует солидаризироваться с позицией А. В. Полякова, согласно которой «решение задачи, направленной на осмысление права как единства, существующего в разных ипостасях, формах и видах, не предполагает создания единственной теории права, пригодной на все времена и находящейся вне определенных социокультурных рамок. Речь идет лишь о векторе развития правовой мысли на исходе тысячелетия, и история XX в. подтверждает, что это направление остается главным» [18].

С позиции современной юридической доктрины, есть уверенность в том, что именно интегративные концепции правопонимания способны предоставить исследователям сбалансированный методологический инструментарий, пригодный для получения достоверных и всеобъемлющих знаний о сложном и многогранном социальном феномене — праве и правовой действительности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леушин В.И., Перевалов В.Д. Понятие, сущность и социальная ценность права // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. — М., 1998. — 396 с.
2. Лапаева В.В. Основные типы правопонимания // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. — М.: Эксмо, 2008. — 528 с.
3. Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. — СПб., 2001. — С. 37.

4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. — М.: РАП, 2007. — 512 с.
5. Ершов В.В. Обращение к читателям журнала «Российское правосудие» // Российское правосудие. — 2006. — № 1. — С. 7.
6. Царьков И.И. Развитие правопонимания в европейской традиции права. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 340.
7. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — Саратов, 2001. — 382 с.
8. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. — М., 1999. — 343 с.
9. Кудрявцев В.Н., Васильев А.М., Казимирчук В.П. Углубление правопонимания и категория «правовая система» // Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн.1 / под ред. А.М. Васильева. — М.: Юрид. лит., 1986. — 368 с.
10. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сборник статей. — М.: Статут, 2008. — 773 с.
11. Занина М.А. Теоретические и практические проблемы правопонимания // Российское правосудие. — 2008. — № 7. — С. 101.
12. Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. — 2008. — № 7. — С. 14.
13. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. — 2003. — № 6. — С. 13.
14. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2005. — С. 11.
15. Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания. Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов. — 2007. — 319 с.
16. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. — 2003. — № 3. — С. 54, 55.
17. Сорокина Ю.В. К вопросу о правопонимании // Адвокатская практика. — 2006. — № 6. — С. 43.
18. Поляков А. В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. — 2003. — № 6. — С. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Палеха Роман Робертович. Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.

Центральный филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия правосудия» (г. Воронеж).

E-mail: sea@vmail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95. Тел. (4732) 765-840.

Palekha Roman Robertovich. Assistant professor of the chair of General Theoretical Legal Disciplines. Candidate of law.

The Central branch of the State Educational Institution of Higher Professional Education «The Russian Academy of Justice» (Voronezh).

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Dvadsatiletia Oktyabrya str., 95. Tel. (4732) 765-840.

Ключевые слова к статье: правопонимание; сущность права; юридическая наука; методология; материализм; позитивизм; естественно-правовая теория; социологический подход; интегративные концепции.

Key words: legal understanding; the essence of law; jurisprudence; methodology; materialism; positivism; natural law theory; sociological approach; integrative concepts.

УДК 340.1

Т.Ю. Сафонова,
ВГАУ им. К.Д. Глинки

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ПРОКУРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

REGARDING THE PLACE AND ROLE OF PROCURACY IN THE MODERN RUSSIAN STATE

Анализируются основные подходы к определению места и роли прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации.

In the present issue the principle approach to determining the place and role of procuracy in the system of governmental bodies of Russian Federation is being analyzed.

В юридической литературе споры о роли и месте прокуратуры России в системе российской государственности не прекращаются и не теряют своей актуальности. Среди теоретических и практически значимых проблем выделяют, в частности, вопросы о необходимости прокуратуры России, ее качественных характеристиках, о возможности выделения ее в отдельную ветвь (контролирующую) власти в государстве или отнесения к исполнительной власти и др.

Мнения ученых по названным вопросам можно объединить в несколько групп.

К первой из них относятся ученые и практики, которые предлагают выделить прокуратуру в отдельную ветвь власти [1]. Так, Н.В. Мельников предлагает внести изменения в Конституцию Российской Федерации, закрепив в ст.ст. 10 и 11 прокурорскую власть в качестве самостоятельной ветви, а в новой главе «Прокурорская власть» отразить осуществление прокурорского надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением действующих на территории РФ законов, в том числе посредством уголовного преследования [2]. При этом В.Н. Мельников отмечает, что «создание в России прокуратуры как отдельной власти — явление уникальное. Именно она призвана быть балансом, уравнивающим

исполнение законов всеми органами власти. Следует отметить, что понятие прокурорской власти в нашей правовой науке ранее употреблялось весьма часто. В 70-х годах И. Фарбер указывал, что «прокурорский надзор в Советском государстве есть особая деятельность социалистического государства, основанная на демократических принципах и представляющая собой форму осуществления государственной власти» [3]. Аналогичные выводы делают Г.И. Боровин [4], В.Ф. Коток [5] и некоторые другие авторы [6], которые относили правовые отношения, возникающие в сфере прокурорского надзора, к государственно-властным отношениям. «...И если полномочиями по обеспечению прав и свобод граждан, народовластия, правопорядка наделены высшие органы государственной власти, судебные, правоохранительные и другие органы, то осуществление надзора за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов в целях обеспечения их верховенства, единства и укрепления законности — явление уникальное; в такой трактовке данная обязанность возложена государством только на один орган — Прокуратуру РФ. Отмена этих надзорных полномочий прокуратуры возможна лишь с приданием их какому-либо иному властному органу, к примеру омбудсмену

(уполномоченному по правам человека), и т.д. Здесь возникает вопрос о разумности подобных изменений при наличии сложившейся и действующей в России уже около 300 лет системы органов прокуратуры. При ликвидации же надзора за соблюдением законов неизбежно наступят анархия и правовой беспредел» [2].

Примерно такой же точки зрения придерживается С.Г. Буянский, который предлагает введение в Конституцию новой главы с названием «Прокурорский надзор»: «В ней можно было бы на основе соответствующих норм права установить, что прокуратура от имени государства надзирает на всей территории Российской Федерации за соблюдением требований Конституции, прав и свобод человека и гражданина, исполнением законодательства, а также указов Президента РФ нормативного характера. В других статьях этой главы целесообразно было бы определить основные направления надзорной деятельности прокуратуры. Среди них специально следовало бы указать на обеспечение верховенства Конституции России, единого правового пространства, федерализма, единого экономического пространства. Следует также закрепить право законодательной инициативы Генерального прокурора РФ (ч. 1 ст. 104 Конституции) и право обращаться в Конституционный Суд с запросами не только Генерального прокурора РФ, но и прокуроров субъектов Федерации (ч.ч. 2 и 4 ст. 125 Конституции)» [7].

Бесспорно, изложенное мнение представляет большой интерес, так как правовой статус Прокуратуры РФ как государственного органа не совсем ясен. Но в то же время возникает вопрос: а как же разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную? В.Н. Мельников отмечает, что «разделение властей на три ветви не может быть признано идеальным, особенно в России» [2]. Вместе с тем, Россия в последние два десятилетия активно развивается и пытается добиться признания ее как страны, которая движется в направлении совершенствования конституционной модели. Мы согласны с мнением академика В.С. Нерсисянца, который писал: «По мере того как в ходе истории все больше проявлялось правовое начало государственности, обособлялись именно законодательная, исполнительная и судебная власти, но не «контрольная» или, скажем, «карательная». Ибо именно эти три власти, и только они (четвертой в этом ряду не дано), исчерпывают предназначение государства — публично-властное обеспечение свободы, безопасности, собственности» [8].

Ко второй группе относятся ученые, размышляющие о статусе прокуратуры не как об

органе власти, а представляющие ее как систему «сдержек и противовесов» в механизме разделения властей [9].

Более сдержанной позиции в своих суждениях придерживается следующая группа исследователей. Они говорят о том, что реформу органов прокуратуры необходимо осуществлять взвешенно, не допустив ослабления правозащитной функции или ущемления интересов государства [10]. А. Мыцыков оговаривает, что прокуратуру реформировать ни в коем случае нельзя, так как ее историческое долголетие заключается как раз в консерватизме. Он считает, что речь должна идти о нишах, которые сегодня следует занять прокурорскому надзору, и средствах, которые повысят его результативность [11].

Ряд ученых предлагает выделить «прокуратуру в подсистему правоохранительной власти в системе государственной власти России» [12].

Есть еще одно течение, которое предлагает отнести Прокуратуру РФ к законодательной ветви власти. [13]. Так, по мнению профессора В.В. Ключкова, общий надзор может осуществлять только законодательная власть [14]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. Ломовский, утверждающий, что «прокуратура как орган надзора за исполнением законов должна находиться при законодательной власти России» [15].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Представляется, что, не умаляя значения прокуратуры для российского общества и государства, не следует ни делать из нее дополнительной ветви власти, ни включать ее в одну из существующих ветвей власти.

Следует отметить, что законодатель руководствовался в своем определении места Прокуратуры РФ в Конституции 1993 года особым статусом данного органа. А закрепив прокуратуру в главе 7 «Судебная власть», законодатель считал, что сложившиеся традиции прокурорского надзора не позволят судебной системе поглотить данный институт, сведя его непосредственные задачи до уровня судебного присутствия.

Указанные выше варианты определения правового статуса Прокуратуры России показывают на целесообразность проведения исторического анализа условий возникновения и развития прокуратуры в России. Конституция Российской Федерации в главе 7 «Судебная власть» определяет правовое положение, организационные основы, порядок и полномочия деятельности прокуратуры Российской Федерации. Также ч.5 ст.129 Конституции уточняет, что полномочия, организация и порядок деятельности Прокуратуры России определяются соответствующим федеральным законом.

В связи с вышеизложенным важно отметить, что Конституция РФ, «поместив» прокуратуру в главу о судебной власти, до конца не определяет ее правовое положение, место в системе государственной власти Российской Федерации. Данное обстоятельство не случайно. Если проследить все Конституции России, то проявляется следующая картина. Во-первых, в Декрете о суде №1 от 24 ноября 1917 г. были упразднены ранее существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры. Таким образом, царская прокуратура упразднялась без замены ее новой советской прокуратурой. И как следствие, в Конституции РСФСР 1918 г. нет ни единого слова о прокуратуре. Из этой Конституции видно, что функции прокуратуры были переадресованы различным органам государственной власти, в том числе ВЦИК, Народному комиссариату юстиции и многим другим.

Конституция РСФСР 1924 года закрепляла прокуратуру Верховного Суда СССР, которая не возглавляла прокуратуры союзных республик, а была самостоятельным, автономным образованием. В союзных республиках прокуратура строилась на началах централизации с подчинением Прокурору республики всех нижестоящих прокуроров. Прокурор Верховного Суда Союза ССР руководил деятельностью прокуроров и возглавлял в общесоюзном масштабе надзор за законностью деятельности ОГПУ.

В Конституции 1936 г. уже существует глава IX, которая называется «Суд и прокуратура». В этой главе прокуратуре отводится целых 5 статей, где говорится о высшем прокурорском надзоре, который должен осуществлять Генеральный прокурор, а также о назначении республиканских, краевых, областных и других прокуроров. Но о прокуратуре как о государственном органе, ее статусе, функциях и задачах деятельности в данной Конституции нет ни слова. Из Основного закона государства 1936 г. не ясно, что такое прокуратура, цели ее деятельности, место в системе государственных органов; а также нет отсылки к нормативному правовому акту, непосредственно регулирующему деятельность прокуратуры.

Если мы рассмотрим Конституцию СССР 1977 г. со всеми последующими изменениями и дополнениями, то увидим определенный прогресс, так как в ней появился раздел 7 «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» и глава 21 «Прокуратура». Но сущность главы 21, если сравнить с Конституцией 1936 года, практически не изменилась. В ней по-прежнему не дано определение прокуратуры как государственного органа, не приведены ее статус, цели, задачи и

функции, но при этом имеются положительные моменты, а именно, ст.168 Конституции 1977 г. делает прямую отсылку, что организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются Законом «О прокуратуре СССР».

Проанализировав положения всех Конституций России, можно с уверенностью сказать, что прокуратура как государственный орган ни в одной из них не занимала соответствующего ей места. И то, что в Конституции 1993 г. статус прокуратуры закреплен в последней статье главы 7 «Судебная власть» — это не случайность, а закономерность. Но если обратить внимание на момент создания данного органа, то увидим, что прокуратура в России учреждалась как надзорный орган и строилась как единая система на основах принципа централизации. По мнению академика О.Е. Кутафина, с которым мы согласны, Петр I учреждал прокуратуру «как представительный орган прежде всего императорской власти, осуществляющий от ее имени и по ее поручению повсеместный и постоянный надзор и контроль за действиями и решениями Правительствующего Сената, других центральных и местных учреждений» [16].

Со временем роль прокуратуры как государственного органа то увеличивалась, то уменьшалась; и в итоге мы видим, что статус данного органа нашел свое закрепление в Основном законе лишь в последней статье главы 7 «Судебная власть». Но прокуратура не относится к судебной власти — это можно увидеть из положений ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. № 1 — ФКЗ в ред. от 4.07.2003 г.; закрепление правового статуса этого органа государства в главе 7 является необоснованным, но так сложилось исторически. Законодателю только предстоит решить данную проблему. И здесь необходимо считаться с мнением В.С. Нерсисянца, который писал: «Ключевая задача состоит в том, чтобы, оставаясь в целом в рамках действующей Конституции и прочно блокируя опасный путь борьбы за принятие какой-то другой Конституции доступными конституционными средствами (разумный компромисс различных властей во имя сохранения нынешней Конституции, развитие и укрепление системы и механизма сдержек и противовесов во взаимоотношениях различных властей во имя сохранения нынешней Конституции, соответствующие толкования Конституционного Суда, необходимые поправки к Конституции и т.д.), ввести полномочия Президента в русло и границы исполнительной власти, усилить полномочия парламента как представительной и законодательной власти, создать и утвердить сильную правозащитную судебную

власть и в результате всего этого добиться такого реального баланса трех самостоятельных ветвей власти, который необходим и достаточен для их согласованного действия и нормального функционирования» [12].

Законодателью действительно давно пора определить правовой статус и место Прокуратуры России как государственного органа, но вместе с тем это решение должно быть не спонтанным, а продуманным, взвешенным, обоснованным и рациональным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковязина Ю. Основы возникновения и существования надзорной власти в России // Законность. — 2002. — № 1. — С.8 — 11.
2. Мельников В.Н. Прокурорская власть // Государство и право. — 2002. — №2. — С.20 — 27.
3. Фарбер И. Конституционные основы прокурорского надзора в Советском государстве // Советская прокуратура на страже законности. — Саратов, 1973. — С.72—107.
4. Боровин Г.И. О прокурорско-надзорных правоотношениях // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. — М., 1973. — С. 94 — 107.
5. Коток В.Ф. О системе науки советского государственного права // Советское государство и право. — 1959. — №6. — С.74 — 77.
6. Березовская С.Г. Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. — М., 1972. — С. 28—39.

7. Буянский С.Г. Правовые основы функционирования прокуратуры как органа контрольной власти // Закон. — 2005. — № 5. — С. 108 — 112.

8. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. — М.: Норма, 2006. — 832 с.

9. Шалумов М.С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право. — 1999. — № 1. — С.84 — 85.

10. Терещенко А. Реформа прокуратуры: новые приоритеты // Законность. — 2006. — № 8. — С.4 — 6.

11. Мыцыков А. Смысл реформ — повышение эффективности надзора // Законность. — 2007. — №5. — С. 2—6.

12. Карпов Н. Прокуратура как субъект конституционно-правовых отношений в Российской Федерации // Законность. — 2006. — № 5. — С. 112—116.

13. Чуглазов Г. Прокуратура в системе органов государственной власти // Законность. — 2006. — №4. — С.30—33.

14. Клочков В.В. Прокуратура в системе разделения властей // Законность. — 1995. — № 4. — С. 11.

15. Ломовский В. Какой власти принадлежит прокуратура? // Российская юстиция. — 2001. — № 9. — С.21 — 27.

16. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государства. Российские прокуроры. XVIII век. — М.: Феникс, 1994. — 281 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Сафонова Татьяна Юрьевна. Ассистент кафедры налогов и права.
ФГОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки».

E-mail: Safonovatanchik @ mail.ru

Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Мичурина, 1. Тел. (4732) 538-760.

Safonova Tatiana Yrievna. Assistant of Tax and Law chair.

Voronezh State Agricultural University.

Work address: Russia, 394087, Michurin str., 1. Tel. (4732) 538-760.

Ключевые слова к статье: прокуратура; прокурорский надзор; законодатель; судебная власть; государственный орган; суд.

Key words: procuracy; procuracy supervision; legislator; judicial authority; state structure; the court.

УДК 342

ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ю.С. Протасов,
кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ И ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (СЕНТЯБРЬ 1941 — ИЮЛЬ 1942 гг.)

THE FORMATION AND ACTIVITY OF GUERILLA AND SABOTAGE-RECONNAISSANCE GROUPS IN THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (SEPTEMBER 1941-JULY 1942)

Приводится подробный анализ процесса формирования и деятельности диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов на территории Центрально-Черноземного региона в начале Великой Отечественной войны.

The article contains the detailed analysis of the formation and activities of the guerilla and sabotage-reconnaissance groups in Central Black Earth region in the beginning of the Great Patriotic War.

С первых дней Великой Отечественной войны на оккупированной врагом территории советские люди начали беспощадную борьбу против немецких оккупантов.

Руководители Советского государства ставили перед республиканскими, областными и районными партийными и советскими организациями конкретные задачи по формированию конных и пеших партизанских отрядов, истребительно-диверсионных групп, по созданию на захваченных территориях сети подпольных организаций для руководства действиями против немецких захватчиков.

В связи с приближением линии фронта к границам Воронежской области областной комитет ВКП (б) и УНКВД в октябре 1941 г. развернули работу по созданию партизанских отрядов, выполняя постановление ЦК ВКП (б) «Об организации

борьбы в тылу германских войск от 18 июля 1941 года» [1].

К организации партизанских отрядов в Курской области приступили в конце 1941 г., сразу после создания 4-го отдела в составе УНКВД. Причем эта работа проводилась в период, когда противник уже занимал соседние с Курской области (Черниговскую, Сумскую и др.) и когда угроза его вторжения на территорию Курской области стала очевидной [2].

В Воронежской области было создано 165 небольших партизанских отрядов с количеством 20-25 человек каждый, с общим количеством 4883 человека [3].

Для вооружения сформированных отрядов Воронежской области было организовано изготовление снаряжения, закладка продовольствия и

обмундирования. Осенью 1941 года было изготовлено 17000 гранат, 4000 мин, 4480 финских ножей и др. [4]

Все граждане, отобранные в партизанские отряды для работы в тылу врага, согласно приказу заместителя Наркомата Обороны СССР Щаденко, освобождались от призыва в ряды Красной Армии, но в связи с тяжёлой обстановкой на фронтах в феврале-апреле 1942 г. Наркомат Обороны отменил свое распоряжение и 68 % личного состава сформированных партизанских отрядов Воронежской области было призвано в Красную Армию [5].

Руководители Воронежской области срочно провели реорганизацию и доукомплектование партизанских отрядов вновь отобранными гражданами, которые не успели пройти специальную подготовку. В результате на 1 июля 1942 г. в области имелось 158 партизанских отрядов по 15-25 человек каждый с общей численностью 3126 человек [6]. Также были подготовлены 94 базы с оружием, боеприпасами и продовольствием, 157 конспиративных квартир [7].

На начальном этапе организации партизанских отрядов (август-сентябрь 1941 г.) имел место ряд недостатков организационного характера:

- во-первых, при комплектовании отрядов и закладке тайников с оружием и продовольствием не соблюдалась надлежащая конспирация, в связи с чем личный состав был многим известен, что в дальнейшем было использовано немцами для ареста и разгрома партизанских отрядов;

- во-вторых, отрицательно влияло на развертывание боевых действий партизанских отрядов наличие семей бойцов и командиров, т.к. в результате быстрого продвижения противника по территориям областей большинство семей партизан не были эвакуированы. Часть из них, боясь, что их семьи будут расстреляны немцами, не проводили боевых действий, уходили из партизанских отрядов. Многие из них прошли регистрацию в немецких комендатурах и жили легально со своими семьями;

- в-третьих, активным боевым действиям препятствовала плохая оснащенность снаряжением, продовольствием, оружием, отсутствие живой связи;

- в-четвертых, отмечалась громоздкость отрядов, текучесть личного состава, слабая боевая подготовка, отсутствие опыта ведения партизанской войны [8].

В этих сложнейших условиях органы УНКВД и обкомов ВКП (б) Курской и Воронежской областей делали всё от них зависящее для организации партизанской борьбы с врагом, сочетая формы партизанской, подпольной и разведывательно-диверсионной работы.

Для повышения активности боевой деятельности партизанских отрядов Курской области к концу 1941 года был создан специальный инсти-

тут связных в количестве 175 человек, которые обеспечивали регулярную связь с партизанскими отрядами и доведение приказов 4-го отдела УНКВД [9].

Дислоцируясь в Старом Осколе, 4-й отдел УНКВД сформировал и перебросил на территорию, оккупированную противником, еще 15 партизанских отрядов в составе 298 человек. Кроме того, в соответствии с решением бюро Курского обкома ВКП (б) от 30.05.41 г. в 12 угрожаемых оккупацией районах — в Михайловском, Уразовском, Б.Троицком, Валуйском, Тербунском, Волоконовском, Ястребовском и др. — организовывались партизанские отряды общей численностью 353 человека, которые были вооружены, обеспечены продовольствием, а при занятии этих районов немцами, они оставались на месте для борьбы с врагом [10].

В целях повышения качества обучения была разработана программа подготовки спецгрупп и партизанских отрядов, программа подготовки политработников и вопросы для инструктажа лиц, направляемых в тыл противника.

Важным документом в деле подготовки к развёртыванию партизанской борьбы послужило распоряжение Воронежского обкома ВКП (б) от 12 апреля 1942 года «О мероприятиях по укреплению истребительных батальонов и партизанских отрядов». Учитывая местные условия, в этом распоряжении ставились задачи, раскрывалась структура и были разработаны рекомендации по подготовке партизанских отрядов для заброски в оккупированные районы Курской области и Украины. Выполняя постановление, органы госбезопасности пересматривали пароли, явочные квартиры, вновь назначали связных для каждого отряда, подбирали разведчиков. Для прохождения военного обучения подобранный состав включали в истребительные батальоны [11].

Наряду с организацией партизанских отрядов 4-м отделом УНКВД Курской области в 1942 г. в тыл противника было направлено 45 человек, организаторов мелких партизанских групп. К концу года в 12 районах при оставлении территории Курской области частями Красной Армии были сформированы 274 партизанские группы (по 4-5 человек каждая) общей численностью 984 человека [12].

Особое значение Штаб придавал обучению истребительских групп, которым предстояло действовать в тылу немецко-фашистских войск. Эти группы создавались из лучших бойцов истребительных батальонов исключительно на добровольных началах. Их подготовка проходила применительно к боевой обстановке и к условиям, в которых им приходилось действовать. Сюда входили тренировки длительных походов с полной боевой выкладкой: обучение бесшумному снятию часовых, порядку подхода к важным объектам (складам, мостам, штабам и т.п.); отработывались приемы и способы уничтожения техники противника.

Занятия велись, как правило, в ночное время. Прошедшие необходимую подготовку бойцы с конкретным заданием направлялись в тыл противника.

В целях подготовки кадров диверсантов и усиления подрывной, диверсионной и террористической деятельности в тылу немецко-фашистских войск, с приближением линии фронта к территории Курской области, по решению Обкома ВКП (б), в сентябре 1941 года в Курске при 4-м отделе УНКВД была организована специальная диверсионная школа [13], которая занималась подготовкой разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

За период с 1 сентября 1941 года по 1 июля 1942 года (за три набора) в школе прошли обучение и направлены через линию фронта 514 человек, из которых было сформировано 104 диверсионные группы [14].

Характерной особенностью начального периода войны следует считать то, что главные усилия УНКВД были направлены на обучение и заброску в тыл противника главным образом организаторов партизанской борьбы. Это обуславливалось тем обстоятельством, что необходимо было идейно и организационно возглавить борьбу советских патриотов в оккупированных врагом районах и максимально исключить элементы стихийности.

Проведение целого ряда мер по созданию партизанских формирований и разведывательно-диверсионных групп, выявлению и установлению связей с отрядами, стихийно возникшими в захваченных врагом районах, укрепление их подготовленными командными кадрами и партизанскими специалистами создавали необходимые предпосылки для развёртывания широкомасштабных пар-

тизанских и диверсионно-разведывательных действий в тылу немецко-фашистских войск.

События последних лет свидетельствуют, как остро встает вопрос о внутренней безопасности обновляющейся России. Опыт истории, в том числе и Великой Отечественной войны, убедительно подтверждает, что деятельность добровольческих формирований (истребительных батальонов, партизанских отрядов, диверсионно-разведывательных групп) как составной части силового министерства имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение, когда активную помощь органам внутренних дел в поддержании общественного порядка, борьбе с преступностью и другими проявлениями нарушения законности в современных условиях могли бы оказать общественные организации и движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях, с. 229.
2. Арх. УФСБКО, ф. 4, оп. 1, д. 64, л. 12.
3. ЦДНИВО, Ф. 3, оп. 1, д. 4560, л. 1.
4. ЦДНИВО, ф. 3478, оп. 1, д. 2, л. 5.
5. ЦДНИВО, ф. 3, оп. 1, д. 4560, л. 2.
6. ЦДНИВО, ф. 3, оп. 1, д. 4560, л. 2.
7. Тарасов Л. Воронежские партизаны // Последний прыжок «Барса». Страницы истории воронежского УНКВД-УНКГБ (1941-1945 гг.). - Воронеж, 1995. — С. 85.
8. ЦДНИВО, ф. 3, оп. 1, д. 4560, л. 3.
9. Арх. УФСБКО, Ф. 4, д. 64, л. 13.
10. Арх. УФСБКО, Ф. 4, д. 64, л. 13.
11. ЦДНИВО, ф. 3, оп. 1, д. 3776, л. 59-60, 342, 352-356 об., ф. 3478, оп. 1, д. 7, л. 9-11.
12. Арх. УФСБКО, ф. 4, д. 64, л. 16.
13. Арх. УФСБКО, ф. 4, д. 64, л. 16.
14. Арх. УФСБКО, ф. 4, д. 64, л. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Протасов Юрий Серафимович. Начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Кандидат исторических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, Проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 476-470.

Protasov Yuriy Seraphimovich. Head of the chair of Social and Humanitarian Sciences. Candidate of sciences (history), assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 476-470.

Ключевые слова к статье: оккупация; партизан; партизанский отряд; диверсия; диверсионно-разведывательная группа; истребительные батальоны.

Key words: occupation; guerrilla; guerrilla band; diversion; sabotage-reconnaissance group; destruction battalions.

УДК 94 (47)

М.А. Ермошина

кандидат экономических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

MODERN ASPECTS OF PROFESSIONAL ETHICS OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Анализируется современный аспект данной проблемы применительно к деятельности милиции в целом, а также подразделений органов внутренних дел.

The paper is devoted to most vital questions of professional conduct of law enforcement officials. Some modern aspect of the problem concerned in relation to the militia activities on the whole and to law enforcement bodies as well is analyzed.

Бороться с преступностью в современных условиях невозможно без укрепления правоохранительных органов, их очищения от коррупционеров, повышения престижа милицейской службы и доверия граждан к органам внутренних дел. Трудная и кропотливая работа по очищению милицейской среды от безнравственных людей является одной из ключевых, наиболее сложных задач современного Российского государства. Учитывать это особенно необходимо сегодня, когда проблемы соотношения права и этики, права и нравственности являются одним из важнейших факторов жизни современного общества.

Формирование высоких нравственно-этических качеств у сотрудников — верность служебному долгу и присяге, честность, неподкупность, внимательное отношение к людям, общая и правовая культура — обеспечивает профессионально-этическую состоятельность кадров внутренних дел, их устойчивость к воздействию негативных факторов и профессиональной деформации, а значит, повышает их надёжность в борьбе с преступностью [3. — С. 91].

Как указывается в главе 2 (ст. ст. 4—7) Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ, «профессиональные долг, честь и достоинство выступают важнейшими критериями моральной зрелости сотрудника...»; «неуклонное следование нравственным принципам — дело чести и долга сотрудника органов

внутренних дел»; «безупречное выполнение нравственных обязательств обеспечивает моральное право сотрудника на общественное доверие, уважение, признание и поддержку граждан»; «нравственные ценности составляют основу морального духа сотрудника, воплощающего осознание причастности к благородному делу защиты правопорядка, героической истории органов внутренних дел, победам, достижениям, успехам предыдущих поколений» [1. — С. 10—12].

Профессиональная этика сотрудников милиции имеет характер деонтологии (от греч. deontos — должное). Её нормы более строги и обеспечиваются административными санкциями: несоблюдение Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ может повлечь увольнение из органов. Профессиональная этика милиционера включает в себя как основные категории и составляющие общечеловеческой нравственности — справедливость, долг, ответственность, гуманизм и др., так и особенные — беспристрастность, пунктуальность и пр.

Милиционеры не должны: прибегать к ненужной силе; брать взятки; проявлять злобу; использовать незаконные методы работы; выбирать неподходящие средства для выполнения своего профессионального долга; позволять личным симпатиям, дружеским чувствам, предрассудкам, предубеждениям влиять на принимаемые ими решения; желать каких-либо привилегий.

Таким образом, по мере гуманизации и демократизации общества роль этических элементов в поведении и деятельности работников правоохранительных органов неуклонно возрастает.

Соблюдение принципов нравственно-этического поведения является залогом эффективности деятельности различных подразделений органов внутренних дел.

Многочисленные обязанности сотрудников подразделений милиции общественной безопасности: от контроля состояния автодорог и правильности оформления ценников в магазинах до посещения неблагополучных семей и содействия в трудоустройстве лиц, освободившихся из мест лишения свободы, — заставляют милиционеров ежедневно общаться с десятками различных людей в самых неожиданных ситуациях.

Соответствующая специфика обязывает представителей указанных подразделений иметь не только необходимую профессиональную подготовку, быть дисциплинированными и бдительными, при выполнении служебных обязанностей действовать решительно, смело и настойчиво, но и обладать высокими морально-этическими качествами, стойко переносить все трудности, связанные со службой, не шадить своих сил, а если потребуется — самой жизни для выполнения служебного долга. Сотрудник должен проявлять самоотверженность и постоянную готовность к выполнению своего служебного долга, ответственность за обеспечение правопорядка, неприкосновенность к правонарушителям, совершенствовать профессионализм и т. д. Все указанные требования носят не только профессионально необходимый характер, но и этический [4. — С. 116].

Особое значение данный аспект имеет для участковых уполномоченных милиции. Достаточная эффективность работы участкового уполномоченного возможна лишь в случае, если ему удастся расположить к себе граждан. Задача участкового уполномоченного во время короткого знакомства — оставить самое благоприятное впечатление о себе, что невозможно достичь при нарушении этических норм. Опираясь только на свои властные полномочия, участковый не справится с поставленными перед ним задачами, а основным инструментом участкового уполномоченного является убеждение. Опираясь же на свой авторитет, он, возможно, решит многие проблемы в ходе короткой беседы, иногда даже по телефону. Примером служат ежедневные семейные конфликты и конфликты между соседями [2. — С. 91—92].

Отличительной особенностью работы строевых подразделений милиции, несущих службу по охране общественного порядка, являются контакты с гражданами по инициативе сотрудника милиции. Грубости и провокационным действиям правонарушителя, если они имеют место, следует противопоставить решительность действий в сочетании с корректностью, выдержкой, самообладанием, спокойствием и обдуманностью принимаемых решений. При этом сотрудник должен быть предельно собран, бдителен и

внимателен. При разрешении конфликтных ситуаций желательно заручиться поддержкой и содействием окружающих граждан. Предъявляемые к нарушителю требования должны основываться только на действующих нормативно-правовых актах, быть понятными, излагаться в вежливой, тактичной и убедительной форме. Принимая меры к предотвращению или пресечению нарушений общественного порядка, сотрудник должен действовать решительно, но спокойно и корректно, ибо грубое обращение с нарушителем может вызвать отрицательную реакцию у окружающих. Не следует без особой надобности высказывать угрозы применения специальных мер воздействия (физической силы, спецсредств, огнестрельного оружия), отвлекаться на разговоры с окружающими [2. — С. 93].

В любых условиях сотрудник милиции должен быть вежливым и тактичным с гражданами, обращаться к ним на «Вы», свои требования и замечания излагать в убедительной и понятной форме, не допускать споров и действий, оскорбляющих их честь и достоинство [4. — С. 117].

Сотрудник будет выглядеть достойно и вызовет уважение, симпатию и поддержку граждан, если его действия в совокупности с требовательностью, твердостью и решительностью будут правомерны и понятны окружающим.

Нормы профессиональной этики предписывают сотруднику органов внутренних дел: вести себя с чувством собственного достоинства, доброжелательно и открыто, внимательно и предупредительно, вызывая уважение граждан к органам внутренних дел и готовность сотрудничать с ними; постоянно контролировать своё поведение, чувства и эмоции, не позволяя личным симпатиям или антипатиям, неприязни, недоброму настроению или дружеским чувствам влиять на служебные решения, уметь предвидеть последствия своих поступков и действий; обращаться одинаково корректно с гражданами независимо от их служебного или социального положения, не проявляя подобострастия к социально успешным и пренебрежения к людям с низким социальным статусом; оказывать уважение и внимание старшим по званию или возрасту, всегда первым приветствовать: младший — старшего, подчинённый — начальника, мужчина — женщину; придерживаться делового стиля поведения, основанного на самодисциплине и выражающегося в профессиональной компетентности, обязательности, аккуратности, точности, внимательности, умении ценить своё и чужое время; в поведении с коллегами проявлять простоту и скромность, умение искренне радоваться успехам сослуживцев, содействовать успешному выполнению ими трудных поручений, быть нетерпимым к бахвальству и хвастовству, зависти и недоброжелательности [1. — С. 13—14].

Сотрудник милиции должен помнить, что аморальное поведение, неразборчивость и нечистоплотность в личных связях, отсутствие навыков самодисциплины и распушенность, болтливость и

несобранность наносят непоправимый ущерб репутации и авторитету органов внутренних дел.

Для сотрудника милиции недопустимы: поспешность в принятии решений, пренебрежение процессуальными и моральными нормами, использование средств, не соответствующих требованиям закона, нравственным принципам и нормам; провокационные действия, связанные с подстрекательством, склонением, побуждением в прямой или косвенной форме к совершению правонарушений; разглашение фактов и обстоятельств частной жизни, ставших известными в ходе следственных действий; избирательный подход в принятии мер к нарушителям закона, правил дорожного движения; равнодушие, бездеятельность и пассивность в предупреждении и пресечении правонарушений [1. — С. 18].

Культура речи является важным показателем профессионализма сотрудника милиции и проявляется в его умении грамотно, доходчиво и точно передавать мысли. Культура речи обязывает сотрудника придерживаться следующих речевых норм: ясности, грамотности, содержательности, логичности, доказательности, лаконичности, уместности. Сотруднику необходимо соблюдать и отстаивать чистоту русского языка. В речи сотрудника органов внутренних дел исключается использование нецензурной брани, сквернословия и выражений, подчеркивающих негативное, презрительное отношение к людям, жаргонизмы и другие элементы криминальной субкультуры в общении с коллегами и гражданами.

Достойный внешний вид сотрудника милиции обеспечивает моральное право на самоуважение, способствует укреплению доверия граждан к органам внутренних дел, оказывает влияние на поведение и поступки людей.

Утрата служебного удостоверения является грубым нарушением не только служебной дис-

циплины, но и норм профессиональной этики. Сотрудник органов внутренних дел должен считать неприемлемым для себя: передавать служебное удостоверение другим лицам, оставлять его в качестве залога или на хранение; использовать (предъявлять) служебное удостоверение в интересах, не связанных с выполнением служебных задач; носить служебное удостоверение в кошельках, барсетках и других местах, не обеспечивающих его сохранности [1. — С. 35].

Сотруднику независимо от занимаемого им служебного положения следует предпринимать меры антикоррупционной защиты, состоящие в предотвращении и решительном преодолении коррупционно опасных ситуаций и их последствий. Нравственная чистоплотность, неподкупность сотрудника, его преданность интересам службы, верность служебному долгу составляют основу профессионально-этического стандарта антикоррупционного поведения [1. — С. 39].

Таким образом, соблюдение принципов и норм профессиональной этики является залогом эффективности деятельности органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ. — М., 2009. — 47 с.
2. Профессиональная этика сотрудников ОВД: учеб. пособие. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2007. — 151 с.
3. Профессиональная этика: учебник / под ред. Г.В. Дубова, А.В. Опалева. — М.: ЮНИТИ, 2002. — 612 с.
4. Сокова З.К. Профессиональная этика: курс лекций. — М.: ЦИ и НМО КП МВД России, 2000. — 204 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Ермошина Марина Анатольевна. Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Кандидат экономических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Ermoshina@vimvd.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (4732) 476-470.

Ermoshina Marina Anatolyevna. Assistant professor of Social Humanitarian Subjects chair. Candidate of economical sciences, assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (4732) 476-470.

Ключевые слова к статье: нормы профессиональной этики; нравственно-этические качества; Кодекс профессиональной этики.

Key words: rules of professional conduct; moral qualities; Code of professional conduct.

ББК 88.4

С.В. Могильниченко,
Воронежский институт ГПС МЧС России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ МЧС РОССИИ

PSYCHOLOGICAL PARTICULARITIES OF EDUCATIONAL AND MILITARY ACTIVITY OF EMERCOM STAFF

Рассматриваются основные профессионально важные качества пожарных, изложен психологический анализ деятельности пожарных в экстремальных условиях. Представлены результаты психологического отбора абитуриентов в ВИ ГПС МЧС РФ, влияющие на организацию учебного процесса на основе индивидуального подхода.

The article deals with firemen's main professional qualities and psychological analysis of their activities in emergency situations. The results of psychological selection of candidates to the institute influenced the organization of individual teaching process are given.

Начало XXI века охарактеризовалось резким всплеском экстремальных ситуаций не только в социально-экономической сфере человечества, но и в окружающей его природе. Можно говорить о том, что мир вступил в экстремальный век, так как многочисленные риски, аварии, опасности и угрозы стали повседневными буднями. Глобализация масштабов деятельности современного человека коренным образом меняет ситуацию в мире и отнюдь не в лучшую сторону.

Служебная и боевая работа личного состава пожарных частей проявляется в чрезвычайных ситуациях и является одной из специфических форм человеческой деятельности. Чрезвычайные ситуации — это ситуации, которые ставят перед человеком очень большие, даже предельные трудности и требуют от него полного проявления всех сил и возможностей [1]. С психологической точки зрения, служебная и боевая работа пожарного соединяет в себе аспекты обучения, труда, спорта и боевых действий в экстремальных условиях по спасению людей, тушению пожаров,

ликвидации аварий на промышленных предприятиях, в других чрезвычайных ситуациях. Если говорить о пожарном-профессионале, который по роду своей деятельности должен быть готов с риском для своей жизни успешно действовать при критических обстоятельствах, возникающих на работе, то его успех в подобных обстоятельствах напрямую зависит от экстремальной подготовленности [1], включающей в себя следующие компоненты:

- экстремальная осведомленность;
- морально-психологическая подготовленность к действиям в экстремальных ситуациях;
- экстремальная обученность;
- надежность профессиональных навыков и умений;
- сформированность навыков и умений действовать в группе, в том числе интернациональной;
- экстремально-психологические знания;
- экстремально развитые познавательные качества (наблюдательность, мышление, бдительность, воля и др.);

подготовленность к обеспечению личной безопасности.

При всем многообразии профессионально важных качеств можно назвать ряд из них, которые выступают как профессионально важные практически для любого вида трудовой деятельности. К таким качествам относятся: ответственность, самоконтроль, профессиональная самооценка и несколько более специфичных — эмоциональная устойчивость, тревожность, отношение к риску и т.д. Особый интерес представляют особенности личности, которые способны регулировать уровень функционального состояния при несении службы. Наиболее часто таким качеством выступает эмоциональная устойчивость, позволяющая сотруднику Государственной противопожарной службы (ГПС) сохранять необходимую физическую и психическую работоспособность в чрезвычайных условиях.

Специфическая особенность целенаправленного рабочего процесса пожарных выражается в очевидности ее социальной значимости и экологической ценности. Следует учитывать, что деятельность пожарного в большинстве случаев осуществляется в условиях сильнодействующих стресс-факторов: жары, дыма, взрывов, высоких физических нагрузок и т.д. Как показывают исследования психологов, занимающихся психологическим анализом деятельности пожарных [2], сила нервной системы и тревожность (эмоциональная возбудимость в угрожающей ситуации) будут существенно влиять на результативность действий личного состава пожарных подразделений в экстремальных условиях тушения пожаров. В связи с этим возникает необходимость дифференцированного подхода к подготовке, расстановке личного состава пожарных подразделений как во время действий в экстремальных условиях, так и в других видах служебной деятельности с учетом их морально-психологической подготовки, физического состояния, профессионального уровня.

Психологические различия между людьми могут быть настолько значительны, что некоторые сотрудники, несмотря на достаточное здоровье и активное стремление овладеть определенной деятельностью, фактически не могут достигнуть необходимого минимума профессионального мастерства. Практика показывает, что сотрудники ГПС, не обладающие достаточными способностями к работе в противопожарной службе, не только значительно дольше овладевают этим видом деятельности, но и работают хуже других, чаще допускают ошибки, обладают меньшей надежностью в работе.

Необходимые психические свойства человека развиваются в процессе его профессиональной

деятельности или компенсируются другими свойствами с помощью специальных приемов и способов действия. Лишь в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, к числу которых относятся пожары, требования к отдельным психическим свойствам резко повышаются. И если профессиональная деятельность такова, что экстремальные ситуации возникают в ней довольно часто, появляется необходимость в отсеивании людей, не соответствующих по психологическим свойствам требованиям деятельности, или перераспределении их по рабочим местам с учетом индивидуальных психологических особенностей [3].

К сожалению, в настоящее время в этой области наблюдается определенное несоответствие между уровнем психологического состояния абитуриентов, стремящихся стать пожарными, и их базовой школьной подготовкой. Причем дальнейшее расслоение общества по уровню доходов и соответственно, реализации возможности получить достойное профессиональное образование приводит в настоящее время к трансформации указанного несоответствия в противоречие с вытекающими последствиями. Так, абитуриенты, обладающие высоким уровнем психологической устойчивости, зачастую не имеют должного базового образования. Напротив, абитуриенты, имеющие достаточный уровень базового школьного образования, не могут пройти этап психологического отбора и тестирования. Компромисс часто грозит потерями личного состава ГПС в процессе выполнения ими боевых задач, что является недопустимым.

Данные выводы находят свое подтверждение при анализе результатов психологического отбора и тестирования абитуриентов, поступавших в Воронежский институт ГПС МЧС РФ на протяжении последних трех лет. Причем данный срез является характерным для государственных образовательных учреждений, реализующих целевую подготовку специалистов Государственной противопожарной службы для различных регионов России.

В соответствии с руководящими документами МЧС России Воронежский институт ГПС МЧС РФ принимает для целевой подготовки абитуриентов из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского регионов. Из 610 абитуриентов, поступивших в институт в 2006-2008 годах, 471 человек (77%) прибыли из центральных регионов России и являются русскими по национальности. Из Северо-Кавказского региона поступило 111 человек (18%), в их числе чеченцы, ингуши, кабардинцы и дагестанцы. Из Приволжского и Уральского регионов поступило 28 человек (5%). Их национальный состав: башкиры, татары, чуваш.

Анализ результатов психологического отбора показывает, что количество абитуриентов с сильной нервной системой, склонных к риску, прибывших для поступления в ВПТУ МЧС РФ из Центрального региона, составляет 39%, из Северо-Кавказского региона — 67%, из Приволжско-Уральского региона — 45 %.

Однако статистический анализ результатов профессионально-психологического отбора показал, что именно абитуриенты из Северо-Кавказского региона имеют низкий уровень развития способностей к учению и низкий уровень базовой подготовки по многим предметам — 63%.

Активное участие личного состава МЧС России в международных проектах и операциях позволяет говорить о том, что иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов пожарной безопасности, а роль дисциплины «Иностранный язык» в учебных заведениях силовых министерств, в том числе в пожарных, значительно возрастает, существенно мотивируя учебный процесс.

Перед преподавателями стоит сложная задача обучить курсантов, имеющих низкий базовый уровень подготовки по иностранному языку, но имеющих высокий уровень психологической устойчивости и способных успешно действовать в экстремальных ситуациях. Эту задачу можно решить только с помощью современных методов и технологий обучения, направленных на инди-

видуализацию учебного процесса. Сочетание блочно-модульного и программированного обучения с активным использованием средств информационных технологий в качестве инструментария учебного процесса при обязательном активном участии преподавательского состава дает наиболее успешный результат. Смещение акцента в учебном процессе в сторону индивидуальных технологий позволит в полной мере развить курсанта с высоким уровнем психологической устойчивости до уровня профессионала, способного выполнять свои профессиональные обязанности в экстремальных условиях.

Так как профессиональные качества пожарных базируются на их морально-психологических особенностях, то достижение ими профессионализма возможно при дальнейшем повышении уровня индивидуальной подготовки курсантов и слушателей институтов ГПС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология экстремальных ситуаций: хрестоматия / сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 480 с.
2. Самонов А. П. Психология для пожарных. Психологические основы подготовки пожарных к деятельности в экстремальных условиях. — Пермь: КРОМ-С, 1999. — 600 с.
3. Психологический отбор кандидатов на службу в ГПС МЧС России: методические рекомендации. — М.: ВНИИПО, 2003. — 148 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ СТАТЬИ:

Могильниченко Светлана Витальевна. Старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Воронежский институт ГПС МЧС России.

E-mail: smog2010@mail.ru

Россия, 394052, Воронеж, ул. Краснознаменная, 231. Тел. 8-910-345-69-10.

Mogilnichenko Svetlana Vitalyevna. Senior lecturer of the chair of Humanitarian, Social and Economic Sciences.

Voronezh Institute of State Firefighting Service of EMERCOM of Russia.

Work address: Russia, Voronezh, 394052, Krasnoznamennaja str., 231. Tel. 8-910-345-69-10.

Ключевые слова к статье: чрезвычайная ситуация; эмоциональная устойчивость; психологический отбор; международная деятельность; иноязычное общение.

Key words: emergency; emotional stability; psychological selection; international activity; foreign language communication.

УДК 811.111:373.5:004